

литература • культура • молодёжь • время/сентябрь 2018

ИДЕАЛЬ

16+

*Мнение
эксперта*

АНДРЕЙ
КУЗЬМИН

Персона

АЙГУЛЬ
МИРЗАЯНОВА

Юбилей

РАМИЛЬ
ГАЛИ

КАК СМИ НЕ СКАТИТЬСЯ ДО УРОВНЯ ФЕЙКА



Платья для
НИКАХА
Вечерние и сценические
наряды.

Образы для фотосессии
предоставила дизайнер и стилист *Нурия УМАЙ*

89874048286



@nuriya_umai

на правах рекламы

ИДЕЛЬ

Редаксовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Елена ШТАНЬКО
Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШИГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Камиля ХАДИЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

 татмедиа

При перепечатке ссылка на
«Идел - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 1318

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
Подписано в печать 03.09.2018
Заказ Е-2340
Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72
Уч.-изд.л. 8,5



16+



Фото 1 обложки – Рамиль Гали



26

СОДЕРЖАНИЕ

3 МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Андрей КУЗЬМИН
Главная задача СМИ – не опуститься до уровня фейка

8 ПЕРСОНА
Айсылу ХАФИЗОВА
*Айгуль Мирзаянова:
Молодые не стремятся
попасть в телевизор*

16 ЮБИЛЕЙ
Иркэ ИРГАШЕВА
*Гали: Без фотоархива
завтра мы опять будем
монголо-татары*

23 ЛАЙФХАК
Гульнара УРАЗ
*Как удержать музу?
Лайфхаки от мастера
биолокации*

26 ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Римзиль ВАЛЕЕВ
*Голос, который хочется
слушать
Наиль Алан Хисамиев
Мечты и реальность
татарского МОЦ над
волнами Атлантики*

32 НОВАЯ КНИГА
Рамиль ГАРИФУЛЛИН
*«Нас возвышающая
музыка...»*

36 ПРОЗА
Сергей ПИДЕНКО
Серебряная труба Арама

41 ДЕБЮТ
Гульнара ТАГИРОВА
Скрипка

42 ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ
Зиля МУБАРАКШИНА
*Харис Закиров: «Если
хотите сделать имя в
журналистике, пишите на
проблемные темы»*

48 ПРОЗА
Харис ЗАКИРОВ
*Свёрток
Голден салями*

54 ПРОЗА
Айрат БИК-БУЛАТОВ
*Как я детишек
журналистике учил*

57 ПРОЗА
Федор ОШЕВНЕВ
*Болтыш и Жаба
Канатка*

64 ЮБИЛЕЙ
Абдулла АЛИШ
*«Летите, ветры, быстрые
мои...»*

66 ЮБИЛЕЙ
Расул ГАМЗАТОВ
Избранные стихотворения



42

68 ПОЭЗИЯ
Нури БУРНАШ
VERSES ORDINARIA

72 ПОЭЗИЯ
Дмитрий ТУМАНОВ
Ленинградская акварель

76 ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДЕ
Игорь ЕЛИСЕЕВ
*Стихотворения татарских
поэтов*

79 ПОЭЗИЯ
Евгений МОРОЗОВ
*«Голос, вплетенный в
натруженный хор...»*



16



64



Медиапространство изменилось с момента появления соцсетей. Раньше начинающему журналисту в поисках славы и авторитета нужно было попасть на экран, и путь этот тоже был тернистый – сначала необходимо было нарастить профессиональные «мышцы». Как рассказал эксперт сентябрьского номера Андрей Кузьмин, чтобы подготовить сюжет, журналист за экспертным мнением обращался к базе контактов или к архивным документам. Сегодня достаточно нажать на кнопку в поисковике – вся информация как на ладони.

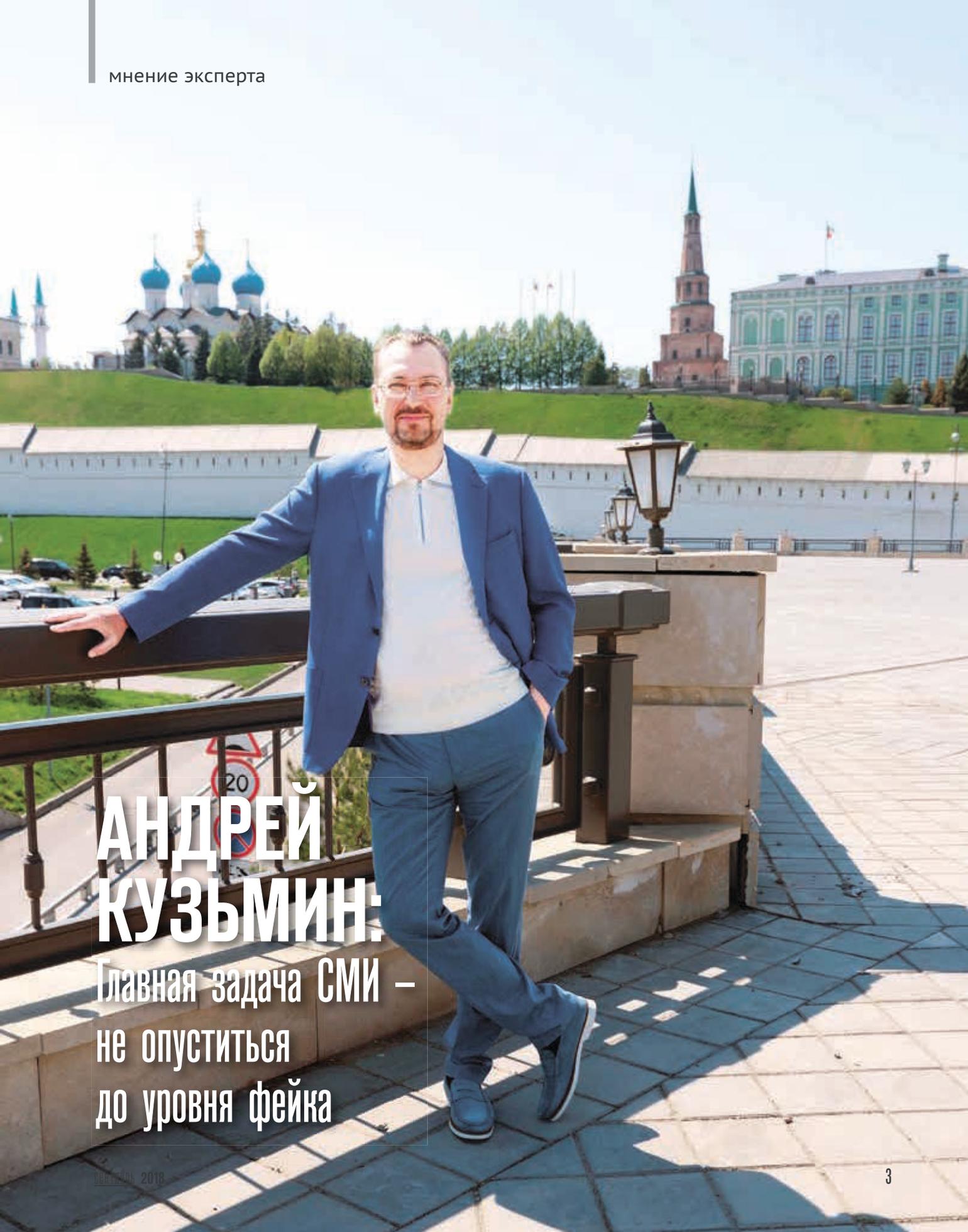
Чтобы быть услышанным, сегодня не нужно приходить в редакцию СМИ, достаточно выложить ролик или фото. Моментальная слава обеспечена. В этом уверена опытный тележурналист и пиарщик Айгуль Мирзаянова. Сегодня каждый сам себе СМИ, каждый блогер претендует на статус эксперта, а печатная продукция стремительно теряет подписчиков. Аудитория ушла в Интернет. В особенности – молодая. И, по мнению экспертов, сегодня профессиональные источники информации должны держать планку доверия своих читателей-зрителей и не упасть до уровня фейка.

Но есть у технической революции и светлая сторона – уникальные архивы бумажных фотографий можно еще спасти. Каждая фотокарточка – это исторический документ, уникальное свидетельство эпохи, а сохранить их можно в цифре путем создания фотобанка. Об этом рассказал уникальный фотохудожник Рамиль Гали. В этом году мастер репортажа отмечает 60-летний юбилей.

Профессиональными секретами делится с читателем «Идели» и Харис Закиров – ветеран татарской журналистики ныне пробует себя в прозе, его рассказы остры и трогают за живое. Как и проза нашего коллеги Наиля Алана Хисамиева, которую он успел прислать в нашу редакцию незадолго до смерти.

Проза и поэзия в номере представлены также произведениями журналистов: Абдуллы Алиша, Дмитрия Туманова, Айрата Бик-Булатова, Сергея Пиденко, Федора Ошевнева и Рамиля Гарифуллина.

Айсылу Хафизова



АНДРЕЙ КУЗЬМИН:

Главная задача СМИ —
не опуститься
до уровня фейка

ШКОЛА «ЭФИРА»

В СМИ я пришел еще в начале 90-х, когда стал ведущим радио «Европа Плюс» во время учебы в Санкт-Петербурге. В Казань я вернулся по семейным обстоятельствам, затем после неудавшейся, слава богу, пробы на радио ГТРК «Татарстан», пришел на телеканал «Эфир» по приглашению Ильшата Аминова, тогда – руководителя программы «Город». Я немного растерялся, хотя мне уже тогда нравились ведущие этого канала Яна Валиди и Айгуль Мирзаянова, они были интересными и динамичными, совершенно не похожими на персон государственных телеканалов. Я пришел, попробовал – вот, до сих пор пробую себя в разных ипостасях.

Самое первое мое интервью, на которое я выехал, это был конфликт жильцов с управляющей компанией. Мы поехали снимать с покойным Володей Селиверстовым – классным оператором. На этих съемках с одной стороны была толпа орущих жильцов, с другой – бледный управляющий, который тоже что-то пытался им доказывать. Володя мне подсказывал, у кого взять интервью. Перед этим мне примерно рассказали, как делать конфликтные сюжеты. В итоге мы записали две кассеты, из этого нужно было что-то удобоваримое. Я представил, что это спектакль, где есть начало, развитие, кульминация и катарсис. У меня получился хороший такой спектакль на сорок минут. Программа «Город» шла пятнадцать минут, поэтому мне было велено сократить сюжет до двух минут. Я сутки сидел и с ощущением, что режу своего ребенка, кромсал сюжет. Это ведь глобальный человеческий конфликт! Потом я смотрел эту передачу, которую вела Яна. И две минуты! Я был очень разочарован. Но меня зацепил момент, когда всю суть можно пере-сказать коротко. В 1995 году я начал

работать в качестве ведущего. Нас было четверо – Айгуль Мирзаянова, Яна Валиди, Эдуард Хайруллин и я. Иногда к нам присоединялся Аминов, но как директор он все меньше и меньше выходил в эфир. В те времена все было демократично и свободно, можно было попасть на ТВ с очень приблизительным пониманием того, что происходит в жизни. Поэтому мне повезло. Потом со временем мы начали вырабатывать свою стилистику, ориентироваться на конкретных людей за чертой экрана. Потом пошли прямые эфиры.

В 1997 году я возглавил еженедельную аналитическую программу «Республика». Мы создали некую палитру – новости были из разных городов Татарстана, потихоньку пошла аналитика. У нас не было за плечами кондового советского ТВ – мы всего этого не знали и все делали «с колес». И была, действительно, свобода – над нами не довлела партия, какая-то цензура. Мы резвились, как собачки на лугу, это было очень весело. И вот этим мы заразили всю публику. Времена были такие – люди начали дышать, воспринимать все новое.

И второй момент – мы рассказывали о жизни простых людей на понятном им языке. Поэтому и «Эфир», и «Город» стали популярными, и до сих пор эта популярность держится. И эти же принципы мы стараемся внедрять на новом нашем телеканале «Татарстан-24». Этим же принципам мы обучаем наших журналистов в разных городах республики, которые объединены нашим телеканалом. И даем палитру новостей на всю республику и для всей республики.

В школе «Интерьюс» в Москве я обучался три месяца по направлению руководства «Эфира». Там преподавали ребята, которые уже знали, как снимать сюжеты. То есть мы получали навыки и по технологии

самой съемки, и по сути подаваемых событий – что это должно быть просто, честно, открыто. Нас учили писать тексты для ТВ, которые строились совсем иначе, чем для газет. Поэтому когда к нам приходили люди после журфака, мы их учили заново. Если хочешь быть популярным на ТВ, излагать надо очень просто: как можно меньше деепричастных оборотов, украшалок. Плюс я еще два месяца был в Америке и посмотрел вживую, как это происходит. Там мы посмотрели технологию работы и полностью поменяли подготовку и выдачу материалов в эфир. Мы ввели систему продюсирования, чтобы журналист, выехавший на съемку с камерой, не получил от ворот поворот и смог отработать оперативно. Еще у нас было двойное ведение, и только потом оно появилось на центральных каналах. Кстати, в Америку не особенно охотно приглашали с государственных каналов. Мы же посмотрели Нью-Йорк, Солт-Лейк-Сити, Лос-Анджелес, Сиэтл. Это шикарнейший город, похож на Казань. И я с большой болью в сердце смотрел в 2001 году, как падали башни-близнецы, на которые мы залезали.

Из Америки мы вынесли многое. Но самое главное – мы вынесли некий дух свободы, то, что мы в наши молодые годы попали в струю обновления, неких демократических перемен, подъема – и экономического тоже. Мы понимали, что мы значимы. Нас узнавали на улице, и я этого стеснялся. Эта известность многим, к сожалению, людям с нестойкой психикой и моральной организацией оказала медвежью услугу. На эту тему отлично высказался Познер: «Если в течение шести месяцев по телевизору показывать лошадиную задницу, ее начнут узнавать на улице». В профессии



*Генеральный директор АО «Татмедиа».
Родился 28 июня 1969 года в Казани. Окончил
Ленинградский государственный институт театра,
музыки и кинематографии им. Черкасова. Во время учебы
работал ведущим на радио «Европа Плюс».
В тележурналистику пришел в 1995 году.
В 2005-м – заместитель министра культуры РТ.
Окончил Северо-Западную академию государственной
службы Санкт-Петербурга по специальности
«государственное и муниципальное управление».
В 2006-м возглавил пресс-службу Рустама Минниханова.
С 2015-го года – генеральный директор АО «ТАТМЕДИА».*

ведущего еще есть один парадокс – с виду невзрачный персонаж на экране может преобразиться, внушать доверие зрителям. Поэтому, если кто-то хочет в телевизор, но переживает из-за своей внешности, нужно идти и пробовать – это прикольная и классная профессия.

Сейчас еще более динамичное время, оно спрессовывается – если ты сейчас за десять секунд не зацепил, то все – внимание переключается. Особенно у молодого поколения – миллениалов. Технология со временем не меняется, просто добавляются какие-то технические штучки. Все минимизируется, нужно

четко и ярко расставлять звуковые и эмоциональные акценты, чтобы зацепить, дойти до зрителя.

ОПИРАТЬСЯ НА ЭКСПЕРТОВ

Если говорить об организации труда, самое главное – в первое время выстроить свою работу. Потом все само работает, просто нужно периодически «смазывать шестеренки». Но здесь иногда требуется большое напряжение. Этому, наверное, нельзя научиться со стороны – понимать потенциал человека, который с тобой работает. Я чуть со смеха не умер – люди по тысяче долларов заплатили, чтобы попасть

на коуч-семинар одного знаменитого российского журналиста, он начал рассказывать, как нужно здороваться за руку, с какой силой жать – какие-то благоглупости доносить до людей, я решил, что меня разводят. А людей начинаешь различать, когда много общаешься по работе. Журналистика тем и примечательна, что за день можешь пообщаться с десятками незнакомых людей. И ты от каждого набираешься, каждый тебе что-то приносит.

Вообще, когда не было Интернета, подспорьем в работе журналиста были люди, эксперты в своей сфере. Чтобы получить информацию, нужно было идти в библиотеку или к специалисту. Тратишь целый день на то, на что сейчас уходит минут пять: погуглил – и тебе все на ладони. Перед тем, как выехать на сюжет, мы очень мощно прорабатывали вопрос. И журналист тот ценен, у которого большая база консультантов. Базу контактов никто не отменяет и сейчас: если ты хочешь разбираться в обстановке, ты должен выслушать несколько компетентных мнений.

Никогда нельзя считать себя умнее собеседника. И нельзя ни в коем случае нести отсебятину. Поэтому я всегда старался быть над схваткой, предоставлял слово другим людям. И нельзя считать идиотами людей, которые тебя смотрят. Задача журналиста – просто донести до них информацию и дать им возможность самим делать выводы. Единственное, что я себе иногда позволял – некий филологический стеб, игру слов, это уже каждый в меру своей воспитанности и начитанности делает.

Не навреди – это главный принцип и в нашей работе. У журналиста не должно быть своего мнения – он проводник. Он должен предоставить людям четкую взвешенную, продуманную информацию. Мы говорим о



новостях. Аналитика сейчас исчезла, на ТВ пошли другие жанры. Если хочешь аналитику, заходишь в Интернет и смотришь блогеров или компетентных в узких отраслях людей. Люди сейчас сами выбирают.

Мне сейчас жалко нашу молодежь, детей. Потому что на них обрушился информационный поток, в сотни раз превышающий тот, который на нас в свое время падал. Сейчас нам остается только приучить их к информационной гигиене. Не заходите на сомнительные сайты. Определите для себя источники информации. Ищите то, что нужно.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СМИ

Мы государевы люди. Я уже давно на госслужбе. Поэтому наша задача доносить до людей информацию о деятельности правительства и президента, муниципалитетов и

обеспечивать обратную реакцию людей на наши материалы, на наш продукт. Это выражается в доверии людей к нам. Наш продукт должен быть удобоваримый, оперативный, честный, красиво и хорошо упакован, написан хорошим языком – русским, татарским, чувашским. Это не только телевидение, газеты, радио, но и сайты, соцсети и прочие средства. Поэтому мультимедийность – это главный тренд, который мы в последние годы разрабатываем.

Власть в Татарстане, слава богу, дает много информационных поводов. И они положительные. Нам есть, о чем рассказывать, мы избалованы – в некоторых регионах никогда не проходили и не пройдут такие федеральные и международные мероприятия, а для нас это естественно. Преобразовать событийный продукт, который нам предлагает власть,

в продукт информационный и донести его до населения – это наша основная задача. Я считаю, что мы с ней справляемся. Потому что ИА «Татар-информ» стабильно входит в четверку самых упоминаемых СМИ в Татарстане. А его татарская версия – это вообще сейчас номер один. Очень мощный рывок был сделан за последние два года в плане телевидения – наша идея с объединением информации со всех муниципальных районов и передача их сюда через «Татарстан-24» и обратно в районы с уже республиканской палитрой – это хороший продукт, который постепенно завоевывает сердца наших зрителей во всех городах и районах республики.

Как бы ни говорили о печальной ситуации с печатной продукцией, у нас падение тиражей идет в общемировых и общероссийских рамках – порядка семи-десяти процентов в год. Но это падение ожидаемое и прогнозируемое. Есть несколько причин, они на слуху. Во-первых, это проникновение других источников информации (Интернет). Молодежь не читает газет, не смотрит телевидение и не слушает радио. Во-вторых, политика Почты России – повышение тарифов, что повлияло на покупательский спрос, ввиду слабой платежеспособности потребителей. Еще одна причина – естественная убыль людей, которые подписывались на печатную продукцию. Но, тем не менее, в районах газета остается главным источником получения информации.

СМИ В ИНТЕРНЕТЕ

У каждого печатного СМИ есть сайт. У районной газеты может быть две тысячи подписчиков, а на сайт заходит по пять тысяч читателей в день. В лидерах «Челнинская газета» – у нее десятки тысяч уникальных посетителей. Она входит в десятку

самых посещаемых сайтов республики. Мы ставим задачу идти туда, где люди. Поэтому мы продвигаем нашу информацию в соцсетях, создаем собственные аккаунты. И совокупное число подписчиков ресурсов «Татмедиа» в соцсетях порядка полутора миллионов! Мы нарастили эту цифру за два года, и она продолжает расти. В 2016 году количество подписчиков было пятьсот тысяч, сейчас втрое больше. Людям интересна та информация, которую производят журналисты на местах. Поэтому количество потребителей не уменьшается. Я констатирую увеличение и не воспринимаю критику о том, что газеты и журналы не нужны. Они производят информацию, которая нужна людям. Люди за нее голосуют, заходя на сайт. Если в Мамадыше не будут оперативно и честно рассказывать о том, что у них происходит в городе, люди не будут к ним заходить на сайт, не будут сидеть в соцсетях и читать их новости.

Так как жизнь очень серьезно динамизируется, информация воспринимается в коротком формате. Не зря сейчас популярны сорокасекундные ролики в том же Ютубе. Да, аналитика тоже должна присутствовать – у нас для этого есть «События недели», где публикуются большие аналитические материалы, и их тоже читают.

На сайты многих печатных СМИ выставляются материалы и фотографии из бумажной версии. У нас есть критерии оценки успешности филиала, и посещаемость сайтов – один из главных критериев. Есть прекрасный пример: татарский женский журнал «Сююмбике». У них было 150-200 заходов в день. Бились-бились, главный редактор провела мозговую штурм, поняла необходимость этого – и теперь у них больше двух тысяч уникальных посетителей

ежедневно. За полгода они в десять раз увеличили показатель, просто переместив акцент работы редакции на сайт. Работа журналиста усложнилась. Но без этого никак. И кто этому не придает значения – в проигрыше.

Бумажные версии газет и журналов до конца не исчезнут, но их тираж серьезно съедится. Те, кто читает бумагу, останутся. Это другой формат восприятия. На отдыхе или в самолете хочется именно пошуршать страницами, чем вычитывать мелкий шрифт в гаджетах.

ВСЕ ИЗ СЕМЬИ

Моим родителям за семьдесят, и отец спокойно сидит в «Одноклассниках», пишет какие-то посты, создает рисунки – очень активно этим занимается. Несколько лет назад застал картинку: он сидит у монитора и празднует с друзьями по скайпу – один в Новосибирске, другой в Москве – нормально!

А мои дети прекрасно читают бумагу. Это вопрос воспитания – как к этому относятся родители. И сын, и дочь много читают – и по программе, и вне программы. Я осилил «Войну и мир» в классе девятом. И то с третьего или с пятого захода. А сын ее перечитал четыре раза. Он любит классику. Хотя сам он учится в КФУ на ВМК, будущий программист. Этому нужно приучать с детства. Детей сначала нужно научить учиться, это годами воспитывается. В детстве все же немного шалопай, и без жесткой палочной дисциплины не обойтись. Сын у меня с золотой медалью закончил школу, подтвердив результаты ЕГЭ. Дочка сейчас тоже круглая отличница. Потому что мама сначала стояла с палкой рядом. Меня отстранили от занятий с сыном в третьем классе: он принес задачку, я в нее честно вникнул, даже исправил ему что-то

в тетрадке. На следующий день он принес тройку и было сказано – папа, ты больше не занимаешься учением детей. С тех пор мы на какие-то философские темы общались с ним. Дочка тоже и в интернете сидит, но она читает русских авторов.

Новое поколение не знает Чехова, Бунина, Толстого, Достоевского. А когда ты это читаешь, у тебя в голове откладываются слова, построение фразы. Это набор духовных впечатлений, которые складываются от прочтения таких книг. Ты становишься богаче, интереснее. Поэтому гаджеты – враг номер один. Умение получить удовольствие от неторопливых культурных памятников перебивается быстрыми и моментальными вспышками информационными. Человек, который привык пролистывать за минуту десятки месседжей, с трудом заставит себя сесть и почитать «Преступление и наказание» Достоевского.

Слава богу, у нас есть пласт культуры, который нас, россиян, делает высокодуховными людьми.

Татарстан – многонациональный регион России со своим богатым наследием, в том числе и языком. Я честно пытался выучить язык, занимался с преподавателями. Мотивация серьезная, я понимаю язык – все-таки десять лет рядом с Президентом Татарстана. Но говорить пока так и не научился, нет пока методики, которая быстро обучит. Я считаю, что нужно владеть языком региона, в котором живешь и работаешь.

В завершение хочу сказать: уровень доверия людей к СМИ традиционно высокий, поэтому они, как источник информации, никогда не умрут, люди им будут доверять. Главная задача СМИ – не опуститься до уровня фейка. ■



► Айсылу Хафизова

АЙГУЛЬ МИРЗАЯНОВА: Молодые не стремятся попасть в телевизор

Как изменились СМИ, почему молодежь не стремится попасть в телевизор и где черпать вдохновение.

Айгуль Мирзаянова – единственная в Татарстане телеведущая, удостоенная престижной телевизионной награды «ТЭФИ». Она была и ведущей одной из церемоний награждения этой престижной премии в Москве. Сегодня число ее подписчиков в Instagram около пятнадцати тысяч, а в Facebook – около девяти тысяч.

– Айгуль, настоящий профессионал всегда повышает квалификацию, не так ли?

– Я окончила факультет журналистики в КГУ, получила дополнительное высшее образование по

Фото Рамиля Гали, стилист Нурия Умай

Айгуль Мирзаянова окончила журфак КГУ. Получила дополнительное образование по Президентской программе переподготовки управленческих кадров. Неоднократно проходила стажировки в США (телевидение, PR). Начала в 1993 году как репортер и телеведущая. Была заместителем руководителя службы новостей телеканала «Эфир». В 2006 году открыла собственное PR-агентство, работала директором спортивного телеканала. Ныне – PR-директор крупной промышленной корпорации России, базирующейся в Татарстане.

менеджменту. Неоднократно обучалась в сильнейшей школе для ТВ-журналистов «Интерньюс». Нам очень повезло – в период «оттепели» нас обучали лучшие мастера своего дела из США и России. Они нас учили не только тому, как делать новости, как выстраивать драматургию сюжета, даже если он длится одну минуту. Как выстраивать драматургию новостной программы, чтобы зритель был захвачен происходящим на экране от первой до последней минуты программы. Какие фразы употреблять, а какие не стоит, потому что они не будут вызывать доверие у зрителей. Важным моментом всегда было требование проверять информацию как минимум в двух источниках. Нас также учили, что новости – командная работа, а ведущий – это якорь, который держит на плаву весь огромный корабль под названием «Новости». Это вообще работа не для слабонервных – вести информационную программу в прямом эфире. Оттуда, из «Города», из ТК «Эфир» у меня и многих бывших и нынешних



сотрудников навыки высокой организованности процесса, потому что твоя малейшая ошибка провалит работу всей команды, потопит корабль. Отсюда у меня всегда были и остаются высокие требования к своей работе и работе коллег или партнеров. Кроме того, я раз шесть ездила на обучение в США (телевидение, PR).

На мой взгляд, это естественный процесс: если ты чего-то хочешь достичь в любой сфере – обучись у лучших, посмотри, как это делают они, что им позволило стать №1. А потом сделай все по-своему, как ты чувствуешь, что будет востребовано твоей аудиторией, в той местности, где ты проживаешь, в этом энергетическом



поле. Что вызовет по-хорошему шок, WOW-эффект, что привлечет внимание. Если все делать только по старым правилам, не будет развития. Не будет эволюции.

– Айгуль, что делать молодым, чтобы попасть на экран и прославиться?

– Ничего делать не надо. Если вы хотите попасть на экран, вы берете телефон, снимаете, сливаете в Интернет – и все. Вопрос в том, для чего вы хотите попасть на экран. Телевидение как отдельное СМИ еще имеет место быть, но, к моему великому сожалению, оно потеряло

популярность и не востребовано молодыми. Миллениалы в основном сидят в гаджетах. Им неинтересно TV, они его не смотрят. Поэтому перед ними задача попасть на экран телевизора не стоит. Те, кто хочет стать известным, добиваются этого множеством других разных способов.

Это раньше, «в наши времена», году 90-м с хвостиком, другого способа быстро прославиться не было. Тогда было только телевидение.

Я, придя на телевидение, не ставила перед собой задачу именно прославиться. Просто у меня всегда было желание работать на экране, это

внутреннее ощущение того, что это правильно для меня. На меня сильное впечатление произвели перестройка, Влад Листьев, его коллеги. Эта свобода выражать свои мысли, глядя в камеру, меня охватила, и я пошла на телевидение именно за этим. Но сейчас захотят ли молодые люди пойти на ТВ, я не знаю. Решительно не вижу смысла, если только не стоит задача попасть на Первый канал. Главное, знать, зачем. В этом случае, действительно, трамплином для вас может стать любой

которые могли бы приносить деньги. Все мы с этим столкнулись. Так или иначе, телевидение стало динозавром. Увы.

И основная аудитория таких монстров телевидения, как Первый канал, Россия и НТВ – это уже зрелые люди, приближающиеся к пенсионному возрасту или уже пенсионеры. Другие каналы выживают за счет трэш-программ, трэшевого подхода к созданию контента, как «Дом-2», «Камеди-клуб» и так далее. Они работают на аудиторию тридцатилетних.

– Ты работаешь с соцсетями, пользуешься этими технологиями?

– Сегодня я пользуюсь этим приемом, наверное, отчасти удовлетворяю свою потребность, потенциальное желание тоже что-то доносить до людей. Мне нравится, что вместе со мной это может сделать решительно каждый. Этим приемом пользуются миллионы, и мне безумно интересно за этим наблюдать, за жизнью других людей. Оказывается, это гораздо интереснее, чем смотреть созданный кем-то контент. Пусть даже профессионально сделанный. Людям гораздо интереснее узнать, что там происходит у дяди Васи, хорошо тебе знакомого. А может, и незнакомого человека, какой-то знаменитости, предположим. Там все будет рассказано, показано. Как раньше говорили: «камера обнажает душу человека», поэтому сразу видно, кто ты есть на самом деле. Это правило работает и с соцсетями. Совершенно очевидно, вообще, кто есть кто. Особенно стоит присмотреться, на мой взгляд, к людям, которые всякий раз выкладывают позитивную, супер-лакированную картинку своей жизни, какого-то Luxury-бытия, как они это представляют. Все мы знаем случаи, когда девушки или юноши

региональный канал, еще оставшийся в живых. Мы все знаем ситуацию, которая произошла на телевизионном пространстве страны – состоялся колоссальный передел рынка. И за то, как местные телекомпании выживают, им надо ставить памятник. Практически нет кабельных каналов,

Фото Рамиля Гали, стилист Нурия Умай

Айгуль Мирзаянова: До трех лет я говорила только на татарском.

«В октябре 2014 года у меня был уникальный опыт участия в проекте «Ике артист» («Два артиста»). Ведущая проекта предложила мне выступить вместе с популярным татаро-башкирским певцом Айдаром Галимовым. Татарский язык я хорошо понимаю, но говорить на нем стесняюсь из-за акцента. Дело в том, что до трех лет я говорила только на татарском языке. Мы жили тогда в Башкирии, и, когда моя мама привела меня в детский сад, воспитательница сказала, что ваша дочь совершенно неразвита. Причина – незнание русского языка. Моя мама родом из Муслюмово, из простой татарской семьи, где моя бабушка в послевоенные годы одна поднимала двоих детей... И мама с ужасом вспоминала свои экзамены в КГТУ, как ей надо было с татарского на русский переводить все тонкости таких предметов как биология, химия. На татарском экзамены тогда не принимали. Услышав слова воспитательницы, она сказала – моя дочь будет знать русский язык, как родной. С тех пор в нашей семье принято было говорить на русском языке. Возможно, это была общая ситуация для страны – тогда национальные языки не по-

фотографируются на фоне чужих машин, берут напрокат какие-то букеты в сто и одну розу. Вы же знаете, такой бизнес выстрелил около года назад. Люди, которые хотят показать, что они живут гораздо круче, чем есть на самом деле, это готовые, на мой взгляд, невротики. И им не только не стоит доверять. Совершенно очевидно, что им не хватает любви, внимания, в жизни они не имеют ничего из того, что они выкладывают. На мой взгляд, это категория несчастных людей, к которым стоит присмотреться, пожалуй, послать им энергию позитивную... Соцсети обнажили такую бездну проблем общества.

Соцсети для меня – не просто развлечение, это очень хорошая аналитика. Порой я выкладываю фотографии, провокационные даже для меня, не только для подписчиков. А, возможно, это моя душа. Иногда бывает, что твоя честность никому не нужна. Мне интересно, как отреагируют на тот или иной пост люди, насколько готово общество такое воспринимать. Я считаю, что лучше быть искренним и говорить о том, что ты на самом деле чувствуешь.

– Однажды ты выложила нарочито непрезентабельное селфи. Таким образом ты промониторила аудиторию?

– Для меня каждый пост – это момент истины. В какой-то мере это даже избавление от комплексов, которые в нас всех присутствуют. Эти комплексы годами в нас возвращались, культивировались. Они никуда не уходят, что бы мы ни предпринимали. Шанс с ними расстаться есть у тех, кто занимается медитацией. На самом деле, все остальное остается внутри и глубоко подавляется.

Однажды, когда я проходила один очень интересный семинар с медитациями, я сфотографировалась без



Фото Рамила Гали, стилист Нурия Умай

мейкапа, позволила себе быть абсолютно естественной. Ощутила, что мне не надо ничего делать для того, чтобы нравиться. Нравиться надо только себе. В этом случае, если ты чувствуешь себя уверенно, это обязательно воспримется окружающими как твоя внутренняя колоссальная красота. И та фотография, делая которую, я не прикладывала никаких усилий, набрала большое количество лайков и много одобрительных комментариев, причем и от мужчин, и от женщин, которые из солидности стали выкладывать фотографии без макияжа!

Разумеется, я не имею в виду крайности и не призываю, как это делают сторонницы боди-позитива, не брить подмышки и выставлять их на всеобщее обозрение. Я не об этом.

Для меня вопрос естественности очень важен. Например, сегодня я приехала на работу без косметики, но я забыла об этом. Просто я очень люблю разукрашивать себя еще с эфирных времен, возможно, это восточные гены сказываются. Мне очень нравится рисовать себе лицо. «Айгуль лицо себе рисует, не понимая, что рискует», – пошутил однажды Дмитрий Шилоносков, мой тогдашний коллега.

К источнику можно приближаться очень разными путями. Для меня тот случай был провокационный, потому что я много лет работала на экране, всегда выходила в люди при полном параде, на каблуках, готовая отражать все стрелы, улыбаться всему миру. А тут я показываю, что я тоже могу быть ранимой и беззащитной. Это для меня был момент откровения. Сейчас я стараюсь без защиты выходить, потому что, если ты имеешь защиту, на тебя обязательно кто-то нападет (*смеется*).

Вы говорите, что я – закрытый человек. Да, я работаю на крупную корпорацию и не имею права какие-то

вещи рассказывать. Но, когда наступит время, я буду делиться своими открытиями в жизни, потому что меняется мир, мы из общества потребления переходим в какую-то иную формацию высокодуховных людей. Мне кажется, что стоит прислушаться к тем людям, в том числе, ученым, которые занимаются тонкими энергиями, духовными практиками. Они утверждают, что сейчас у нас активируется сердечная чakra. Очень долгое время она спала. Сейчас у нас действительно поменялось что-то в космосе.

Я поняла, что мне не нужно доказывать какими-то внешними атрибутами, что я крутая. Я – любовь, я могу ею делиться. Но время от времени меня все равно подмывает выставить фото в купальнике, я считаю, что для меня это момент, когда я, как с капусты, снимаю гнилые листья, избавляюсь от комплексов.

– Ты и рутина – вещи несовместимые. Как ты черпаешь вдохновение для каждого дня?

– Люди бывают разных типов. Наверное, я отношусь к категории «достигаторов». У меня это не вызывает вопроса, не требует никаких усилий. Любовь к себе настолько сильная, чтобы регулярно выделять время на то, что мне приносит пользу, что меня наполняет. Я каждое утро встаю в 6.05, чтобы пойти на динамическую медитацию или в Парк Горького бегать. Мне тоже хочется высыпаться, тоже хочется ничего не делать. Но я знаю, что если я не схожу на «динамику» или пробежку, я буду без энергии, вялая, с плохим настроением, я буду ненаполненная. Там, прикасаясь к природе, я наполняюсь силой. Во время пробежки я слушаю вдохновляющую музыку, обнимаюсь с деревьями, иногда плачу. Я чувствую, что у меня открывается сердце.

ощрялись. Интересно, что моя мама, став бабушкой, обучала татарскому языку мою дочь. И Алиса говорит красиво и без акцента!

Впрочем, в моей семье всегда звучали песни на татарском языке. Папа включал по утрам радио, национальный канал, и мы под эти песни собирались в школу, на работу. Может, оттуда у меня любовь к татарской песне? Поэтому когда поступило предложение от проекта «Ике артист», я не раздумывала ни секунды, несмотря на свой акцент и тот незначительный факт, что я, вообще-то, не пою! (Смеется).

Айдар Галимов, мега-звезда, находился в Уфе, и на репетиции приехать не мог, поэтому красивейшую песню «Син минем жанымнын яртисы» я разучивала самостоятельно. Благо, есть добрые друзья – Гузель Абульханова, дочь известного татарского композитора Шамиля Шарифуллина, взялась ставить мне голос, а диктор ГТРК, на которую я любовалась в детстве по телевизору, помогла мне с произношением слов из этой песни. На репетиции отпущено было полтора месяца. И все! Айдара я увидела только перед выходом на сцену. Его красивый голос сделал полдела, а я прекрасно смотрелась в красивом платье (смеется). Хотя, по-моему, я спела тоже хорошо. Эти три с половиной минуты были настоящим полетом – настолько завораживающая и очень честная песня. Сердце пело. О любви, о нежности».



Динамическая медитация – мой способ восстановления. Бывает, что подступают эмоции, которые ты не позволил себе выразить. Тебе показалось, что кто-то сказал грубое слово, но ты смолчал, потому что ты хороший человек и не можешь ответить тем же. Но эмоция осталась. Они накапливаются и взрываются какой-то болезнью. Или ты наполняешься гневом и срываешься на близких и любимых. Мы созданы, чтобы выражать себя, поэтому после такой практики ты идешь в мир совершенно расслабленным и любящим. И зимой, и в холод, и в грязь, в любую погоду я это делаю. Не оттого, что я себя заставляю, а потому что я этого хочу. Для меня важно наполняться энергетически, важно потом эту энергию нести. Я спокойно потом прихожу на работу, которая, возможно, кому-то покажется рутинной.

Если ты для себя ставишь цель, то ты просто делаешь все, чтобы ее

достичь. Я себя не помню другой. В начале пути у меня был выбор – модельное агентство или телевидение. Я была студенткой, и они в одно время начинались. Кроме того, у меня, были какие-то компании, с которыми можно было выпивать и обсуждать какие-то глобальные вещи. Я сходила туда, сходила сюда, поняла, что меня наполняет именно телевидение, мне там интереснее, нежели изучать походку, быть моделью. Я не знаю, может быть, чутье, интуиция, которую многие из нас также подавляют, начиная ко всему подходить аналитически, исключительно из ума. Не надо этого делать, тебя жизнь сама ведет. Вот так было с телевидением, я его выбрала интуитивно. Нет никакого другого пути, кроме того, чтобы делать только то, что тебе нравится.

А поскольку ты на экране, ты должен хорошо выглядеть, уметь работать перед камерой, уметь говорить,

себя подавать. Тогда в первые годы моей работы было огромное количество критики в мой адрес. И я стремилась стать лучше.

– Что такое вдохновение?

– Для меня это опять-таки энергия. Есть точка высокая, есть точка низкая. Если наступает момент, когда как будто бы нет сил, нет вдохновения, энергии, это значит, надо просто в этом побыть, насладиться этим моментом: когда ничего не хочется. Вот это «надо» нас всегда убивает. Когда надо «разродиться» и сделать. Для меня это невыносимо. Я стараюсь не насиловать себя. Ну, не могу – и все! И пространство начинает выстраивать мою жизнь. В тот момент, когда у меня низкое качество энергии, ничего нет – никаких проектов, ничего! Поклонники пропадают все куда-то, а ведь это тоже вдохновляет. Я ничего не делаю, занимаюсь духовными практиками, иду в лес, все отпускаю. Есть у меня приемы, которыми я пользуюсь.

– Изменилось ли сегодня инфополе и способы работы журналиста?

– На мой взгляд, журналистика поменялась. Но всегда все зависит от личности самого журналиста – то есть, насколько он адекватно и серьезно подходит к своим темам, насколько глубоко знает. Мне очень нравятся моножурналисты – те, которые пишут на одну определенную тему: условно, финансы или культура. Мне они кажутся более глубокими, чем те, которые пишут на разные темы. Очень трудно перестраиваться, а у них часто не хватает ни опыта, ни таланта, ни аналитики. Будучи уже пиарщиком, сейчас я по-разному отношусь к журналистам. Есть просто гениальные, которым даешь две-три фразы, и они из этого, благодаря своему опыту в этой теме и

своим способностям, делают такую аналитику, которую не могут сделать и некоторые финансисты. Я знаю несколько таких журналистов в наших топовых изданиях.

Я очень люблю старую гвардию журналистов. Особенно телевизионщиков, которые имеют качественную

школу, прошли обучение за рубежом. Они действительно делают великолепные сюжеты и отлично подают информацию. Увы – молодому поколению журналистов повезло меньше, оно часто не способно делать глубокие материалы. Они способны хорошо делать хайповые вещи – могут их подать ярко и вкусно, но глубины там нет. Я говорю сейчас не обо всех, конечно.

На мой взгляд, журналистика, какой была сотни лет назад, такой и осталась. Просто изменились каналы, по которым ты можешь доносить до людей информацию. В этом плане СМИ могут удивить только одним: глубочайшей аналитикой и инсайдерской информацией. Потому, что все остальное люди могут делать сами с помощью телефона – прямые эфиры, горячие репортажи и прочее. Только аналитикой и эксклюзивным контентом сегодня можно удивить людей. ■





► Иркэ Иргашева

ГАЛИ: Без фотоархива завтра мы опять будем монголо-татары

Рамиль Якубович Галиев (Гали) родился 11 марта 1958 года в Челябинске. В 1960 году семья переехала в Ульяновск, а в 1972 году – в Адлер. Окончил школу в 1975 году. Служил в Советской армии связистом. После демобилизации в 1978 году приехал в Казань и поступил в ХХТТ. В 1981 году получил диплом по специальности химик-технолог и поступил на Завод им. СП Горбунова (1981–1987). Работал в газетах «Татарстан яшьлэре» (1987–1991), «Молодежь Татарстана» (1991–2000), «Гудок» (2001–2002), «Комсомольская правда» (2002–2009), «Труд» (2013–2015). Ныне – фоторепортер Информационного агентства «Татар-информ». Член СФР с 1995 года. Десять персональных выставок, две – за рубежом. Более пятидесяти выставок в группах. Лауреат конкурсов СССР. Член Союза журналистов России.

Нынешний год для фотомастера юбилейный, он отмечает 60-летие. В августе в выставочном зале «Манеж» Казанского кремля открылась его персональная выставка «Железные люди» («Тимер кешелэр»). Сто уникальных снимков эпохи перемен вошли в экспозицию. Для Гали – это миссия. Его мечта – сохранить для потомков уникальную историю в фотографиях.



Я УВЛЕКСЯ ФОТОГРАФИЕЙ С РОЖДЕНИЯ

Мое увлечение фотографией началось практически с рождения. К моменту моего появления на свет папа решил сделать маме сюрприз – купил фотоаппарат, потратил на него всю получку. Конечно, у мамы были свои какие-то планы на эти деньги, поэтому она взяла фотоаппарат и пошла сдавать его в магазин, но в магазине фотоаппарат не приняли, сказали – поздно. С двух недель моей

жизни папа меня фотографировал. Мне повезло дважды, потому что папа был хороший фотограф-любитель, он много снимал меня, семью, друзей. С двух недель я уже был его моделью, а в пятом классе стал фотографом. Мой дядя – профессиональный фотограф, с которым я проводил ночи, печатая фотографии, и к девятому классу я получил профессию. Но тогда мне казалось, труд фотографа сродни труду официанта, я не воспринимал эту профессию серьезно.

Фото из личного архива Рамиля Гали

Окончив Казанский химико-технологический техникум, я попал по распределению на завод.

На тот момент я фотографировал друзей и знакомых, у меня не было гонораров. А на заводе мне предоставили рабочее место, где я должен был ходить в противогазе. Когда я стал старшим инженером по вентиляции на химическом заводе, рядом находилась фотолаборатория, и я увидел, как прекрасно живут фотографы. У них были «Жигули», они были прекрасно одеты, в карманах у них были пачки денег. А я тогда получал зарплату в сто двадцать рублей. К тому моменту я уже был женат и должен был уже приносить деньги домой. В результате я пошел и продал свой свадебный костюм, а на вырученные деньги купил втайне от супруги фотоаппарат.

На заводе была малотиражная газета, я познакомился с ее редактором и стал там публиковать свои снимки. Параллельно делал фотосессии в детских садах, школах заводских – шабашил. А потом уже стал заводским фотографом, когда освободилась ставка. У меня появился доступ к заводской фотоаппаратуре, я мог общаться с другими фотографами и учиться у них. Меня тогда научили работать с деревянным фотоаппаратом! Это был нешуточный боевой опыт. Тогда я понял, что я хочу быть журналистом. Я получил возможность выходить на производство, мы снимали собрания и даже криминальную сводку. Потому что завод был режимный, и туда не пускали, если какое-то происшествие происходило.

Работая на заводе, я подрабатывал внештатным фотографом в газете «Вечерняя Казань», параллельно встал в очередь в штат газеты «Татарстан яшьләре», потому что вакансия фотографа должна была

освободиться только лет через десять, по очереди. В 1986 году случился скандал штатного фотографа с ответственным секретарем, и фотографа уволили. На его место претендовал десяток человек. Но конкурс выиграл я, проработав всего год. Но все могло закончиться плачевно. Я поехал на первую фотосъемку в поле, как раз был август, жатва. А там какой-то сокол или ястреб не смог взлететь, и комбайнер поднял его за крылья. Я сделал кадр – комбайн, молодой комбайнер, взлетающий орел. Окрыленный, я прилетел в редакцию, распечатал снимок пришел к ответсеку и положил на стол. Он сказал «ладно». Потом, когда я открыл газету, снимка не было. Я пошел к секретарю, спросил, а где же карточка, он указал на мусорное ведро, где лежала моя фотография. В этот момент я понял, что произошло с моим предшественником. Я взял свой снимок и пошел к редактору. Он нас обоих отправил в Челябинск на фото-фестиваль, там был всероссийский семинар, на который надо было привезти свои фотографии. Я собрал целую коллекцию художественной и репортерской фотографии. Все это проходило в крытом спортзале, все поле было выложено

фотографиями. Их оценивал Владимир Вяткин – преподаватель фотододела на журфаке МГУ, редактор журнала «Советское фото». Дойдя до моих фотографий, он остановился и спросил: «Ваши фотографии?». Я ответил: «Мои». Мне присудили первое место среди советских фотографов, а ответсеку поручили написать обо мне материал. Он потом в этой статье передо мной извинялся. После этого он начал мне доверять, все, что я приносил в редакцию, ставилось на ура. Через какое-то время у меня появилось профессиональное имя, и оно уже работало, так что порой даже слабые снимки проскакивали, я сам удивлялся.

Проработав несколько лет в «Татарстан яшьләре», я ушел в газету «Молодежь Татарстана». В это время образовался журнал «Идель», и меня пригласили туда. Но параллельно появилась газета «Шахри Казан», и мне там посулили квартиру, поэтому я принял второе предложение. Продался за квартиру, а так бы мог попасть в «Идель» (смеется).

ЮБИЛЕЙ БАБАЯ

В 1997 году был 60-летний юбилей Президента Татарстана Минтимера Шаймиева. В «вечерке» меня



попросили поснимать его родную деревню. Я приехал туда, ну деревня и деревня, что-то надо было придумать. Решили искать детские санки Шаймиева, первую парту Шаймиева. И там мы нашли учителя, который собирал старые вещи, утюги там, и предметы, которыми мог пользоваться президент. Я собрал целую коллекцию: двор с санками, делал постановочные кадры, друзей президента там поснимал. И получилась хорошая подборка. Дали целый разворот, Шаймиев позвонил, поблагодарил. Потом мне сказали: «Это он, наверное, все же, тебе хотел сказать спасибо».

«ПЛОЩАДЬ СВОБОДЫ»

Году в 97-м открылась газета «Площадь свободы» – цветное издание было создано под предвыборную кампанию Равиля Муратова. Там я научился работать с цветом. Года через два газета закрылась. Газета становится нерентабельной, людей начинают увольнять, а я думаю, как же людей поддержать. И становлюсь неофициальным директором рекламы. Мы начинаем выпускать календари и буклеты. Там я начал делать художественную работу для плакатов. Даже начал людям платить зарплату. Когда пошла прибыль, я предложил руководителю фонда выступить на телевидении, чтобы мы могли дальше

продвинуть проект, сделать рекламу, но получил отказ. И здесь я понял, что в Казани мне больше делать нечего. Как раз на тот момент в газете «Гудок» работал мой тезка Рамиль Файзутдинов, он пригласил меня работать в новом проекте – они стали выпускать юмористическую цветную путевую газету, такое развлекательное чтение для людей в дороге. Это был 1999-й год. И там я хорошо поработал два года. Параллельно был личным фотографом московского клуба «Локомотив». Потом сменился министр транспорта, и редакция закрылась. Всех уволили в один день.

«КОМСОМОЛКА»

Снова помог случай. Я опубликовал в журнале «Журналист» материал, где рассуждал о русской и европейской фотографии. На обратной стороне моего текста была опубликована статья редактора «Комсомолки». Он увидел мой текст и пригласил меня на работу.

И в 2002 году я попадаю в «Комсомольскую правду» и сразу – в пул Президента РФ Путина. Мне там очень нравилось, это была интересная работа. Когда я пришел на место

съемки, охрана выстроилась между фотографами и президентом, мне удалось снять только профиль. Я понял, что надо как-то по-другому работать. На следующий день я встал перед дверями, поставил все объективы, четыре часа стоял. Ко мне подошел пресс-секретарь, спросил, чего я тут стою. Я сказал: «Вот, опять эти двухметровые дядьки набегут, и я опять ничего не сниму. Я первый буду проходить». И я первый забежал, сделал прекрасные снимки, там нашел лучшую точку. И после этого пресс-служба стала ставить «личников» (личных фотографов – прим. ред.), а потом меня. Через полгода разразился скандал, почему этот татарин впереди всех стоит. И там было такое счастье политиков снимать, они всегда хорошо одеты, хорошо кормят, никто никуда не убегает.

Потом меня перевели в «Шоу-бизнес», потому что газета «Жизнь» обогнала по тиражу «Комсомольскую правду», главред газеты Владимир Сунгоркин посидел, подумал: «Рамиль же быстренький такой, давайте его переведем в шоу-бизнес», а шоу-бизнес снимали папарацционно. Когда я пришел туда работать,



оказалось, что меня узнают – моя азиатская внешность была приметна. И буквально через месяц уже все знали, что я представляю «Комсомольскую правду».

Была такая группа «Карат», которая охраняла голливудских звезд. А все гонялись за ними, они же наездами в России. И западники потом покупали эти снимки у нас за валюту, притом было очень выгодно в неожиданном ракурсе снять голливудскую

им пачку фотографий. Руководитель сказал, что я им сделал практически всю книгу и спросил о сумме гонорара. И тут сработала моя смекалка – от денег я отказался в обмен на то, что охрана не будет загоразивать звезд. Ударили по рукам. После этого жизнь моя поменялась. Я стал лидером этого «Шоу-бизнеса», потому что охранники охраняли еще вдобавок и меня, я снимал этих звезд, при этом меня возили во всякие закрытые



звезду, а их всегда закрывали охранники. В общем, я как-то не особо вписывался в этот шоу-бизнес. Я понимал, что еще чуть-чуть и меня точно выгонят с работы. Я уже ждал приговора. И вдруг в редакции раздался звонок и женский голос сказал: «Я из группы “Карат”, нам нужен фотограф, который снимает шоу-бизнес». Мне дали трубку. Тогда мы еще снимали на цветную пленку, и у меня было много фотографических отпечатков, и естественно, там были эти мальчики из группы «Карат». Она мне сказала, что они делают книгу о том, как их ребята охраняют голливудских звезд. Я сказал, что у меня таких снимков очень много, привез

мероприятия, я снимал сплошь эксклюзив, отдавал в «Комсомолку». У меня завелись знакомства, я узнавал обо всем первым.

ОБЛОЖКА ДОЛЖНА БЫТЬ ВКУСНОЙ

Когда я работал в Москве, мне довелось сотрудничать какое-то время с журналом «7 дней». Мой знакомый фотограф, с которым я раньше часто бывал «на полях», стал редактором. Он попросил меня снимать обложки для этого журнала. Подобный опыт у меня был в журнале «Сююмбике». И я из понятной и привычной репортерской работы окунулся в «прорубь» обложечной фотографии.



Дело в том, что обложка должна нести определенную тематику, к тому же работать пришлось со звездами шоу-бизнеса. Это люди с большими амбициями и дурным характером. Поэтому я не просто снимал эти обложки, я еще и плакал, когда их снимал, потому что иногда мне хотелось модель избить! Потому что порой и макияж мне не нравился, и прическа, и одежду мне хотелось с нее сорвать, чтобы с дизайнерами вместе что-то сделать. Но я держал себя в руках, строил глазки, чтобы хоть как-то выправить ситуацию. Обложка ведь заключена в тонкие намеки. Мы должны намекать, что мы красивая нация, мы должны красиво показывать своих людей. Необходимо как-то тонко включать туда свои символы – это может быть головной убор, это может быть вышивка, это может быть какой-то знаковый предмет на втором плане. При этом мы должны сохранить стиль журнала. Допустим, сначала мы показываем на обложке красивые лица и смысловые детали, а потом вдруг делаем ночной снимок – высвеченный фарами силуэт, то это недопустимо. Должна быть определенная программа обложек годовых или полугодовых хотя бы. На обложке также присутствует и текстовая информация, она должна подготовить читателя к содержанию номера. Очень важно передать это

послание через деталь, текст, лицо обложки. Это очень сложный процесс. За рубежом очень большие деньги платят за обложки, мало кто их умеет делать. Нужно сделать ее так, чтобы ее хотелось вырезать и повесить на стену в рамке.

ФОТОДОКУМЕНТЫ ИСТОРИИ ТАТАР

Сейчас решается судьба татарской фотографии. 14 августа 2018 года в Казанском кремле мы открыли экспозицию «Железные люди» («Тимер кешелэр»). Это история Татарстана в фотографии.

деревянный, который не срезали. Первый крестный ход из Кремля. Первый никах в мечети Марджани вообще запрещали снимать! Это сейчас и мама может снимать, а раньше запрещалось и фото, и видео. Я с большим трудом проходил в мечеть, чтобы хоть что-то как-то снять. Обрезание есть у вас? Покажите! Это история. Это сейчас его делают хирургическим путем, а раньше бабай это делал. У нас масса чего в изображениях нет. Вот, завтра я скажу, все я устал, у меня архив лежит в Москве, я уеду и все. У вас здесь не будет ничего. Не

И я сейчас хожу по кабинетам и предлагаю создать электронный архив. Путин сказал, что нужно развивать цифровые технологии. Давайте займемся оцифрованием фотоархивов, потому что если мы этого не сделаем, нас обойдет Запад. Африканцы все свои цифровые носители отдали Европе, потому что деньги не хотели тратить, а теперь не могут забрать. Вся история Африки в электронном виде находится в Европе теперь. Мы сейчас повторяем тот же путь. Почти все, что мы закачиваем в Интернет, принадлежит иностранцам. И мы оттуда уже не сможем достать свои архивы. Поэтому сейчас я предлагаю хотя бы юридически создать какие-то условия, чтобы фотографы могли оцифровать и включить фотографическое изображение в общее поле. Чтобы этими архивами можно было пользоваться для создания книг, для иллюстрации материалов, да и вообще, для поиска информации. Чтобы не ездить и не бегать, это же можно одним кликом мыши побывать в любом регионе. Например, нужен нам КАМАЗ самый первый – нажал кнопку – получил. Мы должны создать свою базу электронную, чтобы она помогала в работе, чтобы этот архив не лежал мертвым грузом где-то на чердаке или того хуже – в помойке. Учебники мы тоже должны заполнять фотографиями. У нас президент фотографирует, эти фотографии очень важны, потому что он иногда фотографирует там, куда ни один фотограф не может попасть. Мы должны поддерживать своего президента. Вот, Дмитрий Медведев снимает, его фотографии в коллекции входят большие, по миллиону за фотографию платят. Николай II снимал, вся царская семья, хроника



Вы думаете, кто-то ходил на митинги? Я ходил на каждый митинг, как на работу, при этом на какое-то большое событие могли прийти десять фотографов, а если митинг маленький, никто не приходил, я снимал один. Это же история наша! Я снимал сортиры на улице Баумана. Давайте спросим у наших «великих» фотографов, есть ли у них в архивах сортиры на улице Баумана. Есть бандюки? Гопники есть? Нет! А у меня есть. Есть также соломенная крыша, последняя, настоящая соломенная крыша. Минарет

будет этих фотографий, просто не будет. Вы будете писать, да, «были годы», а какие они были? Как они шли, шарфы мохеровые? Нет, не найдете! Полумесяц на башне Сююмбике – эксклюзивно я только снимал. Потому что тогда приехало телевидение и я. И очень много таких моментов, я просто сейчас вспомнил. А вот коммунисты ушли, подписание договора, передали власть, милиционер стоит, наблюдает за этим. Где? Нет. У меня есть. Как власть поменялась? Нет. Это главные документы страны!

осталась, потому что царь любил фотографировать.

Мы должны сейчас в Татарстане понимать, если старшее поколение фотографов уйдет, мы останемся ни с чем. Есть архивы Владимира Зотова, Эдварда Хакимова, Юрия Филимонова, пока они живы и здоровы, слава богу. А Анатолий Андронов ушел – архива нет, Алик Биктимиров ушел – архива нет, Николай Седов ушел – архива нет. Василий Мартинков ушел – архива нет. Многие снимали татарскую деревню, у нас ее нет вообще! Потому что тяжело было проявлять, потому что там не было проточной воды, надо было бегать на колонку. Только в 50-х, когда появились узкоформатные пленочные камеры, мы могли эти снимки получить. А в деревне была целая жизнь, мы хотим знать, были ли там столы, какая была одежда, какая была мода. Что ели, где лежали, как одеты дети,

какой дом. Для того, чтобы это все сохранить, нам нужен музей, нам нужно создать электронные базы. У нас столько иномарок! А надо-то на это всего две иномарки потратить: одну – на сканер, второй – на носитель. Это я не для себя лично, я это хочу для республики. Это важно.

Часть истории уже не в архивах, она ушла. Только журналисты снимали пустые полки и развалившиеся заборы перестройки, срез жизни того времени. Понимаете, фотография – это документ. Без фотоархива завтра мы опять будем монголо-татары, у нас нет истории, у нас нет документов. А почему? Потому что не соображали. Потому что вроде не надо было, а сейчас надо и негде взять, вот уже и деньги есть, и желание, а людей тех нет. Вся нация заключается в архивах, мы должны детям показывать, какие мы были. Вот я переснял, я не знаю, куда это денется. Татарин попал в Берлин,

у него был трофейный фотоаппарат, и он снимал, как татары ходят по Берлину. Снимки размером со спичечный коробок. Я переснял, я не могу ни выкупить, ни забрать этот альбом. Но у нас в этих альбомах история людей, там вся жизнь. А если это все выбрасывать, поймите, это как соты, вот мы из этого района взяли альбом, из этого. Если у нас есть комната, где мы можем собирать эту нашу историю, авторам мы можем их книги выпускать. У нас есть документальная основа.

Почему я эту тему поднимаю? Потому что мне очень хочется сохранить татарскую историю в фотографиях, это очень для меня больной вопрос. Двадцать лет назад у нас не было ни одной исторической выставки. Последняя выставка, которая была, я помню, это была выставка Арнольда Бренинга. Его расстреляли за фотографии, но сохранились они на чердаке –



пластинки там пролежали семьдесят лет. И случайно были найдены. И они внесли просто фундаментальную базу нашей старой Казани. Потому что он снимал очень много город. И мы увидели через семьдесят лет, какой была Казань. И чтобы вернуть какие-то знания, если мы что-то захотим отреставрировать или для фильмов даже создать декорации, нам нужна основа. Это чудо, что вот это сохранилось, потому что пластинки эти не сохранялись, это стеклянные пластинки, их отдирали и – в коровник, стекла не было. У нас же столько было старых фотографий, в которых негативы хранятся, но когда революция произошла, в коровниках окна делали из них. И мы потеряли, потеряли очень много.

И поэтому я решил, чтобы обратили внимание на уходящую историю. Выставка «Железные люди» – срез 1988–1993 годов: референдум, болезненные вопросы, все организации, все партии пришли в движение. И строительство началось, возрождение храмов, показуха ушла, слово «свобода» – это привкус, люди не знают этого слова. Когда мы отсидели за железным занавесом, он упал, получили свободы, вернулись в коммунизм, у нас все на прилавке есть. Все, коммунизм пришел, для нас он капиталистический, но коммунизм. У нас свобода – мы можем полететь куда угодно. И вот, резкое попадание из одного мира в другой создало эту эйфорию. Конечно, эта коллекция фотографий – золотой фонд, потому что только благодаря старой исторической фотографии, мы можем создавать определенное поле понимания нашей молодежи, кто мы вообще и откуда идем, и какие мы пережили катаклизмы.

Это только кусочек айсберга. На самом деле архив очень большой.



Сейчас выставлена коллекция из ста фотографий, но будет выставлено шестьдесят, а сорок будут показывать на экране. Потом эта экспозиция поедет по республике, чтобы люди в Татарстане ознакомились.

Бюджет выставки – около полумиллиона. Куратор выставки и пиар-директор Ирина Райхштат. Выставка проходит под эгидой «Татмедиа» – нас поддержал Андрей Кузьмин. Я очень счастлив, что руководитель агентства «Татар-информ» Шамиль Садыков отнесся к этой идее с большим пониманием.

Я считаю, что за полтора года мы сделали очень большую работу. За это время я подучил многих фотографов агентства, у них улучшился уровень. Я много лекций прочитал бесплатно. Есть идея создать базу.

Если меня поддержат, пригласить сюда иностранцев, создать какой-нибудь фотографический фестиваль. Это очень важно, потому что приедут иностранцы, профессионалы, и они будут сразу фотографировать. Идеологически очень важное мероприятие можно провести. ■



► Гульнара Ураз



Гульнара Ураз родилась в Казани. В 1989 году окончила исторический (социолог), в 1996-м – юридический факультет КГУ. Работала в Академии наук РТ. В 1996 году начала адвокатскую практику. С 2007 года открыла собственную студию предметного дизайна. Член Международной ассоциации искусствоведов (АИС), Союза профессиональных художников. В числе ее работ витражи на станции метро «Кремлевская» в Казани, реставрация икон на фасаде Петропавловского собора, витражи Раифского подворья, экспозиции в Музее исламской культуры в Казанском кремле. Работы находятся в частных коллекциях Англии, Германии, Голландии, Грузии, Казахстана, Мексики, Польши, США, России. Около тридцати лет практикует как специалист по биолокации – определение геопатогенных зон в жилых, офисных и производственных помещениях, чтобы помочь людям вернуть и сохранить здоровье.

КАК УДЕРЖАТЬ МУЗУ?

Лайфхаки от мастера биолокации

БИОЛОКАЦИЯ – это технология выживания человека, иногда – в прямом смысле. Здоровье нынче – дорогая опция, иногда эфемерная. Творчество – субстанция тонкая, любая женщина имеющая хобби, покажет вам любимое место и уголок, где у нее все получается, художник точно знает уголок в мастерской, где кисти в его руках летают, а писатель с упорством будет возвращаться к столу, где легко пишется.



Человек наделен чувствительностью к окружающему миру. Кто-то владеет этим в большей мере, кто-то – в меньшей. Именно ощущения, возникающие в человеке от соприкосновения с деревьями, растениями, камнями,

выработали внутри него подсознательные ощущения, что для него хорошо на Земле, что плохо. Это как детская игра «холодно-горячо», когда дети прячут предмет и его нужно найти. Конечно, эта игра была для человека далеко

не безопасной, но за сотни тысяч лет жизни на Земле люди, развивая в себе чувствительность, накапливая и передавая из поколения в поколение навыки, успешно использовали их для того, чтобы выжить между землей и небом. Люди вынуждены были передвигаться по планете, они кочевали со стадами, бежали от нашествий воинственных племен, искали более удобные для жизни места.

Вопрос терминологии становится важным значительно позже. В древнейшие века способность человека находить полезные ископаемые, воду, дорогу среди дремучих лесов, в пустыне, проводить свое племя через реки называли чудом. Вспомните картину Н. Пуссена «Моисей высекающий воду из скалы». Художник изображает чудо, описанное в Библии. Моисей отыскивал в пустыне воду для умиравшего от жажды народа. Жезл в руках Моисея на картине похож на «волшебную» палочку из лозы. И это не удивительно, в годы создания картины, а это была середина XVII века, французский «мастер биолокации» по современной терминологии издал Трактат о поисках полезных ископаемых с помощью лозоходства.



Автор трактата барон де Босолей открыл с помощью ивового жезла сто пятьдесят месторождений полезных ископаемых. Но это было время, когда святая инквизиция любое проявление мыслей и действий, отличное от католических канонов, считала преступлением. Издание трактата послужило для обвинения инквизицией его и его супруги в колдовстве. (Сценаристы, дарю идею, могу стать консультантом). В те же годы Галилео Галилей «отказался» от утверждения,



Все открытия, связанные с Землей, Космосом, человек делал благодаря интуиции, которую он в ежедневных практиках развивал до сверхъестественной чувствительности окружающего мира. Можно привести много примеров из прошлого, связанных с биолокацией, помогавшей человеку благополучно дожить до сегодняшних дней, спасая его от жажды, голода, болезней, но лучше приведу строки гениального Гете из «Фауста»:

что Земля движется вокруг Солнца, а не наоборот.

Тем не менее, во все века были люди, которые используя отвес или ивовую лозу, отыскивали воду, сокровища, полезные ископаемые.

Есть очень интересная картина Жана Антуана Лорана, изображающая Галилея в заключении. Ученый изображен с маятником, не отличимым от маятника лозоходов XXI века. Именно Галилей первым провел исследования, посвященные этому прибору.

*«Земля – источник сил глубокий
И свойств таинственный запас,
Из почвы вас пронзают токи,
Неотличимые для глаз»*

Эти токи неотличимы не только для глаз, но и для научных приборов. «Только в чувствительной руке магическая палочка действует», – так говорил И. Гете, посвятивший биолокации несколько своих произведений. В повести «Избирательное сродство» он описал опыт биолокации, который ничем не

отличается от практик лозоходов средневековья и технологий современных мастеров: маятник в чувствительной руке Отилии кружился то в одну, то в другую сторону над разными камнями, разложенными перед ней.

Люди и мир вокруг них меняются. Доверившись технике, приборам, стремительно развивающимся, люди теряют природой заложенные способности чувствовать окружающий мир, а особая чувствительность героини Гете Отилии испытывать необыкновенный трепет во время прогулки по дорожке с аномальной зоной, сегодня кажется читателям наивом утонченной барышни XVIII века.

С точки зрения опытного мастера биолокации могут дать несколько советов молодым литераторам, как поймать и удержать Музу.

ЛАЙФХАК 1. БЕЖАТЬ ОТ СУЕТЫ

Чем меньше, особенно поначалу, вокруг творческого человека отвлекающей суеты и доброхотов (творец – всегда лакомый энергетический сгусток), тем легче найти первый шаг в сторону цели.

Вспомните, как и где Оноре де Бальзак начинал свою литературную жизнь. На окраине Парижа, на чердаке, оставив роскошный дом, состоятельных родителей и перспективу прожить жизнь без хлопот. Здесь, за чертой богатого благоразумного города, он поддерживал свой писательский дух хлебом, смоченным в стакане воды. Но здесь была аура: близость природы, общение с ней и страстное желание найти драгоценную жилу. Примерно те же ощущения, что и у лозохода, шагающего по камням и буреломам к месту, из которого позже извлекут самоцветы. Жизнь

Бальзака, начавшего писать на чердаке, через окно которого ночью с ним разговаривали луна и звезды, была подобна жизни лозохода: бесконечное напряжение мысли и чувств и бесконечный поиск, беспредельное напряжение всех органов чувств, и полное истощение после каждой работы.

ЛАЙФХАК 2. ПЕРВАЯ МЫСЛЬ – САМАЯ ТОЧНАЯ

Первое ощущение всегда бывает самым верным, важно не упустить это чувство, спонтанное, глубоко внутреннее, не связанное ни с какими внешними обстоятельствами. Природа изначально вложила в нас способность интуитивно находить правильное решение, и чем вы ближе к земле, солнцу, луне, звездам, тем легче почувствовать в себе глубоко затаенные рефлексии, которые помогут двигаться в правильном направлении.

Сегодня большая часть творческих людей живет и трудится в городах, где геопатогенное и технопатогенное влияние не разделяет людей ни по возрасту, ни по занятию. Важно знать энергетическую характеристику места, где вы работаете. Чаще выходить из железобетонных монстров в парки, искать «места силы». Я иногда о таких местах в Казани пишу в своих блогах.

ЛАЙФХАК 3. НАЙТИ СВОЕ «МЕСТО СИЛЫ»

Попробуйте поймать то место, где вас особенно часто посещает вдохновение. Найти свое место, где «пруха», бесценно.

ЛАЙФХАК 4. СПИТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО

Помимо того, что в вашем доме должно быть комфортно, а место

его расположения правильным, необходимо запоминать сны. Для кого-то сон – это еще одна параллельная жизнь, и тут главное вспомнить. И даже если это не про вас, место, где вы спите – это ваше здоровье, любые утренние недомогания, ночные страхи, бессонница – повод задуматься правильно ли расположено ваше ложе.

ЛАЙФХАК 5. ИСПОЛЬЗУЙТЕ АВТОПИСЬМО

Писатели и поэты отложите ваши гаджеты, отвернитесь от экранов ваших компьютеров, положите перед собой бумажки и возьмите в руки ручки. Автописьмо или психография – процесс, во время которого человек входит в своеобразный транс, расслабляет руку. Через какое-то время его рука автоматически начинает зарисовывать какие-то узоры или выводить буквы. Это самый простой способ связи с тонким миром.

Свойства природы, Земли, Солнца, Луны, звезд никуда не делись, более того, они остались теми же, что и сто, и тысячу лет назад. Эти свойства действуют на человека либо угнетая его природу, либо придавая ему сил. Чувство, предчувствие, ощущение, поиск воплощения мысленного образа. Поэту приходит идея, и он начинает перелопачивать в своем подсознании огромные валуны слов, пока не обнаружит и не увидит явственно «сапфир» – образ, изложенный в тончайших нюансах выражений. А рука его через ручку, фантастический жезл, рисует буквами, словами, предложениями, точками, запятыми и двоеточиями то, что неподвластно самому поэту, но то, что с восхищением потом и сто, и двести лет спустя будут читать другие. ■

► Айсылу Хафизова

Наиля Алана Хисамиева я знаю с 2006 года. Он пришел ко мне в пресс-службу Министерства культуры РТ от редакции радио «Азатлык» познакомиться. Очаровал с первых минут – деликатный, остроумный, легкий и при этом компетентный в вопросах культуры. Было ощущение многолетней дружбы. 29 апреля 2018 года он прислал мне этот рассказ, а 11 июня его не стало... Этой публикацией хотелось бы отдать дань памяти нашему дорогому коллеге.



Римзиль Валеев возглавлял журнал «Идель», ныне – член редсовета. Шеф-редактор Казанского бюро радио «Азатлык» корпорации «Свободная Европа/Свобода» в 1995-2010 годы. Заместитель председателя исполкома Всемирного конгресса татар, координирует деятельность татарских средств массовой информации. Председатель совета федеральной национально-культурной автономии татар России, член Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Правительстве РФ. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан.

ГОЛОС, КОТОРЫЙ ХОЧЕТСЯ слушать

Я не отношусь к узкому кругу близких друзей Наиля Алана Хисамиева. Не во всем он был понятен и бесспорен. Мы работали вместе, и приходилось не соглашаться друг с другом, но практически никогда не спорили, так как были готовы согласиться с противоположным мнением. Потому что в самом главном мнения и позиции были похожи, да и принадлежали одному и тому поколению и тем же нравственным, жизненным принципам. Мы стали журналистами в советское время, основательно изучили систему, знали плюсы и минусы, способы достижения цели и понимали, как живет вранье в виде всеобщего флешмоба.

Наиль Хисамиев после окончания университета уехал в Тюмень, где нашел там сибирских татар с их укладом жизни, изучил современную систему выживания национального духа. В этих просторах и болотистых лесах он нашел себя как открывателя татарских островов и заступника национальных интересов. Благодаря смачной интонации и красивому голосу и, конечно, удивительным возможностям радиовещания, он стал узнаваемым в Тюмени, а потом



в Татарстане и других регионах, где слушают татарстанское радио.

Поскольку коротковолновое радио «Азатлык» и его передачи в ретрансляции можно было услышать везде, где живут наши соплеменники, он, как и большинство из нас, стал знаком всем, кто интересуется национальным возрождением татар и укреплением их самостоятельности.

Наиль рассказывал про сибирские реалии, про новости национального движения. Как и все, я тоже открывал эту стихию с голоса Наиля Алана. Его передачу «Дусларга сукмак» («Тропинка к друзьям») по тюменскому радио слушали все, кому надо – настраивались на волну того времени. Его знали и уважали коллеги из русских редакций, начальство и общественность считалось с этим необычным, креативным человеком настолько, что он, татарский журналист, открывающий иногда неприятные стороны жизни, удостоился звания «Почетный радист РФ».

Он знал тюменские районы, таежные села, куда никто не добирался, рассказывал о жизни людей, давал им высказываться, обильно применяя синхроны из диктофона. Радиожурналисты знают вкус интонационной откровенности и искренних признаний разных людей. Некоторым из них никогда не удалось бы попасть в эфир. Но их голоса и их правда доходили до широкой публики. 17 лет татарского эфира в сибирском формате – это огромная практика Наиля Алана. Помню, казанские летчики, сидя в плену в Кандагаре, слушали татаро-башкирский эфир радио «Азатлык» по коротким волнам в надежде услышать про себя, о том, что их не забыли на родине. Они услышали передачу Наиля Алана о далеком селе в сибирской тайге, где нет стабильного электричества. Командир Владимир Шарпатов, слушая

татарскую передачу, возмутился, мол, нет такого места на его родине в Тюмени. Потом, когда летчики вернулись, мы пригласили их в казанский корпункт, и они наизусть цитировали передачу о тюменской жизни с подачи Наиля. Не все не всегда могут писать и говорить так, чтобы их запомнили так.

Не буду описывать вторую половину творческой биографии и личной жизни Наиля. Он стремился освоить и Казань начала XXI века, и Европу, и мировые стандарты жизни. Постигал страны, туристические маршруты, стандарты комфорта внешнего мира, возможно, для сравнения с запросами татар, пробуждения новых представлений. Проживая и работая в Праге, Наиль освещал реалии Татарстана, находил факты и источники для обостренного восприятия национальных проблем и нехватки демократии. Иногда я не мог с ним согласиться, мог поспорить с ним, но не хотелось входить в новую ситуацию со своими мерками. В критической оценке уровня демократии и раскрепощенности татарской жизни он был часто бескомпромиссен, и, возможно, был прав. Думаю, он жалел татар и страдал из-за нереализованных возможностей...

Его голос, артистическое, душевное обращение к людям вызывало доверие и сопереживание.

Смерть Наиля Алана вызвала шок в Казани и татарском мире. Он был востребованным человеком. Он вызывал надежду и побуждал озабоченность. Сказанные им слова были созвучны желаниям очень многих людей. Друзья, однокашники, земляки и коллеги Наиля тяжело пережили эту горе. Общая знакомая, живущая в Лос-Анджелесе, написала в сети, что оборвалась струна, изменилась жизнь.

Не все успел сказать Наиль. Не успел поделиться сокровенным о последнем этапе жизни. О сопоставлении нашей действительности с западным миром. О ностальгии и боли за народ. Очень жаль. Я глубоко пережил его ошибку – ничто не могло остановить его перед поездкой в Африку для отдыха после операции на сердце. Рациональное уступало эмоциональному и художественному восприятию жизни. И оборвалась струна. Потому интересно читать, что написал при жизни журналист и творческая личность Наиль Алан. ■

“ **НАИЛЬ АЛАН БЫЛ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НАТУРОЙ, ЧЕМ ПОЛИТИКОМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ. СВОЮ ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВДУ ДОНОСИЛ ИНТОНАЦИЕЙ И ГОЛОСОМ. А КОГДА ПРИШЛОСЬ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО С ТЕКСТОМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ, НАХОДИЛ ОПОРУ В СЛОВАХ И ФАКТАХ. ОН О МНОГОМ МОГ РАССКАЗАТЬ.**

► Наиль Алан Хисамиев



Наиль Хисамиев родился 5 июня 1963 года в деревне Алан Тюлячинского района Татарстана. В 1980 году после окончания средней школы поступил на факультет татарской филологии Казанского университета. В 1986-м отправился в Тюмень, где долгие годы проработал преподавателем татарского языка, а также основал и стал ведущим радиопередачи «Дусларга сукмак» на татарском языке. Последние годы жил и работал в татаро-башкирской редакции радио «Свободная Европа» «Азатлык» в Праге. Скончался 11 июня на острове Сал Республики Кабо-Верде.

МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО МОҢ НАД ВОЛНАМИ АТЛАНТИКИ

Перевод Диляры Низамовой

I.

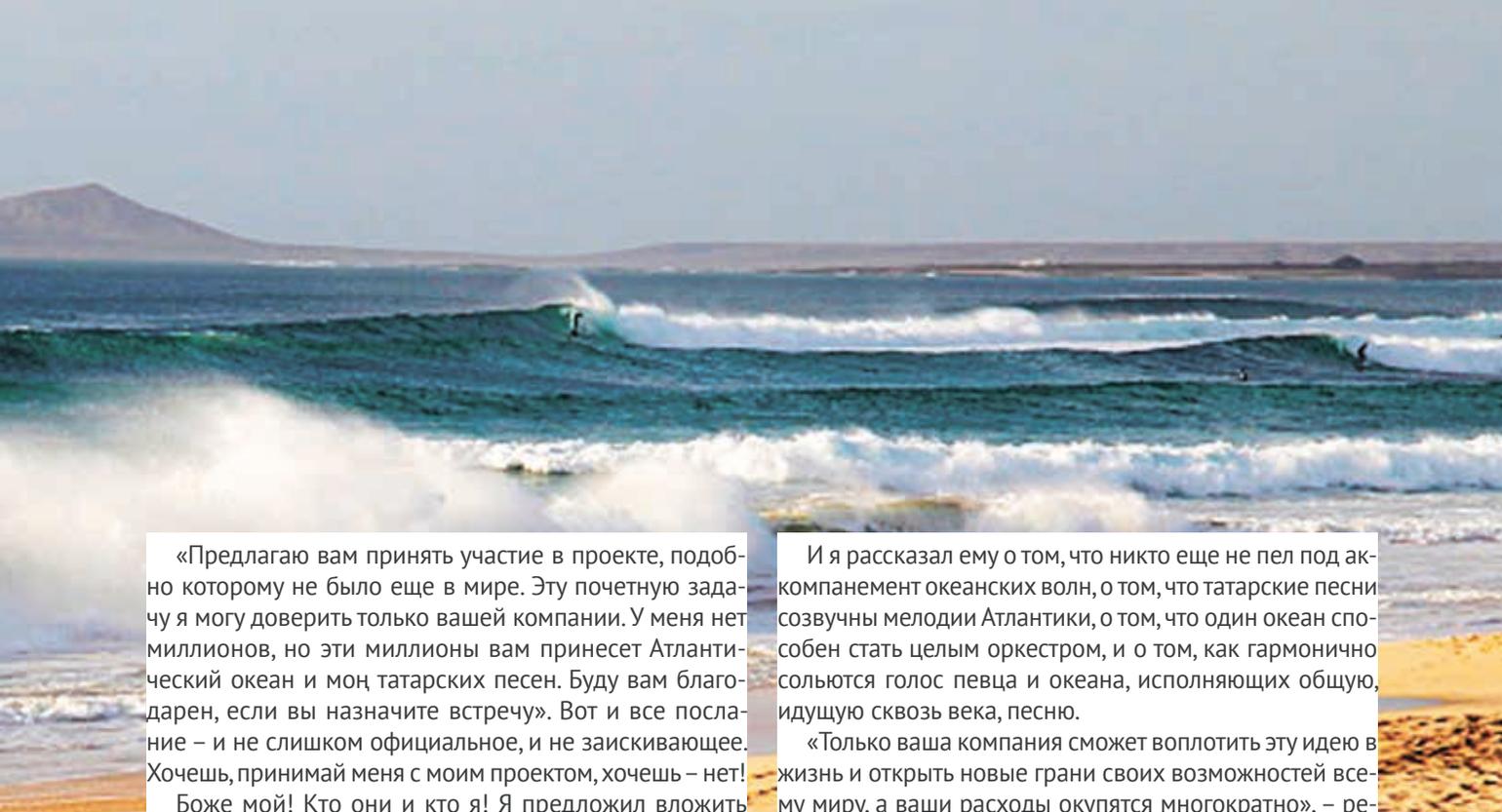
Когда я добрался до мыса острова Сал, где грозные и могучие волны с утонченной нежностью ласкали берег, сотрудники компании "S..." уже всецело были поглощены работой. На лицах ни следа от вчерашней перебранки. Улыбаются, солнце бликует на белоснежных зубах, приветствуют, радуются замечательной погоде.

Вчера до одиннадцати вечера спорили: куда ставить микрофон, стоит ли прикрепить его непосредственно к певцу, как певец переместится с берега на поверхность океана, как далеко ему следует находиться от берега... В поисках ответа на эти и десятки других вопросов все извелось. Обстановка накалялась. Дошло до выяснений, кто покроет огромные затраты, если проект провалится. «Всевышний покроет! Все – от Всевышнего: и ваше присутствие здесь, и тот факт, что руководитель компании поддержал этот проект, не имея никаких гарантий и лишь поверив в саму идею – все это благодаря Бо-гу!», – разгорячился я.

II.

Мне одному известно, какие чувства меня обуревали, когда я три месяца назад входил в главный офис «S...» – крупнейшей звукозаписывающей компании в мире. Берясь за прохладную ручку входной двери, я искал слова, которые смогут убедить руководство компании поверить в мою идею: над океаном в сопровождении симфонического оркестра волн поет самый вдохновенный татарский исполнитель.

Незадолго до этого, ни на секунду не задумываясь, я написал и отправил короткое письмо хозяину корпорации, прославившейся звукозаписью и прочими передовыми технологиями.



«Предлагаю вам принять участие в проекте, подобно которому не было еще в мире. Эту почетную задачу я могу доверить только вашей компании. У меня нет миллионов, но эти миллионы вам принесет Атлантический океан и моң татарских песен. Буду вам благодарен, если вы назначите встречу». Вот и все послание – и не слишком официальное, и не заискивающее. Хочешь, принимай меня с моим проектом, хочешь – нет!

Боже мой! Кто они и кто я! Я предложил вложить огромные деньги в дорожный проект людям, которые не только о татарской песне, о самих-то татарах никогда не слышали...

Уже на следующее утро у меня на почте было письмо с предложением о встрече.

Войдя в приемную, я с порога заявил сидящей там даме: «Я должен зайти к Вашему шефу босиком!», – туфли слетают с кончиков ног, за ними следуют и носки. Женщина потеряла дар речи. Лишь удивленно подняла взгляд с моих босых ног и посмотрела в глаза. А затем, открыв дверь кабинета главы компании, доброжелательно пригласила: «Прошу» – я так и не понял, было ли это одобрением моего безумного поступка или желанием поскорее отделаться.

Начальник встретил с улыбкой меня прямо у дверей и подал руку для приветствия. На мои босые ноги – ноль внимания. Я жду, когда же он увидит выглядывающие из-под штанин пальцы. Он жестом предложил присесть на кожаное кресло.

«Нет, я не сяду! Я хочу подобно выдающейся певице Республики Кабо-Верде, знаменитой не только в Африке, но и в Европе, в Латинской Америке, несравненной Сесарии Эворе выступить перед вами босоногим. Я не прославился как певец, не заставил говорить о себе весь мир, я простой человек, в честь меня не назвали аэропорт на моей родине, но те добрые намерения, которые живут в моем сердце, я хотел бы воплотить вместе с вами», – протараторил я. Неизвестно откуда слова из меня так и сыпались...

И я рассказал ему о том, что никто еще не пел под аккомпанемент океанских волн, о том, что татарские песни созвучны мелодии Атлантики, о том, что один океан способен стать целым оркестром, и о том, как гармонично сольются голос певца и океана, исполняющих общую, идущую сквозь века, песню.

«Только ваша компания сможет воплотить эту идею в жизнь и открыть новые грани своих возможностей всему миру, а ваши расходы окупятся многократно», – резюмировал я.

– Где хотите записывать?

– На острове Сал. Республика Кабо-Верде.

– Так далеко?! Почему не в Португалии или в Марокко, или, на худой конец, на одном из Канарских островов?

– Только на острове Сал мелодия океана созвучна татарским песням. Лишь на единственном мысе этого острова волны дают оркестровое звучание.

– Значит Вы бывали там?

– Дважды. Я не певец, но даже я, исполняя там народные песни, не могу удержаться от слез: океан словно подхватывает мелодию, наполняя ее еще более глубоким смыслом и эмоциями.

– Кто будет петь?

– Исполнитель, который способен во всей полноте выразить душу татарской песни. Он, кстати, чем-то на вас похож, – сказал я и назвал имя.

Ударили по рукам. Обсудили дату и технические нюансы. К нашему разговору присоединились еще трое сотрудников компании. Чуть более, чем через полчаса, мы договорились обо всем.

III.

Сегодня запись! Прошедшие через века народные «Дремучий лес» («Кара урман»), «Гульджемал» («Гөлжамал»), сайдашевское «Адриатическое море» («Әдрән диңгез»), «Белый пароход» («Ак пароход») Сары Садьковой. Впервые в истории татарские песни зазвучат под аккомпанемент океана! Этого никогда раньше не случилось!

Техники компании сумели найти кран, который обеспечил нам подиум, уходящий от берега в сторону океана на семьдесят метров. Положили на стрелу крана доски, а поверх них толстый ковер. Стрела протянулась над океаном, почти касаясь волн. Время всего лишь восемь часов утра, а у нас уже все готово. Африканское солнце поднимается над землей, волны играют.

Этот мыс на острове Сал обладает особым настроением: он наполнен какой-то непередаваемой волшебной мелодичностью. Вслед за большими волнами, бегут мелкие, их накрывают более мощные – вместе они образуют целый оркестр.

Здесь и скрипки, здесь и флейты, и альты и контрабасы – все в порыве вдохновенья продолжают вечный сказ! Как-то по-тукаевски вышло: «Он слывет большой землю? Нет, тот остров не широк: поперек двенадцать верст он, вдоль лишь тридцать наберет».

На острове, образовавшемся в результате извержения вулкана, практически нет ни деревьев, ни какой-либо другой растительности. Когда-то португальцы добывали на этом острове соль (sal), отсюда и пошло название острова. Вот уже пятнадцать лет, как остров облюбовали для своего безмятежного отдыха европейские туристы. А сегодня над ним и над Атлантическим океаном впервые зазвучит татарский моң.

IV.

Я люблю остров Сал! Приехав сюда три года назад, я искренне проникся широтой души и гостеприимством местных жителей, их извечным лозунгом «No stress!», рыбаками, ежедневно отправляющимися в море, богатой добычей, которой щедро одаривает их океан. А величие океана, играющего у берега бирюзовыми волнами, вызывает у меня одновременно восхищение и трепет.

Огромные волны Атлантики меня встретили в пятидесяти метрах от деревянного бунгало, когда я отдыхал в конце октября 2013 года на острове в отеле Oasis Atlantico Belorizonte. Волны играют тобой: то подхватив, как щепку, выбрасывают

на берег, то, приняв в свои теплые объятия, убаюкивают, как в колыбели. Когда океан спокоен, купаешься в нем до полного изнеможения, а потом бредешь вдоль берега, неспешно ступая по белоснежному, как мука, песку.

Я встаю на рассвете. На часах всего лишь около пяти. Выпив чаю с молоком, отправляюсь бродить по берегу.

Над океаном поднимается марево. Мир погружен в покой и тишину. Ноги ласкает песок. Вот рыбаки, направив свои суденышки навстречу волнам, отправляются в океан закидывать сети. Вот первые лучи восходяще-

го солнца, прорезав, словно ножами, сумеречное небо, золотыми стрелами пронзают насквозь черные тучи. А я иду по берегу, и окружающие пейзажи заставляют душу мою трепетать и рваться в неведомые дали. Сами собой полились из груди родные сердцу мелодии.

«Дремучий лес» («Кара урман»), «Вернуться бы в молодость» («Яшьлегемә кайтыр идем»), «Первая любовь» («Беренче мәхәббәт») – напевая эти песни, я неспешно шагал вдоль берега. Впереди неизвестность, справа отели, слева океан, под

ногами песок. А я все иду и иду...

В детстве – и когда пололи сорняки на колхозных полях, и когда косили траву на соседних с деревней лугах, и когда собирали смородину в школьных садах – всегда пели песни. Петь я не умею, а подпевать в общем хоре могу. Душа поет прекрасно, а с воспроизведением проблемы...

Так, погрузившись в свои мысли, я и не заметил, как далеко ушел: отели остались далеко позади, а я оказался на мысе,



уходящем прямо в океан. Вокруг только океан и песок. Я и не заметил, как затянул «Адриатическое море». Мне не слишком мелодичное пение вдруг подхватил океан. Добавил мелизмов, замаскировал недостатки. В моем пении ошибок уйма, океан же не допускал ни одной: вовремя вступал скрипками, гремел барабанами, подбегаящие к берегу маленькие волны вели партию флейт. «Этого не может быть!» – я потрясенно замолк, оборвав свое пение.

Это что же получается, оркестр океана исполняет татарские мелодии?! Я запел «Дремучий лес» – опять та же история: океан безошибочно аккомпанирует этой песне. Я начинаю «Наша песня еще не спета» Яхина, затягиваю вальс «Жду тебя» Сары Садыковой – стихия не отступает. Наконец, я замолкаю и погружаюсь в свои мысли.

Получается, что песни, в которых многие поколения изливали свою душу, созвучны природе, гармонируют с мелодией океана. И музыка композиторов, особенно полюбившаяся народу, океан с таким же удовольствием подхватывает... Атлантический океан, оказывается, знает наши татарские песни!

V.

И вот сегодня не я, а самый лучший, самый сладкоголосый певец татарской эстрады впервые воплотит в жизнь проект, подобного которому еще не было. Как только прозвучала команда «Пишем!», над океанскими волнами полились звуки песни «Адриатическое море».

*«Море счастье и покоя – Адриатика,
Море войн и битв жестоких – Адриатика,
Властелина всего мира Александра,
Одарила мощью грозной Адриатика»...*

Интересно, а пела ли свои песни под музыку океана босоногая дива, выросшая на Сан-Висенти – одном из островов Кабо-Верде, Сезария Эвора? Свой первый альбом она записала лишь в сорок три года в Лиссабоне. Однажды в лиссабонском ресторане Enclave, ее услышал Жозе де Сильва – молодой железнодорожный служащий из Парижа. Услышал и потерял дар речи – ее пение настолько потрясло молодого служащего, что все свое время и все свои сбережения он посвятил тому, чтобы донести ее голос до слушателей мира. Креольского наречия, на котором она пела, не понимал практически никто, однако, ее волшебный голос, в котором звучали понятные всем переживания, покорили весь мир, в том числе Казань и Уфу, куда она однажды приезжала со своими концертами.



VI.

3 октября 2016 года. Аэропорт острова Сал. Я побывал на этом острове уже второй раз, и собирался лететь в Прагу. Пройдя паспортный контроль, купил чашечку кофе и отправился в маленький садик аэропорта. И тут мой взгляд упал на магазинчик с аудио- и видеодисками. Музыкальная культура этой страны, состоящей из десятка крупных островов, с населением чуть больше полумиллиона человек была представлена в этом киоске альбомами 25-30 исполнителей, аккуратно расставленными по полкам. Среди них не было альбомов Сезарии Эворы. Ее диски стояли отдельно, на почетном месте, как знак особого уважения и гордости за знаменитую соотечественницу.

Международный аэропорт Сан-Висенти – острова, на котором родилась и выросла певица, теперь носит ее имя. На площади у аэропорта установлен в ее честь памятник. Она была кавалером знаменитого французского ордена Почетного легиона. К своим соотечественникам певица относилась, как к семье, и искренне стремилась сделать их жизнь легче. На ее деньги содержится вся система начального образования Кабо-Верде, почти половина бюджета здравоохранения так же финансируется из ее средств...

Интересно, выбирая из двух тысяч татарских исполнителей, чей памятник я бы установил в аэропорту Казани? Чье имя ему я бы присвоил? Из этих двух тысяч найдется ли хоть один, кто бы построил татарскую школу или как минимум обеспечил ее татарскими учебниками и книгами, кто оказывал бы помощь на постоянной основе и заботился о нуждах своего народа? С этими мыслями поднимаюсь по трапу в самолет, который готовится улететь в Прагу. Вопрос о том, кто же тот исполнитель, который споет в сопровождении океана, волнует меня на протяжении всего пути, не дает покоя. ■

► Рамиль Гарифуллин



«НАС ВОЗВЫШАЮЩАЯ МУЗЫКА...»

*Избранные
рассказы из книги
«Казань - ностальжи»*

Родился в Казани в 1962 году. Окончил физический факультет КГУ (1984), факультет психологии КФУ (1991). Публицист, писатель, доцент Института психологии и образования КФУ, кандидат психологических наук, заслуженный работник культуры РТ. Автор книг «Энциклопедия блефа» (1995), «Иллюзионизм личности» (1997), «Психотерапевтические этюды в стихах» (1998), «Полёт над людьми психушки» (2006), «Казань-ностальжи» (2018). Работал обозревателем еженедельника «Аргументы недели». Публиковался в журнале «Идель» и других печатных изданиях. Автор сценария и режиссёр-постановщик художественных фильмов: «Личина» (2002), «Режиссёр мозга» (2015).



ДВОРИК МАЛЕНЬКИХ МУЗЫКАНТОВ

Весна 1971 года была жаркой и ранней. Солнце хорошо согревало, но не утомляло. Ну разве может утомить солнце, на котором мы, мальчишки, отогревались после холодной зимы? И в тень гаража совершенно не хотелось. У гаража нашего дворика была двойная ценность: он давал нам жарким летом добротную и прохладную тень, а, кроме того, можно в любое время на него залезть и увидеть всё, что происходит в соседних дворах, прилегающих к Булаку. Но сейчас мы в этом гараже не нуждались. Мы грелись на солнышке и молчали. Я второклассник, уроки уже сделаны, и больше ничего делать не хочется. Ребята, с которыми я сижу, старше меня. Толстому Юрке уже десять, Фариду одиннадцать, а длинному Витьке все двенадцать! Чувствую, что они втайне от меня куда-то собираются.

Вот они встали и пошли, я за ними. Спрашиваю, куда идём – молчат! Прошли улицу Баумана, миновали Кольцо, прошли мимо кинотеатра «Возовец», поднимаемся по Щапова. Дошли до жёлтого здания со шпилем. Я впервые его увидел. Оно оказалось Дворцом пионеров. Заходим. Вижу широчайшую лестницу с мощными каменными перилами. На втором этаже нас дружелюбно встречает уважаемый мужчина в костюме. Открывает маленькую комнатку с полками, на которых лежат различные духовые инструменты. Юрка забрал кларнет (я не знал тогда, что он так называется), сказав, что у него особо мягкие губы, и поэтому инструмент со специфическим и нежным

мундштуком подходит только ему. Фарид взял трубу с тремя кнопками, Витька – басовую бандуру с широким и круглым мундштуком. Я стоял в комнате, наполненной запахом медного металла, ожидая, во что же мне дадут дудеть. После первого класса я был в пионерском лагере и успел позавидовать пионеру, играющему на горне. И тут вижу горн с тремя кнопками. Хозяин духовых инструментов, оказавшийся руководителем музыкального кружка, не одобрил мой выбор. Он вручил мне альт с тремя вентилями. Четвёртый вентиль был для вывода слюней.

Зашли в просторную комнату, сели. Фарид, играя по нотам, сразу же выдул марш Салиха Сайдашева, который я слышал по радио. В эти мгновения он для меня превратился в другого Фариды! Это уже не был бездельник-двоечник, который целыми днями катается по моему дворику на велосипеде «Орлёнок». Он умел выдувать воздух, превращающийся в музыку из радио! При этом он так сильно краснел, что переставал быть похожим на себя! Его глаза в эти минуты были счастливыми и блаженными.

Потом по нотам играл Юрка. Я был удивлён, что он не путается в кнопочках, ведь их было так много! Он играл русскую народную песню. Я её тоже сразу узнал. Юрка из толстого обжоры с заплывшими ленивыми глазами превратился в выдувателя русского народного духа. Волшебство какое-то! Он так задушевно играл, что у меня мурашки по спине пробежали и даже слёзы появились.

Потом выдувал низкие частоты Витька. Он сыграл что-то унылое, но тоже вызвал во мне уважение. Ведь в большой мундштук дуть не так-то просто!

Ребята ушли, а я остался с руководителем. Он мне объяснил, что такое ноты. Целые, четвертинки, восьмушки... Как они поднимаются по нотному стану. На какие вентили моей альтушки нужно нажимать, чтобы звучала нужная нота. Объяснил мне, как правильно дуть. Он часто меня хвалил, и я уже в первый день стал выдувать простенькие звуки. И мне захотелось ходить в этот кружок духовых инструментов! Я ходил туда аж до самых летних каникул. Помню, как в последний майский день Фарид играл позывные пионерского лагеря. Руководитель доверил ему взять с собой в лагерь трубу. Фарид с гордостью шёл по улице Баумана с футляром, в котором лежала труба. А я ему завидовал.

Быстро пролетело лето. Осенью я немного походил во Дворец пионеров, а потом мы переехали на новую квартиру. Ездить приходилось издалека. И я бросил этот кружок.

Навыки игры на альтушке пригодились: я самостоятельно освоил игру на пионерском горне. Всегда с гордостью играл на линейках пионерской дружины и мечтал опять оказаться в той самой комнатке, набитой музыкальными инструментами, и вдохнуть запах меди моего детства...

В ДОМЕ СЕМЬИ АХМЕРОВЫХ НА ГАЛАКТИОНОВА

Пожалуй, редко сейчас встретишь квартиры, двери которых никогда не закрываются на замок. Стучишься, бывало, к Ахмеровым. Не подходят. Они, как всегда, чем-то увлечены: либо научной беседой, либо работой над рукописью. Когда я проходил по Галактионову, ноги сами меня сюда приводили. Именно в этом доме когда-то жил известный татарский издатель Шигап Ахмеров – человек, который, по сути, вырастил и воспитал композитора Салиха Сайдашева.

Итак, стучишься к ним, а к двери никто не подходит... И вдруг дверь сама от ветра открывается и приглашает тебя в эту знаменитую семью. Оказывается, все дома! Узбек Шигапович со своей супругой общаются в комнате слева, а Нияз Узбекович пишет за старинным письменным столом. В доме творческий беспорядок, пыльно! Везде лежат книги. Архетипичная атмосфера дома учёных! Именно она меня всегда заряжала на научные поиски. Именно здесь я получал ценные наставления от Нияза Узбековича и его

отца Узбека Шигаповича. Уходила суета, открывались истинные ценности. Нияз Узбекович с некой иронией всегда обращал моё внимание на тот факт, что в этом доме часто бывал Салих Сайдашев. Вот та комната, где его дед общался с Салихом Сайдашевым. А вот кровать, на которой ночевал великий композитор. А потом Нияз Узбекович с грустью вздыхал... о том, что дом собираются сносить.

Дом действительно снесли, хотя на нём была мемориальная доска о Салихе Сайдашеве. Ахмеровым дали новую квартиру. Эта перемена в их жизни сильно отразилась на здоровье Ахмеровых. Сначала не стало супруги Узбека Шигаповича, а потом и его самого. Нияз Узбекович сейчас живёт один. Общаемся только по телефону. Порой так хочется вернуть время, без стука войти в дом Ахмеровых на улице Галактионова и увидеть их всех вместе...

НАС ВОЗВЫШАЮЩАЯ МУЗЫКА ДОМА КЕКИНА

Троллейбусная остановка возле дома Кекина для меня всегда была родной. Во втором классе я ходил в кружок духовых инструментов при Дворце пионеров. Играл на альтушке. В пятом классе ходил туда же на секцию акробатики. С шестого по десятый занимался конькобежным спортом на стадионе «Динамо». Возвращался всегда на троллейбусе, который останавливался недалеко от дома Кекина. Ждешь, бывало, троллейбус и смотришь на это здание.

Дом Кекина радовал столовой, в которой нас, спортсменов, хорошо кормили по бесплатным талонам. Кроме того, в этом доме со стороны улицы Галактионова находился небольшой кулинарный магазинчик, в котором я часто покупал себе жареную рыбу, когда в кармане оставалось всего 12 копеек.

Уже повзрослев, я осознал, что музыка и архитектура величественного замка Кекина действовали на меня возвышающе и избавляли от чувства собственной неполноценности. Особенно я это ощущал после неудач на секции акробатики, из которой впоследствии пришлось уйти: я не справлялся со сложными акробатическими элементами. Стоишь, бывало, после тренировки на остановке, униженный тренером, а дом Кекина тебе говорит: «Выше нос! Выпрямись! Стой гордо, как Я! Вот уже сто лет стою, и никто меня не согнул!» Этот дом – самый гордый в Казани.

Впервые по-настоящему осознал влияние дома Кекина, когда узнал, что на том же месте часто стоял униженный нищетой, лишённый оркестра и уволенный из

театра великий татарский композитор Салих Сайдашев. Он жил недалеко от остановки, рядом с театром Камала. Видимо, Салих абый также стоял и слушал величественную музыку архитектуры этого дома. И он давал ему силы. Потом композитор проходил мимо него, спускаясь на Галактионова, к своему дяде Шигабу абый Ахмерову, который его также поддерживал. Поэтому для меня дом Кекина – не просто застывшая музыка камня, а живая музыка Величия Несломленного Духа.

Уверен, что сейчас на троллейбусной остановке стоит какой-нибудь мальчик, возвращающийся из Дворца пионеров имени Алиша. Стоит усталый, измученный неудачами... Стоит и смотрит на дом Кекина... А значит, у него всё получится!

КОГДА В КАЗАНИ ЗВУЧИТ ОДИНОКАЯ ТРУБА

Людям на улице более свойственно жить: куда-то ехать или идти, просто гулять, общаться, заниматься делами и даже болеть, так как это тоже жизнь! В одной траги-весёлой песне поётся: «Оркестр гремит ба-сами, трубач выдувает медь...». Звучание меди на улицах прошлой Казани часто напоминало горожанам не только о потоке жизни, но и встречном потоке противоположности. Сейчас возникает жизнеутверждающая иллюзия, что люди вообще не уходят из этого мира, людям не нужна экспансия траура и тревоги.

Помню, в начале 70-х по Баумана мимо гостиницы «Казань» шла толпа под басовую грустную медь. А в это же время с Чернышевского спускалась свадебная процессия после регистрации брака в центральном ЗАГСе на улице Ленина... Вот такой музыкальный контрапункт! Вот такой городской трагифарс!

Сейчас, казалось бы, это невозможно. Тревожно-музыкальные процессии ушли в храмы, но там происходит и венчание...

Это противоречие нашей жизни порой снимает одинокая труба, которая звучит издали... в местах захоронений... Звучит тихо... ненавязчиво... гармонично... к месту... Звучит порой божественнее, чем музыка в храмах... Всё-таки искусство – великая жизнеутверждающая сила!

ВЕСЕННЯЯ КАЗАНСКАЯ СИМФОНИЯ

Пройти весной мимо раскрытых окон казанской консерватории, подобно мультфильмовскому паровозу из Ромашково, было для меня в детстве обязательным счастьем! Ведь это была двойная музыка! С одной

стороны, после зимы в мою душу вривалась мелодия весны и солнечной капели, а с другой, были слышны музыки и пение студентов величественного института музыки. Весенняя симфония улицы и звуки из раскрытых окон консерватории так изящно гармонировали, что я смотрел по сторонам: не дирижирует ли кто-то всем этим? Ритмы бликов весеннего солнца были в прекрасном диалоге с капелью, которая звучала в унисон со звуками распевок, игры на фортепиано, баянах и струнных инструментах. Вот такая Весенняя симфония! Разве можно пройти мимо!? И я всегда останавливался. Стоял. Слушал. Наслаждался. Мне, тогда второкласснику, приходило с родной улицы Баумана на улицу Большую Красную, казалось, что в консерватории учатся только Боги. Ведь эти голоса и звуки я слышал только по радио. Мне очень хотелось увидеть волшебников музыки, но из консерватории выходили обыкновенные студенты. Помню одного из них. Он шёл в плаще, завёрнутый в шарф, и на всю Большую Красную певческим голосом выдавливал: «Ми! Ми! Ми!» Останавливался, направлял ладонью свой голос в ухо и шёл дальше.

Мне повезло. Я встретил у консерватории своего руководителя из Дворца пионеров. Он и привёл меня внутрь. И вот я иду по коридору мимо толстых кожаных двойных дверей. В коридорах сидят студенты-музыканты. Virtuозный балалаечник что-то наигрывал, повеяло русским деревенским простором, несмотря на то, что в коридоре было душно и тесно. У одной из дверей зазвучала татарская песня «Сандугач, сандугач, китмя, китмя, сандугач». Девушка прекрасно пела, но её педагог почему-то придирился к ней.

Мне очень понравилась атмосфера консерватории. Я тогда сравнил её со своей школой. Прошли годы, и уже учась в университете, я вновь заглянул в консерваторию. Это было после того, как я посещал уроки вокала у Люции Хасановой и Марата Яхьяева. Консерватория ничуть не изменилась. Тот же запах, та же симфония коридора. Помню, как меня прослушивал профессор Воронов. Он пригласил меня учиться на рабфаке вокального факультета. Я ещё долго решал, учиться ли мне в консерватории. Посещал народную оперную студию, которой руководила в доме медработников Светлана Жиганова. В один из весенних дней я вживую услышал пение её ученика Рената Ибрагимова и понял, что петь как он не смогу никогда!

И по сей день, когда я прохожу мимо консерватории, сердце моё наполняется приятным трепетом весны моего детства, когда я подолгу стоял, не в силах покинуть эту великую кузницу музыки! ■



Поэт, прозаик, журналист, музыкант. Родился 23 октября 1960 года на Дальнем Востоке. Окончил Московский энергетический институт. Жил, учился, служил, работал в Средней Азии, на Дону, в Тольятти, Казахстане, Москве, Ленинграде, Хакасии, Белоруссии, на Диксоне. Автор книг «Сотворение Бога» (2000), «Прогулки по крепостной стене» (2014). Печатался в литературных изданиях «Alter Ego» (Белоруссия), «Город», «Графит», «Литературный проспект», «Вольный город», «Антология независимой литературы» (Тольятти), «Литсреда» (Самара), «Новая реальность». Долгое время руководил клубом авторской песни «Бардовская среда» (Тольятти), лауреат и дипломант нескольких фестивалей авторской песни.

Сергей Пиденко

Когда-то я мечтал быть военным журналистом, даже экзамены сдал в Львовское высшее военно-политическое училище на факультет «военная журналистика», но потом вспомнили, что мне уже 21 год, а принимали до этого возраста. Первые публикации о жизни военных строителей были в окружной газете Среднеазиатского военного округа. Два года вёл рубрику метеоролога в белорусской районной газете — в духе Карела Чапека (у него был юмористический цикл «Год садовода», вот я на него и ориентировался). Статьи об истории космонавтики печатал в журнале «Новости космонавтики»... Но всё это было как воздух, как трава, повседневно и незаметно, официальных должностей в газетах не имел — внештатник, имя которым — легион... В институте как-то тиснули с однокурсником статью в стенгазете «Радист», подпортившую карьеру целой обойме факультетских функционеров — месяц чувствовал себя Власом Дорошевичем...

Сергей Пиденко

СЕРЕБРЯНАЯ ТРУБА АРАМА

Почему-то никак не могу вспомнить его лицо. Фигуру помню — маленькое, даже щуплое тело в мешковатом «хабэ» с несоответственно большой головой над худыми ключицами. Эта несоответственность придавала ему какой-то детский вид. Да он и был ребёнком — в свои семнадцать с небольшим смотрел в мир по-детски удивлённо и немного настороженно...

Вот имя никогда не забуду — Арам. Нормальное армянское имя, но совершенно непривычное для европейского уха. Если прочитать наоборот, получится «мара» — «мечта» по-белорусски. А на фамилию его я вообще, как охотничья собака,

сразу стойку сделал. Я ещё в институте Сарояном болел. На все спектакли по его пьесам ходил. И томик его прозы в переводе с английского у меня на полке стоял. «В горах моё сердце»...

А тут вхожу в штабную дежурку, а там сидит маленький чернявый кавказец, увидел меня и вскочил, как чёртик на пружинке, большой рот в испуганной улыбке растянут, а руки суетливо пилотку задом наперёд на голову натягивают. Это не потому, что он погоны мои сержантские увидел, просто шушера наша армейская уже в первую неделю приучила их перед каждым «стариком» в струнку вытягиваться (я ещё со своего каран-

тина помню, как любой полугодишник «дедом» казался).

— Садитесь, — говорю, — товарищ солдат (никогда не любил фамильярничать и «тыкать» тем, кто вынужден меня на «вы» называть). — Новенький? Как фамилия?

А он опять вскакивает и рапортует:

— Военный строитель-рядовой Ароян!

Вот тут-то я стойку и сделал.

— Вот как, — говорю, — Ароян? А к писателю Сарояну вы никакого отношения не имеете? Или просто фамилии похожие?

Он улыбнулся растерянно и одной фразой уложил меня. Наповал.

— Его отец, — говорит, — двоюродный брат моего дедушки был...

Вот так его и звали. Арам Ароян.

Он был трубачом. Не знаю, была ли у него какая-нибудь другая профессия. В военно-строительных войсках из него пытались сделать землекопа. Будь он пианистом, им бы это удалось наверняка: в клубе у нас не было фортепиано, и с собой из дома его не привезёшь, а трубу — трубу он привёз. (Не знаю, как правильно назывался этот инструмент — серебристый, с тремя кнопочками, похожий на пионерские горны, только те были медные и почему-то всегда помятые — дрались ими, что ли? А этот — сразу видно было, что серьёзный музыкальный инструмент: благородно сияющий, одна деталь плавно перетекает в другую...) И замполиту нашему — тридцатилетнему капитану с холёным лицом — пришло в голову, едва он про эту трубу узнал, утреннюю побудку и отбой вечером сигналом трубы обозначать. Я его понимаю: мы все на гайдаровской военной романтике выросли, и для многих из нас посреди тогдашней всеобщей сытости, лени и вранья серебряные трубы нет-нет да и звучали. А может, что вернее, ему просто хотелось замполитам соседних частей нос утереть: у них нет такого, а у нас — есть...

Так Арам и выходил по утрам — сонный после ночных сержантских игр в «подъём-отбой», любовно пробегал пальцами по клапанам — мягко ли ходят — делая смешные гримасы, старательно разминал губы: округлял, вытягивал в трубочку, растягивал в подобии улыбки, замирал на несколь-

ко секунд, словно прислушиваясь к чему-то, что мог слышать только он один (как я завидовал этому мгновению!)... Потом оглядывался на освещённое окно дежурки, откуда дежурный по штабу, следящий за часами, подавал ему знак, и подносил мундштук к губам. На несколько мгновений для меня наступала абсолютная тишина ожидания... А потом — в утреннее небо вонзался чистый звенящий клинок сигнала, легко и решительно отсекая ночь ото дня.

Весь день труба отдыхала в чёрном дерматиновом футляре, куда Арам, бережно протерев сверкающий металл фланелью и прочистив специальной щеточкой мундштук, укладывал её после утреннего выступления. Сам же трубач в это время с остальными сослуживцами трудился над рытвём траншеи на ударном объекте пятилетки, восемь часов в день перекидывая с места на место глину и песок.

Вечером обряд повторялся, но в это время он не трогал меня: переход от шумного дня к тишине ночи не требовал такого яркого действия, как утром.

Арам иногда играл для нас, солдат-штабистов, минут тридцать-сорок (мне хватало этого, чтобы очистить душу от суеты и усталости) какие-то классические пьесы, армянские мелодии и джазовые композиции: Армстронг, Гершвин, Бернстайн. Я его не просто слушал — впитывал, вбирал сердцем, всей сутью своей. Заворожённо ловил глазами блики на серебряной поверхности, следил за пальцами, нежно перебирающими клапаны, и с восхищением всматривался в его одухотворённое лицо (надо же — своё восхищение помню, а его лицо нет!). И странно: меня хорошей музыкой не удивить — я, пока в Минске учился, нередко на концертах бывал и таких музыкантов слушал — но Арам со своей трубой вызывал во мне восторг новообращённого. Если в самом деле есть ангелы на небесах, и они действительно наполняют небесные сферы божественной музыкой, Араму самое место среди них.

Эти вечера и подсказали мне идею избавить Арама от каждодневной подёнщины на стройке. И повод подходящий вскоре представился: у кого-то из напарников Арама лом из рук выскользнул и трубачу нашему едва запястье не раздробил. Пока раненый в медсанчасти отсиживался, я как батальонный комсорг к замполиту пошёл, статистику

травм и увечий в отряде за последние полгода привёл, напомнил, что через месяц на базе нашей части совещание политуправления округа проходить будет, и было бы неплохо, если б начальник политуправления слышал по утрам нашего трубочка...

В общем, когда Арам вышел из санчасти, он уже числился штатным работником батальонного клуба. (Ротный возражал, конечно, да кто его слушал!) Я знал, без сомнения, что благими намерениями путь в ад вымощен, но кто мне мог подсказать, что это и к моим благим намерениям относится!

У Арама свободного времени стало — не меряно! И сколько мы с ним за эти месяцы переговорили. Я в первый раз встретил человека, так связанного с судьбой своего народа. От Арама я впервые «живьём» услышал, как армяне отстаивали веру свою и культуру, временами чуть не в катакомбы уходя, как население целого государства — женщины, дети, старики — мучеником за веру становилось... И первый раз тогда я о Комитасе узнал — композиторе, гордости армянского народа. Он сошёл с ума, видя муки друзей и близких. Арам рассказывать не мог — рыдал. И я был не в силах его успокоить, потому что рыдал сам.

Меня поначалу удивляло, как Арам в строительных войсках оказался: здоровый, грамотный, с законом в ладах (у нас кого ни возьми — подобрались косые, хромые, уголовники. Я так вообще соцветие пороков: очкарик, гипертоник, да ещё и у гэбэшников на заметке в силу романтизма излишнего). У Арама всё-таки оказался пункт в биографии. Он не сразу признался, что его семья семь лет назад в Союз из Ливана перебралась. Так что доверять ему у наших властей оснований, естественно, не было. Арам ещё в Ливане, восьми лет от роду, как трубу к губам прижал, так уже и не выпускал из рук. В маленьком армянском городке, где он с семьёй оказался, даже музыкальной школы не было, кто его учил? Сосед ноты показал — до этого парень исключительно на слух мелодии подбирал, — по выходным и праздникам жители окрестных домов что-то вроде музыкальных вечеров устраивали: кто на чём умел, тот на том и играл, а кто не умел, в ладоши прихлопывал — вот и вся школа.

Я получал удовольствие от общения с Арамом тем большее, что истосковался по таким разговорам. Даже не столько разговорам — атмосфере чистого, доверительного общения, не отравленной крутой похабщиной и сальностями, непременно в армейском коллективе, рассказами о самоволках и пьянках.

И так увлекательно было слышать, как Арам говорил о музыке. Наверное, я оказался не очень хорошим слушателем: двадцати лет не прошло, а я уже почти не помню имён джазистов, восхищавших его, названий его любимых пьес и многого, слишком многого я уже не помню. А ведь для него в этом была вся жизнь. Мы с ним почти не говорили о женщинах — он ещё не успел никого полюбить. О музыке он говорил так, как я — о любимой женщине. Как я подмечал бы неповторимые чёрточки в характере, поведении, речи, лице любимой, так он собирал особенности в исполнении Бенни Гудмена (или кто там ещё есть из выдающихся джазистов?)

Не могу понять, как в те годы в маленьком армянском городке он умудрялся находить их записи и впитывать звуки, наполнявшие его светом? Половину его слов в эти моменты составляли разнообразные по тону «та-та-ти» и «ти-ти-та», а ещё «пам-ба-ба-ба-ба» и «у-ва-ва-ва-ва». Так звучали разнообразные духовые в его исполнении. Но наступал особый момент, и Арам хватался за свою трубу (может, когда был уверен, что исполнение окажется не хуже оригинала). В маленьком пространстве моего штабного кабинета голосу его трубы становилось тесно (иногда мне даже казалось, что я представляю, как были разрушены стены Иерихона), он метался от стены к стене, неистово бился о потолок, испуганно дребезжали оконные стёкла, по комнате носился тугой вихрь звука, а посреди всего этого стоял Арам, широко расставив чуть согнутые в коленях ноги, активно двигая локтями (словно нагнетал воздух в лёгкие), закрыв глаза в упоении, и улетал вслед за вдохновенной волной звука, исторгаемой его трубой, оставляя внизу не очень устроенный, временами совершенно неудобный мир, улетал, увлекая за собой меня. И судорожно трепыхалось, и замирало моё сердце, впервые поднятое на такую высоту вдохновения и восторга перед музыкой, порождённой божественной трубой вполне земного армянского юноши. И вдруг звук обрывался, и я, обескрыленный, ошарашенно летел вниз, не успевая надеяться на

спасение, и перед самой землёй меня подхватывала мягкая волна свинга и вновь увлекала вверх, к сверкающей горной высоте. И в этот миг я, атеист, знал, что Бог есть, неоспоримым доказательством его существования была труба Арама!

За этим занятием нас и застал как-то начальник штаба, две недели как назначенный на эту должность после 12-летнего сидения на должности командира роты в соседнем батальоне и весьма решительно нацеленный на перестройку батальонного распорядка. Вся страна бодро чистила и перестраивала свои ряды, направляемая твёрдой рукой нового генсека, с чекистской уверенностью усматривавшего в любом колебании и своеобразии опасные ростки расхлябанности. И армейский трубач, тративший служебное время на джазовые композиции, несомненно подлежал упорядочиванию. Место Арама было на ударной стройке пятилетки, и уже на следующее утро, отыграв положенный сигнал побудки, Арам вместе со взводом отправился долбить мёрзлую землю и таскать с места на место носилки с гравием.

Лишь однажды мне удалось на пять минут оставить Арама у входа в кинозал батальонного клуба. Трубач говорил неохотно, отводя в сторону усталый потухший взгляд. На мои настойчивые расспросы о житье-бытье в казарме сухо отвечал, что живётся ему нормально, никто его не трогает и вообще всё хорошо...

Я не выдержал, рявкнул в сердцах:

— Чёрт побери, Арам! Не морочь мне голову! Я же тебя не бросил и способен тебе помочь, только не прячься в раковину.

И он впервые за весь разговор посмотрел мне прямо в глаза — на мгновение я увидел прежнего Арама.

— Товарищ сержант, — он так и не привык обращаться ко мне по имени, — я должен научиться справляться со своими проблемами сам.

— Ах ты, душара чмошный! — выскочил откуда-то сержант, командир Арама, и замахнулся злобно, — вечно тебя по разным углам выискивать надо!

Арам втянул голову в плечи и потрусил в полумрак зрительного зала. Сержант, делая вид, что не замечает меня, цыкнул ему вслед.

— Слушай, командир! — ухватил я вояку за плечо, — очень не советую тебе зря обижать этого парня. Он может то, чего никто из нас не умеет — отнесись к нему повнимательнее.

— Слушай, комиссар, — в тон мне отозвался сержант, по-прежнему старательно не глядя в мою сторону, — это мой солдат. И отвечаю за него я. А ваши с ним «тра-ля-ля» вечерами остальных солдат мне портят. Так что иди себе ровненько в... в штаб.

И я отступил, рассчитывая в понедельник поговорить об Араме с командиром батальона. У меня была надежда при поддержке замполита и моего ротного перетянуть его к себе. И не знал я ещё, что отложив новую встречу с другом до конкретного результата переговоров, безнадежно упустил время.

В понедельник утром он встретился мне после утреннего развода — когда залезал на машину, развозившую солдат по рабочим объектам.

«Арам!» — окликнул я. Он обернулся было, уже занес ногу над задним бортом фургона, но увидеть меня не успел — его подталкивал снизу напарник, взбиравшийся по лестнице.

«Ладно, — сказал я себе, — вечером. Вечером я всё решу». И решил. Почти решил. Уже к обеду я заручился поддержкой командира роты, перед вечерним разводом побеседовал с замполитом, и он заверил меня, что сразу после развода перемолвится с комбатом с глазу на глаз, пока начальник штаба будет проводить совещание с офицерским составом.

Но комбату оказалось не до разговоров со мной. «Шестеро из первой роты не вернулись с объекта», — сообщил мне дежурный по штабу. В первой роте служил Арам, но я ещё не услышал звонка тревоги. Он прозвучал позже, когда от комбата вышел раздосадованный замполит. На мой немой вопрос капитан только отмахнулся раздражённо: «Отчебучил твой Арам. В самоволку слинял, музыкант хренов».

Арам? В самоволку? Быть такого не могло. Ему просто некуда идти в этом городке. Можно, конечно, сорваться просто так, ради ощущения свободы. Но я уже не мог найти себе места.

Через полчаса в коридоре раздался шум: крики, возня, какое-то мычание, топот множества ног.

— Открывай клетку! — возбуждённо заорал уже знакомый мне сержант, волоча за шиворот низкорослого солдата в засаленном бушлате.

— Напился? — осведомился дежурный по штабу, гремя ключами у решётчатой двери.

— Нанюхался! — сообщил сержант, пинком вталкивая бедолагу в «клетку».

Тот брякнулся на пол и со стоном повернулся на спину — я увидел незнакомое мне лицо. Следом втащили ещё четверых в таком же состоянии. Арама среди них не было.

— А где шестой? — нарочито равнодушно любопытствовал я, избегая упоминать Арама по имени.

— Ароян-то? — уточнил сержант, окинув меня небрежным взглядом. — Накрылся твой Ароян. В морг его повезли, музыканта твоего. Кайфанул, что называется...

...Перед самым концом работы один из шестерых притащил банку с какой-то жидкостью и пообещал классный кайф. Спрятавшись в рабочей бытовке, они разлили эту гадость в металлические суповые тарелки и принялись вдыхать дурманящие пары, ожидая обещанного наслаждения. Почему с ними пошел Арам, всегда с брезгливостью смотревший на пьяных? Какая пружина сорвалась в его душе, что хотел он заглушить в растревоженном сознании? Вряд ли он успел получить удовольствие. Этот химикат вызвал в его организме аллергическую реакцию, произошёл отёк лёгких и гортани, и он просто задохнулся...

В часть приехали родители Арама. Несчастливым старикам невозможно было объяснить, как это случилось. Меня просто затрясло, как только я увидел его мать с совершенно белыми глазами на закаменевшем лице. Я не смог даже подойти к ней и сказать полагающиеся в таком случае слова утешения. В голове билась только одна мысль: Арама нет и больше никогда не будет...

Только после их отъезда я обнаружил под столом в углу дежурки трубу. По моему разумению,

инструмент следовало вернуть родителям Арама, но замполит решил по-своему. Он разыскал новобранца, знающего в какой конец этой штуки дуть, и через две недели после гибели Арама его труба вновь стала звучать утром и вечером. Минуты эти стали для меня сплошным кошмаром. Парень брал верные ноты, врать не буду, но в трубу надо было вдуть не воздух, а душу, а вот этого он не умел.

Потом, когда я вернулся в Минск, мне очень захотелось рассказать об Араме друзьям, но почему-то вдруг стало стыдно говорить правду о том, как он погиб. Как мне было рассказать о человеке, олицетворявшем для меня судьбу и надежды народа, прошедшего крестный путь испытаний на верность своим корням, человеку с незаурядным будущим, умиравшем в луже мерзкого химиката среди кайфующих солдат-строителей, погибшем от того, что несколько человек туго исполняли свой долг?

И я придумал ему героическую смерть. В моих рассказах он погиб при испытаниях ракетной шахты, в строительстве которой он якобы принимал участие. Мне казалось, что такая смерть не унижает трубача. И я врал, вдохновенно врал, описывая подробности трагической гибели Арама, рассказывая, как мужественно он боролся за жизни своих сослуживцев и погиб потому, что на себя времени уже не оставалось.

И враньё это не тяготило мою душу — до поры. Пока я не понял, в какой стране живу. Пока не понял, что она остаётся и останется такой благодаря и моему вранью. И то, что я сам сумел поверить в своё враньё, усугубляло, а не смягчало мою вину. Пока я не понял, какой тяжести камень лежит на моей душе. И сейчас я хочу снять этот камень. Очень хочу, но не могу. Потому что ни ложь, ни правда о его смерти не вернут Арама и его талант на землю, где он так много мог сделать, но не сделал, в мир, который он мог наполнить своей музыкой, но не наполнил. Потому что я не в силах вернуть последнего трубача моей юности.

Но серебряная труба его ещё звучит в моей душе, не давая забыть, что есть высоты, к которым должно стремиться. Ещё звучит... ■



Родилась в Казани в 1973 году. Окончила отделение иностранных языков Казанского государственного педагогического университета в 1996 году. Специальность – школьный учитель немецкого и английского. Окончила курсы журналистики при газете «Казанские ведомости», автор около двух десятков газетных публикаций.

Тульнара Тагирова

СКРИПКА

Было чудное майское утро. Сирень стояла белая, пушистая, словно снежинками украшенная, солнце улыбалось, и вся красота весенняя зазывала на улицу – наполнить сердца людей добрыми намерениями.

День набирал силу, звуки весны стали звонче, краски природы гуще, прелесть раннего утра сменилась щедростью дня. И в этой майской благодати ощутимо чувствовалась музыка, девственно чистая, словно кто-то тихо и нежно трогал струны скрипки.

Музыка лилась сверху, заполняя собою мир, и вся природа откликнулась – сирень потянулась нарядными веточками навстречу чудным звукам, цветы повернули головки и радужно закивали; солнечные лучи заиграли на подоконнике, и заплясала тонкая занавесочка в окне комнаты, откуда доносилась эта удивительно красивая стройная музыка.

Если бы люди знали, кто так искусно владеет смычком! Никто и представить себе не мог, что это был маленький мальчик. Каждое утро, когда он просыпался, в голове его уже звучала мелодия. Он слышал все её оттенки: радости – от того, что живёт; грусти – не дал ему Бог способности видеть солнечный свет; любви – он испытывал наслаждение от игры;

отчаяния – каждый день он боролся за жизнь из-за тяжёлой болезни. Только развитый слух улавливал тончайшие звуки. Однажды маленькая скрипка, подаренная матерью на день рождения, стала его самым близким другом...

Музыка окружала мальчика постоянно, его тонкие длинные пальчики зажимали струны скрипки, смычок – палочка-выручалочка – находил нужный звук, он сливался со следующим, затем ещё с одним, и звучала волшебная музыка, полная нежности. Маленький гений играл с любовью, и месяц май вторил ему звонкими чистыми голосами.

Но болезнь брала своё. Мальчику тяжело стало стоять, сидеть, и всё же, устроившись кое-как на кровати, он продолжал играть на любимой скрипке, а в глазах матери стояли крупные горькие слёзы...

По-весеннему яркое солнце заглядывает в его небольшую спальню: аккуратно заправленная кровать, рядом – письменный стол, над ним – открытая полка с фотографией юного скрипача и его матери и несколько музыкальных кассет, напротив кровати – бельевой шкаф и низенький комод, над которым всё так же висит любимая скрипка и звучит сочинённая им музыка. ■

► Зия Мубаракшина



ХАРИС ЗАКИРОВ:

«Если хотите сделать имя в журналистике, пишите на проблемные темы»

Как относились к профессии журналиста в советское время, что главное в профессии и почему не исчезнет татарский народ, нам рассказал член Союзов журналистов России и Татарстана, заслуженный работник культуры РТ Харис Закиров.

Харис Миннахметович Закиров родился 15 ноября 1942 года в деревне старое Аккузино Агрызского района, там же учился, а также посещал школы в Кучуке и Иж-Бобья. Окончил Казанский сельхозтехникум (1964) и Казанский государственный университет (1973). Со СМИ РТ сотрудничает более сорока лет, пробует себя в литературном творчестве. В 2000 году вышел в свет сборник его рассказов «Керпе мыгы» («Ежовые усы»). Автор и составитель десятка книг.

Я родился во время Великой Отечественной войны. Закончил техникум. Сначала работал в колхозе села Волково экономистом. Там я стал писать в газету заметки и статьи о механизаторах, скотоводах, сам делал фотографии. Потому что хотел обратить внимание на этих очень важных для общества людей, которые незаслуженно оставались в тени. А потом меня вызвали в райком и сообщили, что меня переводят в редакцию газеты. В мае 1966 года завсельхозотдела газеты «Жиңу юлы» («Путь победы») официально принял меня корреспондентом. Тогда я, конечно, потерял в окладе – вместо ста тридцати рублей я стал получать сто пять (смеется).

ГОРДОЕ ЗВАНИЕ «ЖУРНАЛИСТ»

На журналистское отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета я поступил в 1967 году. Слово «журналист» меня всегда вдохновляло и воодушевляло. И я не мог поверить, что и я, корреспондент районной газеты, ношу гордое звание «журналист». Когда я



окончил заочно второй курс, открылась татарская подгруппа, и я переехал туда. А в заявлении с просьбой о переводе написал: «открытая татарская подгруппа не только определяет, но и способствует для проживания моей будущей жизни» (цитата дословная – прим. ред.). После этого мне перезвонил мой приятель Мансур Валиев, с которым работали вместе в газете «Жиңу юлы», и сообщил, что я переведен на дневное отделение. Таким образом, я закончил татарскую подгруппу отделения журналистики истфилфака КГУ.

На момент моего выпуска в 1973 году здесь издавались «Социалистик Татарстан», «Советская Татария» и

несколько молодежных газет. Ни в одной из них свободных вакансий не было. Поэтому я поехал в Уфу, где стал собственным корреспондентом газеты «Кызыл таң» («Красная заря»). Когда мне исполнился тридцать один год и я собрался жениться, моя невеста категорически отказалась переезжать из Казани в Уфу. Я уволился «по семейным обстоятельствам» и поехал в Набережные Челны. Но она отказалась переехать и в Челны, у нас не сложилось. Проработав там год в газете «Социалистическая индустрия», вернулся в Казань и устроился в газету «Яшь Ленинчы» («Юный Ленинец»). Но я всегда стремился в Казань, поэтому вскоре покинул автоград. В дальнейшем вступил в Союз журналистов Татарстана, так как к моему приезду там освободилось место.

В декабре 1979 года вышел мой первый рассказ «Өянкеләр шавы» («Шелест ив») в журнале «Казан утлары» («Огни Казани»). Председатель Союза журналистов Татарии и главный редактор газеты «Социалистик Татарстан» Шамси Хамматов увидел мой рассказ и пригласил меня к себе на работу в отдел писем. По партийной линии у меня уже был похожий опыт работы, я служил в райкомах Агрызского и Лаишевского районов.

Поэтому я писал аналитические статьи на партийные темы, оценивал работу райкомов. Это был пик моей журналистской славы.

Где бы ты ни работал, стоило что-то сказать плохое в адрес руководителя, обязательно последуют проблемы. Я как представитель





обкома партии добирался как-то на мероприятие на трех транспортах! Нам не выделили машину. Естественно, я не сдержался и сказал об этом. Это не понравилось редактору газеты Раису Сабирову. Когда «Социалистик Татарстан» отмечал 80-летие, всем вручали подарки. Мне подарок не достался.

Затем, мы совместно с главным редактором газеты «Мәғрифәт» («Образование») Хусаином Валиахметовым открыли в 1998 году рекламно-художественный журнал «Бизнес в Татарстане». Я там работал редактором отдела информации. Стали выпускать материалы из-за рубежа. Презентовали журнал в Германии, Венгрии. К пятилетию журнала мне дали почетное звание «Заслуженный работник культуры

РТ». Очень надеялись, что журнал просуществует долго. Но, к сожалению, все решают финансы.

Я не хотел расставаться с журналистикой, поэтому начал работать в редакции «Мәғрифәт», а затем вышел на пенсию. За это время и

издал несколько книг. «Керпе мыегы» («Ежовые усы», 2000) вошла в список самых читаемых книг по рейтингу библиотек Татарстана. Среди моих книг также: «Әгәр коммунист икәнсең» («Если ты коммунист», 1982), «Арчалылар – Бөек Ватан



сугышында» («Арчане в Великой Отечественной войне», 2005), «Әрәмәдә карама» («Чаша», 2008), «Иж буенда өч авыл» («Три деревни на берегу реки Иж», 2012), «Өзелмәсен нәсел чылбыры» («Да не порвется цепь рода», 2012), «Әрәмәдә карама» («Чаша», 2012).

ЖУРНАЛИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕСТНЫМ

Правда для журналиста должна стоять на первом месте. Ради нее журналисты жертвуют собой, подчас погибают. Настоящий журналист работает добросовестно над раскрытием темы, чтобы комар носа не подточил! Но случается, что правдивый материал не публикуют. И со мной такое бывало. Есть такие журналисты, как Владимир Познер, их поднимают авторитетные имена. А в нашей республике, если ты пишешь правду, тебя не просто не поднимут, тебя еще и раздавят.

Я считаю, что журналист должен быть бесстрашным. К примеру, Орхан Джемаль не боялся смерти (погиб 31 июля 2018 года вместе с двумя коллегами в Африке, где снимал фильм о деятельности в этой стране российской частной военной компании – при. ред.). Журналисты часто жертвуют собой ради работы.

Еще одно качество профессионала – это трудоспособность. Не надо говорить: «Ах, это мне не по силам». Чем больше заданий берешь, тем лучше, набиваешь руку, находишь все больше ответов. Понятное дело, журналист редко высыпается.

Сейчас у журналиста есть важное преимущество: ему дали больше свободы. Когда я работал в отделе партии, разрешалось писать от своего имени строго две статьи, не больше. В отделе нельзя обойтись только двумя материалами, заставляли писать вместо других. Я, например,



писал от имени районного секретаря ЦК КПСС. Самое интересное то, что гонорар получал он, а не я. Но при этом чушь тоже не напишешь, я постоянно сидел в архивах, изучал, чем они занимались, о чем говорили, а потом уже писал статьи.

ЖУРНАЛИСТИКА – ЭТО СПЛЕТНИ

С того времени, когда возникло человеческое общество, журналистика считалась сплетнями. Оттуда, откуда берешь «сплетню». Отличие в том, что есть правдивая, нужная сплетня, есть ложная, не нужная сплетня.

В работе журналиста есть еще один минус – ему всегда платят мало, и в советское время, и в нынешнее. Я сравнивал. Мой начальник Шамси Хамматов за редакторскую и преподавательскую работу получал оклад в 800 рублей. А простые корреспонденты получали всего лишь 140 рублей. Вот и сравните сами.

К сожалению, сейчас нет такого, чтобы кто-то из журналистов по-настоящему встал на защиту интересов татарского народа. Никто собой не жертвует, все боятся. Даже Сталин, не любивший татар, не закрывал татарские школы. К примеру, я в 1960-м



году окончил Иж-бобьинскую среднюю общеобразовательную школу. Мы учились только на татарском языке. В Казанском университете преподавалось на русском, но так как открыли татарскую подгруппу, нам добавочно преподавали предметы на татарском.

Сегодня антиутопия классика татарской литературы Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет», написанная в 1902 году, о том, как болгарский народ (так он называется татар) погибает от невежества и безграмотности, начинает сбываться. Хотя татарский народ никогда не исчезнет. Наш народ очень трудолюбивый. Я однозначно уверен, что татары не погибнут. Они прошли через такие трудности! Уничтожали мечети, медресе, но народ остался. Пройдет сто лет, еще будут гордиться, что есть такой народ. Татарский народ будет процветать.

ПИШЕТ МАЛО, НО О НУЖНОМ

Журналист одной ногой находится «в мире журналистики», а другой в художественной литературе. Многие начинают творить, писать произведения после тяжелого момента в жизни. Я окунулся в прозу по собственному желанию, точнее говоря, во мне «проснулось» желание. Понятное дело, если нет желания, писать тяжело. У журналистов материала много, при желании они спокойно могут писать на различные темы. С общественной стороны, темы должны быть жизненными, чтобы после прочтения люди делали выводы, работали над собой. Писатель должен развить определенную мысль, которую он хочет донести до читателя. Например, в рассказе «Бүсер» («Грыжа») я поднял проблему взяточничества врачей. Объяснил проблему и изложил ее читателям. Можете прочесть



его в татарском варианте журнала «Идель».

В моем первом рассказе «Өянкеләр» («Плакучая ива») я поднял проблему взаимоотношения родителей и детей. Прочитав его, читатель понимает, что дети не должны бросать родителей на произвол судьбы. Эту проблему я раскрываю на различных примерах.

Герои моих произведений – реальные люди. Я пишу о реальных

событиях, то, что вижу. Естественно, меняю имена персонажей.

Писем от читателей не получал, но мне часто звонили. Перед тем, как публиковать свои произведения, я давал их на прочтение своим друзьям, прислушивался к их советам и рекомендациям. Помню, в журнале «Майдан» писатель и публицист Фанзамал Баттал обо мне написал так: «Пишет мало, но о нужном».



В послевоенные годы поезда с фронта останавливались на каждой станции и раскидывали раненых, которые нуждались в помощи. Некоторые отказывались принимать к себе этих беспомощных людей. В моем рассказе «Тёенчек» («Сверток») описываются послевоенные события. У одного героя на фронте осколок снаряда оборвал все его конечности, и родственники просто-напросто не приняли его. Подобных примеров в то время было множество. Мне кто-то звонил из Арска и сказал, якобы такого случая не могло быть в жизни. На самом деле, таких историй полно. «Сверток» появился после разговора с врачом-санитаркой. Таких рассказов я наслушался много и писал осознанно. Жена не принимает своего мужа, а старушка – своего сына, ссылаясь на нищету.

Татарский вариант рассказа «Сверток» (2005) вошел в книгу «Әрәмәдә карама». Перевожу произведения я сам, для того чтобы ознакомить русскоязычных читателей с моими рассказами. Но «Сверток» перевела на русский язык член Союза писателей РТ Лилия Газизова.

Рассказ «Голден салями» (1999) тоже основан на реальных событиях. Однажды, я со своими друзьями поехал на один праздник в Словакию, тогда нам строго запретили привозить оттуда продукты. Однако, мы не побоялись и взяли колбасу «Голден салями». Если бы мы поехали поездом, то наверняка смогли бы пронести еду. Но мы летели в самолете, в аэропорту была доскональная проверка, и нам пришлось выкинуть колбасу.

В этом году я начал активно заниматься творчеством. В «Казанском альманахе» вышел мой рассказ «Ежовый ус» в русском переводе. Сегодня я стараюсь писать и работать. На данный момент я дописываю

свои рассказы «На переправе», «Этой твой отец». Перевожу на русский свой рассказ «Что сказал Карамзин». Хочу сказать лишь об одном: если человек сильно захочет, то он найдет время и для творчества, и для журналистики. Я сам себе удивляюсь: в прошлом году я попал в аварию, чудом остался жив, перенес семь операций. И я думаю, что Всевышний дает мне силы неспроста, поэтому мой девиз: «Работай!».

В заключение скажу молодым: если хотите стать журналистом с именем, то пишите на проблемные темы. Приведу пример. Известный поэт Зиннур Мансуров был незаменимым

редактором (с 1995 по 2015 г.) газеты «Мәдәни Җомга». В свое время он работал в отделе литературы газеты «Социалистик Татарстан». Помню, Зиннур однажды написал статью о том, что и поэт, и композитор должны творить вместе, а не по отдельности. В то время это было настолько актуально, что общество обратило внимание на эту проблему массово. Таким образом, он построил себе карьеру: его назначили главным редактором. Нужно писать так, чтобы общественность взбудоражилась, затронуть все детали, чтобы тебя все поддерживали. Вот тогда, возможно, именно тебе и повезет. ■



«В произведениях Хариса Закирова не взрываются бомбы, в них не встретишь героев, бегающих с автоматами наперевес, чтобы убить кого-то ради денег и земных богатств. Хотя среди его героев и встречаются те, кто дошел до крайней точки!.. (...) После прочтения его произведений хочется прожить отпущенную Всевышним жизнь трезвым до последней ее минуты, со свойственным татарам смирением, терпением и философским настроением.»

*Фанзаман Баттал, 2008 год.
Журнал «Мәйдан», ноябрь, 2012.*

Харис Закиров

СВЁРТОК

Бабушка Хафиза собирается разменять девятый десяток, и ей по-прежнему нравится сидеть на скамейке у ворот своего дома. Она любит, когда дни становятся длиннее и теплее. Солнце светит ярче, земля покрывается зелёной травой, всё это замечательно влияет на её настроение. А когда в палисаднике благоухают сирень и черёмуха, она вспоминает свою молодость.

Сколько себя помнит, Хафиза «дружила» с этими деревьями. Они были свидетелями первой и последней любви Хафизы и Валиахмета. Если бы не началась эта проклятая война, испытали бы они вместе и радость, и горе жизни, родили и воспитали бы детей... Вскоре после того, как Валиахмета призвали на фронт, пришло письмо о его безвестной кончине.

Сколько с тех пор утекло воды, сколько всего развеял ветер. На встречах со школьниками её часто спрашивали о том, что навсегда осталось в её памяти.

Окончив медицинское училище и немного набравшись опыта в райцентре, она переехала в Казань, устроилась на работу. Накануне двадцать второго июня выпала ночная смена. Она делала уколы, разносила лекарства по палатам, подходила к тяжелобольным. Едва вернулась домой, услышала стук в дверь: «Каримовой Хафизе повестка! В течение часа явиться в военный комиссариат». Эти слова строгого парня прозвучали для Хафизы приказом. Не успев оповестить родителей, которые жили в деревне, Хафиза сложила в мешок лишь самые необходимые вещи и вышла из дома.

Во дворе военного комиссариата собралось много обеспокоенного народу, люди не до конца понимали, что происходит. Слышались реплики, что «не родилась армия против нас» и «мы дадим жару этим фашистам».

О том, что война не будет долгой, говорили многие. Надеялась на это и Хафиза. К тому же она имела знак «Ворошиловский стрелок», умела метко стрелять.

В тот же день они выехали на фронт и несколько дней провели в дороге, двигаясь в калининградском направлении. Ближе к Белостоку дорога была заполнена отставшими людьми. Встречались дети и старики на подводах. Даже коровы, привязанные к телегам.

Стали появляться вражеские самолёты, которые, сбросив бомбы на людей, в тот же миг улетали обратно. Увидев множество погибших и раненых, разрушенные машины и телеги, Хафиза испытала боль и гнев. Разве забудешь такое.

О своих первых впечатлениях от войны Хафиза не раз рассказывала школьникам. Об этом она намеревалась говорить и сегодня.

В те дни они отступали до Минска, потом до Сталинграда. Вблизи этого города, носящего имя «отца народов», Хафизе пришлось пережить то, что она никогда не забудет. В этот день после бомбёжки появились танки, за ними сами фашисты. Как быть, что делать? Спрятаться негде, шагнёшь в сторону — получишь пулю. Неужели это конец? Помоги, Аллах! В ту же секунду Хафизе пришла мысль упасть возле погибшего солдата и притвориться мёртвой. Фашисты прошли мимо. Этот день она считает днём своего второго рождения.

Чтобы завоевать Сталинград, фашисты прикладывали большие усилия. Хафиза никогда не забудет битву за каждый дом, каждую улицу. Перед тем как атаковать позицию наших солдат, немцы «утюжат» её с помощью артиллерии и миномёта. Забрасывают бомбы самолётами. После этого работы для медиков становится во много раз больше. Для отдыха отводилось не

более трёх-четырёх часов в сутки. Не счесть проведённых на ногах дней!

А питание? За сутки — одна солёная рыба да сто грамм сухарей. Этот паёк желудок и не заметит. На встрече с учениками об этом она не будет говорить. Всё равно не поймут. А вот ещё о двух случаях вспомнит.

Когда дни стали теплее и на Волге тронулся лёд, был получен приказ разместить раненых в госпиталях городов Поволжья. Погрузились в пароходы и тронулись от берега. Не прошло и десяти-пятнадцати минут, как в небе появились вражеские самолёты. Бомбили всех и всё подряд, не взирая на санитарный знак красного креста. На глазах у Хафизы затонули три парохода, все раненые ушли под воду. А поверхность воды стала красной-красной из-за крови.

Второй случай связан с сопровождением раненых по железной дороге. Если не обращать внимания на их стоны и запах из гнойных ран, то вроде всё идет нормально. Запах можно уменьшить, если курить папиросы. «Беломор» входит в солдатский паёк, хочешь не хочешь, приходится курить.

Проверив состояние раненых, Хафиза вошла в купе для сопровождающих. От того ли, что она не могла сидеть без дела, от того ли, что поезд движется по знакомым местам, в сторону Казани, Хафиза начала считать шинели, сложенные в углу. Раз, два, три... Когда она досчитала до половины, шинели начали «оживать» и из-под них вылез мужчина. Он резко оттолкнул Хафизу и, как стрела, выбежал из кондукторской. От неожиданности девушка ничего не успела сказать. Придя в себя, побежала за ним в сторону тамбура. Пока нашла офицеров и рассказала о случившемся, мужчина исчез.

Тут же начали проверять купе. И вскоре поняли, что произошла диверсия. На верхней полке нашли чемодан, а в нем были ... вши. Не обычные, а распространяющие тифозную болезнь. Если бы этот подонок не был замечен, то сколько военных лишилось бы жизни...

После каждого приглашения на встречу Хафиза перебирает в памяти фронтовые случаи. Есть и такое, о чём страшно рассказывать...

В первые дни войны они готовились к сопровождению искалеченных солдат домой. Тех, у кого не было ног и рук, называли «свёртками», а у кого повреждены лица, оторван нос, висит язык — «челюстниками». В вагон Хафизы попали одни «свёртки». Поезд останавливался на станциях для передачи раненых встречающим. Встречали по-разному: кто с запряжённой лошастью, кто с ручной тележкой, редко с полуторкой.

Приезжают на станцию города Пермь. «Свёрток» принимает старушка. Оба плачут.

— Как же я за ним буду ухаживать? — говорит она.

— Мать, радуйся, сын твой жив ведь. Многие остались там, — сурово говорит старухе подошедший мужчина с протезной ногой, в гимнастёрке, с медалями и орденами на груди.

— Я сама еле передвигаюсь. Ухаживать за ним я не в силах, — таков был ответ матери.

Повисла грустная тишина. После длинной паузы Хафиза забрала свой «свёрток» и направилась обратно в вагон. Тронулись в путь дальше. Слова «сын» и «мать» не сходили с языка всех, кто находился в вагоне. Одни осуждали мать, другие крыли последними словами Гитлера. Кто-то молчал. Наверное, думал о своей судьбе.

На другой станции встречать раненого пришли трое: женщина средних лет, мальчик и девочка, оба не старше десяти лет. Одежда их — заплатка на заплатке. Худенькие, казалось, они с трудом стоят на ногах.

— И что я с ним буду делать? С детьми мучаюсь, каждый день думаю, чем их накормить? — сказала женщина, увидев мужа-инвалида.

Никто из детей не подбежал к отцу и не сказал, что любит его. Видимо, они ожидали увидеть бравого солдата, у которого ордена-медали на груди и подарки в вещмешке. А увидели мясной обрубок, человека без ног, без рук...

Безутешно плачущего человека, ставшего лишним не только для жены, но и для детей, посадили обратно в коляску и вкатили в вагон. Поезд тронулся, Хафиза посмотрела туда, где минуту назад стояли жена и дети. Там уже никого не было.

Случаи со «свёртками» Хафиза скрывала от всех. Разве может солдат, победивший вооруженную до зубов фашистскую Германию, оказаться лишним для близких? Как на таком примере воспитывать молодёжь, которая взялась построить самое справедливое общество? Но сейчас Хафиза обязательно расскажет об этом. Настоящая правда должна прозвучать!

Война отразилась и на судьбе Хафизы. Она пробовала создать семью с Шакирзяном, с которым вместе воевали. Прожили двадцать лет. Но Хафизе не суждено было стать матерью,

Шакирзяну — отцом. Привыкший к «наркомовским» стаграммам на фронте, Шакирзян не расставался с ними и в мирные дни.

Хафиза приняла не один десяток родов, держала на руках новорожденных. Хотела, чтобы родился и свой ребёнок, чтобы не угас род по причине не вернувшихся с фронта родных братьев.

Засиделась бабушка Хафиза у своих ворот... Наконец, нащупав в кармане листок с поздравлением по случаю Дня Победы, пошла домой. А думы ещё долго не покидали ее...

ГОЛДЕН САЛЯМИ

— Пап, я есть хочу!

Голос дочери прозвучал, когда уже легли спать, выключив яркий свет.

— Я тоже. Только сначала дай попить! — добавил сын.

Такое повторяется почти каждый день. Несмотря на усталость, Магъсум идёт на кухню, а за ним, как хвосты, дочь с сыном.

Нет, Магъсуму такие привычки детей не в тягость. Дочь — первоклассница и шестилетний сын не вырастут без еды и питья. Так думает он, и не только думает, но и любит повторять эту мысль вслух. Даже тогда, когда жена ворчит: «Вы же только что ели». Ему не лень приготовить и подать еду, побаловать вкусеньким детей.

Из командировок он никогда не возвращается без гостинцев. Благо, сейчас разнообразить стол не составляет особого труда. Уже на вокзале тебя встречают киоски. Они имеются и рядом с нашими домами. Правда, если в кармане пусто, не стоит к ним приближаться. Особенно трудно старикам и молодым, ещё не усвоившим «секреты» жизни. То, что называется переходом на рыночные отношения, многих ввело в тупик.

Долго ломал голову и Магъсум, чтобы решить финансовые проблемы своей семьи. Ездил за границу, откуда привёз разные товары. Затем замучился их реализовывать. А жена и близко не подходила к этой работе:

— Не могу я, Магъсум. Хоть тресни, но базар не для меня.

Спасла положение жена знакомого. Распродавала все товары Магъсума, оставив и себе часть прибыли. Больше Магъсум не стал возиться с закордонными вещами, а предпочёл искать другой путь. И возможность такая, слава Аллаху, появилась.

Случайно он встретил друга по университету. Они дружили, хотя обучались на разных специальностях: Магъсум учился на филолога, Галимджан — на геолога. Из-за того, что оба были деревенские, быстро нашли общий язык. Оказалось, друг организовал фирму, которая производит сантехнику. Он и пригласил Магъсума к себе — для реализации товара оптом. Это уж не на базаре стоять и поштучно продавать! Правда, чтобы найти покупателей, придётся потрудиться, выезжать в разные города, показывать образцы заинтересованным лицам.

Спорилась работа Магъсума, без дела он не сидел.хлопот хоть отбавляй, зато зарплату получал немало и своевременно. Галимджан умел заинтересовать сотрудников. Скажем, если Магъсум, загрузив «КамАЗ» сантехникой, выезжал куда-нибудь и продавал свой товар, то пять процентов от выручки оставалось ему. Найти машину сейчас легко — у людей всё есть: и легковушки, и «КамАЗы» в двести с лишним лошадиных сил, и даже зерновые комбайны...

— Пап, дай уж поесть! Жду, жду, а всё не даёшь, — пока Магъсум, размышляя, витал в облаках, у дочки лопнуло терпение, и она готова была расплакаться.

— Что же тебе дать? Суп будешь?

— Нет.

— Давай разогрею жареную картошку.

— Не надо. Не хочу я картошку.

— Тогда яичницу сделаю.

— Это тоже не хочу.

Такие разговоры повторялись почти каждый день. Дети заставляли отца плясать под свою дудку. Они не хотели есть повторно еду, приготовленную ранее. Стоило им предложить то, что имелось в холодильнике или на столе, тут же слышалось «не надо», «не буду», «не хочу». Порой Магъсум в сердцах говорил: «Эх, накормить бы вас мёрзлой картошкой!» А им всё равно. Даже не спрашивают, а какая она, мёрзлая картошка.

— Ладно, поджарь мне яйцо с толстой колбасой. Тонкую не надо.

Сын согласился с сестрой. Через две-три минуты дети дружно принялись за еду. Следя за ними, Магъсум долго не отрывал глаз от тонкой колбасы «Голден салями — золотая салями». Читал, перечитывал мелкий текст под названием: «...свинина, свиной жир, крахмал, соль, лактоза, декстроза, казеин, антиокислитель, консервант...». Всего двенадцать наименований. О многих из них Магъсум слышал впервые. Он не мог понять, для чего вводятся в состав колбасы стабилизатор и ароматизатор. Хотя зачем ему значения этих слов? А вот «салями» очень знакомое слово...

...Город в 1983-м утопал в зелени. Магъсум шёл в редакцию, где работал его курсник. Многие из окончивших филфак нашли работу в редакциях газет и журналов. Магъсум почему-то не решился присоединиться к ним, хотя не хуже их владел пером и не реже их публиковался в газетах. Перевесило желание быть учителем, победила мечта детства. После учёбы устроился учителем в одну из казанских школ. Но реальность оказалось жестокой. Шло сокращение штатов, под ножницы попал и Магъсум.

Возможно, друг сумеет ему помочь: «Что ни говори, а журналисты более осведомлённые люди».

Друг встретил Магъсума с радостной улыбкой. Разговорились по душам, и Магъсум услышал интересную информацию. «Общество советско-чехословацкой дружбы» прислало приглашение для участия в праздновании 100-летия чешского писателя Ярослава Гашека. Поскольку Гашек после революции работал заместителем коменданта города Бугульмы, сначала хотели задействовать только бугульминцев. По каким-то причинам полная группа не сформировалась. Оставшиеся места отдали казанцам, куда предлагалось включить и работников редакции. Времени оставалось очень мало, собрать группу нужно было безотлагательно.

Друг-журналист оживлённо взглянул на Магъсума:

— Давай съездим вместе! Книги Гашека нам знакомы. Увидим Чехословакию. Мы же никогда не были за границей.

Вот так случайно попал Магъсум в группу туристов. До выезда их хорошо обработали, представитель КГБ скрупулёзно объяснял, как себя вести за границей, с кем ходить, с кем разговаривать. Когда одна девушка из группы сказала инструктору, что специально изучила несколько иностранных языков, то услышала в ответ: «Ни в коем случае не входить в контакт с иностранцами». Оказавшись свидетелем разговора, Магъсум взял да сказал:

— Как так? Человек мечтал попасть за границу, освоил языки. И нельзя ему воспользоваться ими.

Отреагировали мгновенно:

— Мы знаем о чём говорим. Если вам не нравятся наши требования, будьте добры, верните вашу анкету.

Естественно, Магъсум тут же прикусил язык. Да, замолчишь! Нельзя же упустить единственную возможность оказаться в другой стране.

...Поезд, в котором ехал Магъсум, через двое суток оказался в Праге. Устроившись в гостинице, начали знакомиться с городом.

Ходили небольшими группами — одному категорически запрещалось!

Согласно программе, после возложения венка на могилы солдат, погибших во время освобождения Праги от фашистов, нужно было собраться у автобуса, который остановился у ворот кладбища, а затем ехать в музей Ленина, где проходила Пражская конференция членов РСДРП.

На кладбище бросились в глаза чистота и порядок. У каждого погибшего воина отмечено воинское звание, в правом углу число 1945. На одной из фотокарточек — молодая девушка. Под фотокарточкой написано: «Ст. сержант гв. Рукия Салыховна Салыхова». Должно быть, татарочка. Вот ещё один памятник. Фамилия на татарскую похожа. Без фото. Даже при таком беглом обзоре обнаружили с другом-журналистом довольно много сородичей. Часто встречались русские, татарские, узбекские, азербайджанские фамилии. Татарские фамилии никак не спутаешь с другими: узбекские обычно оканчиваются на «...беков», азербайджанские — на «заде».

У Магъсума был фотоаппарат «Смена», а у друга-журналиста — «Зенит». Решив сфотографировать памятники, друзья не заметили, как отстали от группы. Обнаружив это, устремились к выходу. И тут их остановил старик:

— Вы из России? Я тоже русский. Живу в Чехословакии давно. Мой дом на окраине Праги. Да-а-а, так значит...

Парни не знали что сказать, им надо было как можно быстрее идти. Но убеждённый сединами, с широкими бровями, длинными усами, как у запорожских казаков, старик приподнял свою палку, загородив дорогу, и с сильным акцентом сказал по-русски:

— Я Ленина видел.

Затем вынул из нагрудного кармана визитку:

— Вот мой адрес, приходите, я вам много чего расскажу о Ленине.

Неоднократно предупреждённые ни с кем не входить в контакт, парни быстро побежали к автобусу. Но не обнаружили его на месте. Тогда журналиста осенило:

— Давай поедem в музей Ленина, нет наверное чеха, который его не знает.

Вскоре к музею подъехал их жёлтый «Икарус». «Разберёмся!» — коротко сказал руководитель группы.

Магъсум слушал экскурсовода, рассказывающего о Пражской конференции и деятельности Ленина, но высказанное руководителем «разберёмся» никак не оставляло его в покое. «Неужели, — думал он, — неприятности начнутся путешествие в чужой стране. Надо же, за свою сорокалетнюю жизнь впервые оказаться вне родины и — такой "сюрприз". Был бы хоть виноватым...».

После ужина парней попросили зайти в комнату руководителя группы.

— Мы вас целый час ждали. Подумать только, тридцать человек ждут двоих! Как мы договорились? Не отставать друг от друга. Чем вы занимались на кладбище, чёрт возьми!

Такими словами начал разговор генерал, который, в какой бы одежде ни был, не становился со своей геройской звездой. Он обвинил друзей за связь с каким-то элементом и предложил отправить их обратно в Союз.

Вот тут Магъсум понял, какую совершил ошибку. Дело в том, что после посещения музея он рассказал одной казанской женщине, почему они задержались на кладбище. Видимо, она донесла об этом москвичам.

Заседание, игравшее роль «суда», завершилось первым и последним предупреждением ребят. Очевидно, полагали, что за отправление туристов обратно в Союз не поглядят по головке и генерала в отставке...

Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Другая женщина из казанской группы посоветовала парням:

— Купите себе здесь нужные вещи. Если вдруг придётся преждевременно отправиться домой, хоть не будете раскаиваться. Скажем, где у нас купишь кожаную куртку или кожаное пальто? Или махровый халат...

Совет женщины как будто отрезвил парней. Оказалось, товары в СССР значительно дороже, чем в Чехословакии. О разнообразии и качестве и говорить нечего. Взять, к примеру, мужские рубашки с кнопочными застёжками. Хочешь, покупай вельветовые, хочешь — замшевые...

На следующий же день Магъсум стал обладателем кожаного пальто, а журналист — кожаной куртки. Нет, Магъсум купил эту одежду не только по совету женщины. Ещё ребёнком он видел своего дядю, носившего длинное кожаное пальто. Мать говорила, что такие пальто носят только прокуроры. А брат матери на самом деле был прокурором района.

...Слова детей «тонкой колбасы не надо» оживили в памяти Магъсума давние события. Если первый день в Чехословакии начался с опоздания на автобус, то последний был связан с колбасой, тонкой колбасой «салями».

Оказывается, выезжающим за границу ставятся определённые условия. Чего нельзя вывозить, чего оттуда привозить. При выезде про колбасу не было упоминаний (хотя какой смысл упоминать о ней, когда на один талон давали четыреста граммов на человека в месяц), зато в списке вещей оттуда упоминалась «салями».

Такова уж психология человека, что хочется попробовать запретный плод. Каждый раз, заходя в продуктовый магазин, Магъсум искал взглядом салями. Оказывается, на вид особо не отличается от других, если не учитывать толщину. Глядя на чешские магазины, невольно сравниваешь их с казанскими. Зная, что в родном городе не более двух-трёх сортов колбас, которые к тому же выдаются только на талоны, невольно делаешь вывод: «Да, живут же люди».

Приближался день отъезда. Они пили пиво в кафе, где любил сидеть Ярослав Гашек, и завтра, третьего июля, должны будут покинуть Чехословакию. Надо покупать гостинцы! Деньги оставались только на мелочи. Может быть, купить «салями»? И название смахивает на татарское слово «салям» — «привет».

Рискнул Магъсум, купил две палки «салями». Одну съедят в вагоне, другую привезёт в Казань. Когда ехали в поезде «Москва-Прага», не так уж сильно и проверяли. Но... возвращались не поездом, а самолётом.

В аэропорту каждую сумку, каждый портфель ставили на транспортёр и пропускали через видеокамеру, следя за экраном, где просвечивается даже иголка с ниткой.

Что же делать? Попытаюсь провести запрещённой колбасы и стать посмешищем перед членами группы или... И... купленная на последние кроны «салями» отправилась в мусорную корзину.

В эти минуты Магъсумом овладело двойное чувство. Первое — как будто свалилась гора с плеч, второе — жалко, очень жалко стало ему «салями». Ведь в семье, где он рос, ко всему относились бережно, подбирали даже крошку хлеба...

— Пап, спасибо, я наелась.

— Пап, спасибо, я тоже наелся.

Слова благодарности детей Магъсум услышал, хотя всё ещё был в плену прошедших событий. Да, мир изменился. Чехословакия разделилась на Чехию и Словакию. Югославия распалась. Большая страна, которая называлась СССР, осталась только на карте. Цены на товары растут не по дням, а по часам. Вот и цена яиц, из которых Магъсум приготовил яичницу, поднялась за год в четыре раза. А зарплата осталась та же...

Дочь и сын вышли, а Магъсум всё ещё сидел на кухне. Он опять взял в руки «Голден салями», которую не захотели есть дети. На этикетке в самом низу прочитал «Made in Holland». Интересно, а где была произведена та, купленная в Чехословакии? ■

1999 г.





Родился 17 июня 1980 года. Поэт, журналист, кандидат наук, доцент Казанского университета, редактор службы национального вещания ГТРК «Татарстан», член союзов писателей и журналистов РТ. Печатался в журналах «День и Ночь», «Октябрь», «Дирижабль», «Идель», «Квадратное колесо» и др. Автор нескольких сборников стихов и научных монографий по истории русской журналистики.

Айрат Бик-Булатов

КАК Я ДЕТИШЕК ЖУРНАЛИСТИКЕ УЧИЛ (в сокращении)

Неожиданный для меня опыт — рассказывать про журналистику детям пяти—семи лет. Да не просто рассказывать, заявленный мой мастер-класс в программе значился так: «Выпускаем газету с Айратом Бик-Булатовым».

Накануне меня обуяла маленькая паника: ну как это я за какой-нибудь час выпущу газету с шестилетками? Да они же ещё и писать толком не умеют! Ругал себя, что согласился. Но Павел Анатолич Шмаков умеет уговаривать.

Шмаков — любитель красивых аббревиатур. Директор солнца предложил мне провести мастер-класс на луне! Каков заголовок! А ведь всё правда, нужно только кавычки расставить, и кое-где заменить строчные буквы на прописные, получится школа «СОЛНЦЕ» (специализированный олимпиадный научный центр) и её воскресный общегородской проект для младшешкольников «ЛУНа» (лаборатория увлекательной науки).

Занятия проходят в три потока по 45 минут, потом дети меняют станции кружков, и приходят на новое занятие. В первый поток на мой журналистский кружок никто не пришёл. Я был очень доволен! Смог выдохнуть и попить воды. Потом достал заранее купленный ватман, листочки бумаги, маркеры, клей, ножницы... разложил всё.

Вспомнил свои вчерашние судороги, рытьё по всяческим сайтам журналистских кружков, поиск различных игр... Я взял с собой всякие предметы, которые можно сассоциировать с журналистикой, например, игрушки внука, скажем, меч: журналистика тоже бывает острой, может ранить; а ещё грабельки пластмассовые, а посередине такое ситечко вставлено: мы, де, роём землю и процеживаем много информации, прежде чем доберёмся до факта, отделим его от фейк-нюз. Была ещё шишка, подаренная мне другом, студентом-актёром из Алтая. Чтобы добраться до орешка-информации, нужно снять всю скорлупу...

«Всё это сложно, слишком сложно», — говорил я себе, решив-таки не играть, а прямо выпускать газету. Первое задание для ребят: придумать название для газеты и обосновать, почему оно им нравится. Кто мог — написали сами, за остальными пришлось записывать мне (поэтому получилось без этих трогательных детских ошибок в орфографии, которые у писавших самостоятельно я оставлял, разумеется).

Я ещё сказал, поскольку мы называемся «Луна», давайте что-то связанное с луной, сам предложил им несколько вариантов (лунапарк, луноход, лунатик), кто-то воспользовался под-сказками, а кто-то нашёл свой вариант (кратер, астероид, звездопад, солнечное затмение, полнолуние).

Мысль с названиями оказалась счастливой для нашей газеты. Благодаря этому — раскрылись характеры ребят. Их увлечения и темпераменты. Вот примеры:

«Мне нравится кратер, потому что туда падали метеориты, и он глубокий, и туда можно прыгать, и там могут быть новые минералы». Это сказал Максим Мингалеев. Посмотрите, как важно ему, с одной стороны, что туда можно прыгать, а с другой — минералы! То есть и наука, и спорт! Так я ему и сказал: «Наверное, ты хочешь выпускать научно-спортивную газету». Максим согласился.

А вот Оксана Швыдкина назвала бы свою газету «Палналуня». «Мне нравится палналу-ня, потому что можно рассказывать страшные истории». Какое это хорошее слово — «Палналуня», будто имя какой-нибудь ведьмы из страны Оз.

Серьёзный научный подход продемонстрировал Иван Преснов, он выбрал луноход, не просто выбрал, но и нарисовал его: «На нём можно ходить по луне, сверлить кратер и можно найти ценный нефрит». Ваня знает, что ищет не просто минерал, а нефрит!

Рустем Дасаев показался мне будущим художником. Его вариант — «Звездопад». Когда

смотришь на звездопад, то кажется, что видишь радугу, которая «разделилась на части и они падают в море и свеццо в море».

Волшебно! «На Ван-Гога похоже, — сказал я, — ты знаешь Ван Гога?» Рустем не знал, зато встрепенулся Нурлан: «У Ван Гога ещё такая картина есть, где небо ночное, такое цветное». Я не поверил: только что мальчик четырёх лет описал картину «Звёздная ночь» Винсента Ван Гога!

Нурлан не выбирал название, всё это время он рисовал цветными карандашами картину. На ней узнаваемо красовались мечеть Кул Шариф, башня Сююмбике, Спасская башня, президентский дворец и малиновый цирк! Моему внуку тоже четыре, он, кажется, неплохо развит, но до такого — куда нам, а уж Ван Гог — тут я просто молчу!

Нурлан оказался вундеркинд. После занятия подошёл к шкафчику, на котором изображён русский герб, спрашивает папу: «А почему Георгий не так нарисован?» Это он о Георгии Победоносце! Папа рассказал чудеса: ребёнок всю читает энциклопедии, рисует, а один раз выяснил сам, что в Пермском крае нет своего герба («Я не поверил сначала, погуглил, смотрю, действительно, местный верховный совет никак не может утвердить»), и тогда Нурлан сказал: «Ничего, я им нарисую! Папа отправь им!» И нарисовал: «Передай им, что я их поздравляю, теперь у них есть герб!»

Картинку для газеты подписал левой рукой (левша, кто бы сомневался!): «Нурлан», и по совету отца добавил: «4 года». Ух! И восхищаешься, и боишься за такого ребёнка! Лишь бы сохранить, удержать! Родителям — тяжёлый и счастливый крест...

Когда пришли старшие школьники (а «старшие» на ЛУНе это всего лишь 4-классники), я рассказал о том, за что не люблю большинство школьных газет из тех, что встречаю на сайтах разнообразных школ: я вижу, как их ученики хорошо учатся, ходят в театры, участвуют в конкурсах, добиваются всяческих успехов.

Всё это, конечно, здорово, но это получается такая витрина школы. И газета делается для школьных администраций, директоров и завучей, желающих как раз и получить сделанную руками детей эту самую витрину.

А троечники где? Где, я спрашиваю, троечники? Или вы будете делать вид, что их в вашей школе не существует, как вообще не существует никаких проблем? Или, положим, так: троечники есть, но они показаны в газете только как проблема. Но ведь бывает, что из троечников потом получают замечательные люди!

Мне хочется, чтобы школьные газеты говорили о реальной жизни учеников, чтобы голос каждого был учтён, чтобы в газету попадали не только за хорошие оценки и успехи, но чтобы поводы были самые разные и человеческие. Чтобы наши сомнения и страдания, переживания, удивления, достижения и потери имели бы шанс найти себе место на страницах газеты. В каждом ребёнке надо разглядеть человека!

Поэтому центральным пунктом моего второго занятия сделалось интервью с пришедшими «лунатиками» постарше. Я и начал с того, что мы, взрослые, совсем вас не знаем, подчас не понимаем. Интервью и будет шансом узнать вас получше!

Из интервью с Дианой я узнал, что она занимается шахматами, шашками и музыкой. Причём в шашках любит комбинации! А музыку предпочитает быструю! Интересно, что все эти занятия такие «усидчивые», но в них она выбирает самые драйвовые элементы: комбинационную игру и быстрый темп! Я спросил её, а не ходила ли она в спортивные секции? Диана ответила, что пробовала художественную гимнастику, но у неё не очень получалось. Вот как! Физические нагрузки оказались тяжеловаты, но темперамент просится наружу, ищет выхода! И находит. В музыке, шашках, а ещё – в приключенческих детских книгах и пу-

тешествах, куда они ездят всей семьёй. Этот случай мне кажется вполне счастливым, когда ребёнку удалось, не впадая в уныние, заместить, найти способ для выражения своего внутреннего «я»!

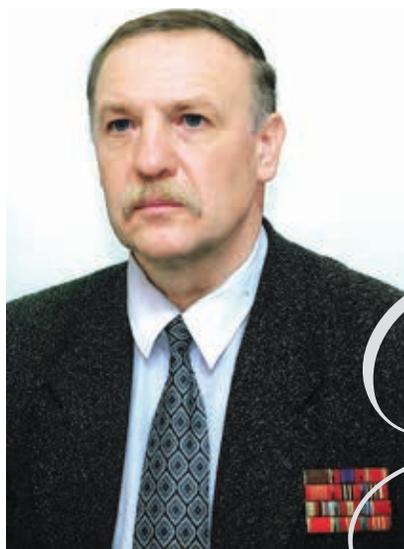
Ева и Юля рассказали о том, через какие испытания прошла их дружба, про свои отношения с прежними подругами, где у них было много конфликтов, они даже употребили слово «шантаж», имея в виду, что их прошлые подруги мешали Юле и Еве дружить между собой. Девочки уверены что от родителей помощи не получают, а только обычное назидание и совет вроде того, что «поговорите с ней». «Понимаете, четвёртый класс – это такой первый переломный момент. До этого времени ты ещё дружишь со всеми, тебе все нравятся. А в нашем возрасте ты уже начинаешь выбирать, что твоё, что нет, выбираешь своих друзей и подруг...»

Меня поразили взрослые и взвешенные рассуждения девочек о поколенческих психологических проблемах. Интересно, что форма интервью становится иногда и таким своеобразным психологическим тренингом. С этим, конечно, нужно поосторожнее, хорошо бы проконсультироваться с психологом-профессионалом.

Будучи знаком со многими авторскими педагогическими методиками, я, конечно, вспоминаю, что, например, в системе Селестена Френе школьная журналистика играет одну из важных ролей. Концепция Френе (школы-клуба) успешно воплощалась в Татарстане. Набережночелнинскую школу Френе закончили многие мои друзья из автограда, ставшие потом музыкантами, поэтами и актёрами.

Кстати, в предложенных названиях газеты было ещё одно: «Творение», это вариант Николины Шкулетич: «Творчество – это главное в жизни». И не важно, что ничего лунного в этом варианте не видно, на первый взгляд, творчество – оно и на луне творчество. ■





Прозаик, публицист, журналист. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1990). Участник боевых действий, майор внутренней службы в отставке. Автор одиннадцати книг, более трёхсот литературных публикаций и более тысячи журналистских материалов. Переведён на таджикский язык. Живёт в Ростове-на-Дону.

Фёдор Ошевнев

БОЛТЫШ И ЖАБА

Узавуча-историка, двадцати лет потерявшего на фронте ногу выше колена и за-получившего незавидное прозвище Раскладной — при ходьбе негнушующаяся деревяшку приходилось выносить по дуге вбок, — было двое детей. По сути, из разных поколений.

Последыша назвали Толей. Рос он вездесущим, по любому поводу спеша высказаться. В каждой бочке затычка. Впрочем, учился он почти на одни пятёрки.

Ещё с младших классов его, легко забывающего о своих обещаниях, окрестили Болтуном. Позднее прозвище фатально переродилось в Болтыша: так называют неоплодотворённое, без зародыша, яйцо. Негожее ни под насадку, ни в пищу. Толик не единожды дрался, не желая мириться с позорной кликухой. Раз даже к отцу воззвал: как бы от неё избавиться?

— А никак, — ответил тот. — Не удастся.

— Между прочим, в нашей выучке тебя втихую тоже дразнят. Знаешь кем? — вырвалось тогда тайное у сильно раздосадованного мальчишки.

— Конечно, — разительно удивил его в ту минуту отец.

— И не обидно?

— Ну ещё бы... Ведь не сам же я себя по дурости ноги лишил. Или вот наш физрук Староконев — глаза. Ты про его - то прозвище в курсе?

— Ага. Косой. Говорят, вроде по пьяни прицелом на сук напоролся.

— Эх ты, охальник! Слышал звон... Василий Николаевич — фронтовой лётчик. После тяжелейшего воздушного боя — один против трёх «мессеров» — чудом, с осколком в глазу, до своих дотянул, истребитель спас. Он этот осколок и им располосованный шлемофон как память о боевой юности хранит. Мы Родину от нелюдей защищали, а вы по глупости малолетней за наши раны и кровь нас же — и носом в дерьмо. Не судите, да не судимы будете. Впрочем... И с телесными изъязнениями надо стараться жить полноценно. Ну а ты, сын, прозвище своё поделом заслужил. За язык без костей...

— Но я ж не знал... — рефлекторно тронул мальчишка овальную плоскую родинку-лентигу на левой щеке. — Про физрука, значит... А он сам не рассказывал...

— Зачем? Я ведь тоже всякому не объясняю, что в танке горел. Гадости же и про меня измышляют. Мол, во хмелю под поезд угодил...

Толик смущённо отошёл от отца...

Классным руководителем у мальчишки после «началки» стала русистка Алевтина Филипповна Полякова. Дородная с юности, она после тридцати расплылась безнадежно. Вес женщины резво перевалил за сто кило, а на пухлом лице,

обрамлённом короткими светлыми кудряшками, обозначились обвисшие лоснящиеся щёки и вырос тройной подбородок, студнем сотрясавшийся при волнении.

Как и многие учителя, Полякова со временем заполучила прозвище. Не по характеру или сфере деятельности, а (так случается много чаще) по схожей наружности и весьма нелестное: Жаба.

Было время, когда она серьёзно нацеливалась на место Раскладного. Внушая на всех уровнях, что инвалид первой группы просто не в состоянии полноценно исполнять обязанности зава учебной частью. И что — ах, если бы только ей поверили и доверили...

Не прокатило: директор, сам участник войны, натвердо придерживался иной точки зрения: в его школе завучем должен быть только мужчина!

Русистка яро не терпела забывчивости и трёпа Толика. Комплексуя по поводу неудавшейся педагогической карьеры и упорно продолжая считать, будто виновен в том не возжелавший «подвинуться» Раскладной, женщина свой субъективизм к отцу проецировала на сына. Стоило Толику по мелочи проштрафиться, класуха тотчас спешила наябедничать начальнику-родителю, упиваясь недолгой специфичной властью над ним.

— Как же так? Вы — зав учебной частью, опытный педагог и нас во всех вопросах воспитания должны направлять и поправлять... Сына же явно упускаете, — с наслаждением выговаривала Алевтина Филипповна Раскладному, вторгшись к нему в кабинет. — Он же мне урок сегодня едва не сорвал! Да! — и многоэтажный «бурдюк» русистики гневно заколыхался.

— Нельзя ли поконкретнее? — прервал историк.

— Значит, сегодня мы изучали фразеологизмы. В качестве одного из примеров я использовала идиому «кот заплакал». Пояснила, что, хотя слёзные каналы у кошек и есть, самих слёз от них не дождёшься. Отсюда и пошло выражение, обозначающее ситуацию, когда чего-то гораздо меньше ожидаемого.

— Прошу прощения, — прервал мини-лекцию Раскладной. — А вот я где-то читал, что здесь имело место транслитерирование. То есть арабский оборот «коты наилак» — изначально: «перестать получать достаточно денег», а по-наше-

му: «чтоб ты жил на одну зарплату», передали буквами русского алфавита. Со временем смысл устоявшейся фразы резко расширился до значения мизерного количества уже всеохватно.

— В данном случае вариации генезиса не столь важны! — не позволила втянуть себя Полякова в этимологический спор. — Я предложила подобрать синонимы к расхожему словосочетанию. Высказывались, надо сказать, активно. И «с гулькин нос», и «очень мало», и «всего ничего»... Знаете, что ляпнул Анатолий?

— Пока нет.

— Кот заплакал — кот накакал! Ещё и с таким глубокомысленным видом! А весь класс триумфально ржал, громче табуна диких лошадей! Откуда в лексиконе шестиклассника, позвольте спросить, почти нецензурщина?

— Отнюдь. Вполне приличный глагол для обозначения естественных надобностей. Кажется, я догадываюсь о корнях процитированной фразы. У моей сестры сиамская кошка имеется. Одного мальчика из приплода придарили нам. Вот с перенным успехом учим теперь котика в противень с песком ходить, но вчера он посреди кухни нагадил. Ассоциация ясна?

— Да уж конечно! Только это вашего сына не оправдывает! Так дальше продолжаться не может! Ещё скажите спасибо, что я пока до директора не дошла!

Фронтоник классной руководительнице сына отнюдь не симпатизировал.

— Я-то, конечно, с ним поговорю, — пообещал он. — Но, на мой взгляд, вы палку перегибаете. Ничего такого уж криминального Анатолий не совершил. Ну, брякнул с места глупость, так и не оправдываю... Однако и вы не забывайте: ему всего-то двенадцать.

— Фундамент воспитания закладывается в детстве! — витийствовала Полякова. — Сын, чувствуя вашу поддержку, на голове готов ходить!

— Это уж вы через край хватанули! Анатолий ничем не хуже сверстников... Ага, звонок. Что ж, напоследок — в коллекцию синонимов к заплакавшему коту. Две консервные банки плюс дыра от баранки. Извините, у меня урок...

«Банки-баранки... Яблоко от яблони... Не-ет, только к директору!» — распяляла себя русистка, грузно топя по коридору.

В начале седьмого класса в один из сентябрьских выходных сын Раскладного собрался на новый фильм. На подходе к кинотеатру попался на глаза хулиганистому дылде-девятикласснику из соседней школы, не подозревавшему, что перед ним — сын завуча.

— Мелочишку на кинчишку... Ну-кась! Быстро карманы вывернул! — потребовал дылда.

— У меня ровно себе на билет, — тот явно не спешил расстаться с деньгами.

— В упор не колышет! Слышь, ты, чмошник тупорылый... Могу ведь для понятливости и по мордасам вкатить!

— Попробуй — пожалеешь... — решительно сжал кулаки Толик.

Но дылда подло ударил несговорчивого паренька ботинком в пах. От дикой боли мальчишка сложился вдвое, прижав ладони к ушибленно-му месту и тщетно пытаясь вздохнуть. Грабитель меж тем выудил из карманов жертвы несколько монет, деловито пересчитал.

— Вот выручил, — издевательски хлопнул он Толика по согнутой спине. — Теперь дуй домой и зубри, зубри. Ученье — свет, неученье — сумерки! Хо-хо!

И, довольный, поспешил к кинотеатру...

Жаловаться обиженный не пошёл. Выслушал участливые слова двух параллельноклассников, наблюдавших бесчестный удар... А затем удачно отыскал на ближайшей мусорке кусок ржавой трубы-дюймовки с полметра длиной. Обернул его старой газетой.

Обидчика он нагнал за несколько кварталов от кинотеатра: ничего не подозревающий дылда высматривал очередной объект для быстрого обогащения.

Трубой Толик с размаху врезал сзади. По затылку врага. Что есть силы.

Более чем удачно: девятиклассник неловко завалился набок, потом на спину. Пользуясь этим, ограбленный с прыжка безжалостно приземлился ему на гениталии.

— Понял теперь, как мне больно было? — уточнил он у скорчившегося в позе эмбриона взголосившего врага.

Улепетнуть вершитель справедливости не успел. Трое мужчин, привлечённые тоскливым воем поверженного, препроводили обоих в милицию.

Девятиклассник поначалу факт избиения и ограбления младшего отрицал. Однако свидетели начальной фазы конфликта стопроцентно подтвердили показания Толика.

В финале разбирательства принимала участие и Полякова. На следующий же день она наступательно высказывала свое «фу» отцу-завучу.

— С таких лет — и такая жестокость! Откуда? Колотить люто, нещадно, металлом и по голове! Он же человека убить мог!

— Ну а о том, что сей человек раньше не менее жестоко избил моего сына и отнял деньги, вы почему-то забываете? Анатолий нашёл способ самостоятельно поквитаться с хулиганом. Заодно начинающему гопнику и мозги промыл...

— Однако каким образом ваш сын действовал? Коль уж так случилось — расскажи о том учителям, родителям. Кто ему мешал быстренько домой возвратиться и об инциденте доложить?

— Скорее, заложить... Только кому? Мы с женой с утра к родственникам уезжали. В школе в воскресенье — разве сторож. Вашим адресом сын не располагал. И крайне сомнительно, чтобы из-за сорока-пятидесяти копеек вы немедленно помчались в милицию. Да и вообще: достойно он поступил! Как настоящий мужчина. Хотя признаю: палку перегнул. За что уже и поплатился.

— Вы в корне неверно воспитываете сына!

— Мне, как отцу и педагогу, виднее. И по праву родителя сына защищать буду всегда!

Накануне Дня Победы Полякова запланировала читательскую конференцию. Толику поручила плюс к чтению наизусть отрывка из «Сына полка» ещё и рассказать о боевом прошлом Раскладного. Ведь он оказался единственным в классе родителем-фронтовиком, остальные папы были гораздо моложе его. И надо же так случиться, что подросток собирался поподробнее расспросить отца о пережитых баталиях — и напрочь забыл подойти в тот вечер к нему. Ещё и книжный текст выучил через пень-колоду. Впрочем, всё это было бы полбеда, однако в класс — ну совсем уж некстати! — нагрянул заврайоно.

Картина маслом...

— По обыкновению, в своём репертуаре! — желчно распекала классуха Толика после занятий. — Ни капли стыда! Полнейшая безот-

ветственность! Интересно бы узнать: как ты дальше-то жить собираешься?

— Не хуже других, — насупленно огрызнулся семиклассник.

— Свежо предание, да верится с трудом! — и огромный подбородок боевито заколыхался. — Э-эх, чудо беспоминное! Не выйдет из тебя ничего путного. Недаром Болтышом-то окрестили! Да!

— Ах, значит, я — Болтыш? — мгновенно ощетинился Толик.

— Нея тебе это зазорное прозвище прилепила, — саркастически усмехнулась Полякова. — Запомни: по заслугам и честь...

— Ладно... — Толик раздумчиво коснулся крупной родинки на щеке. — Пусть я — Болтыш... — Подросток упёрся в классную жалящим взглядом. — Зато ты тогда — Жаба! Жжжаба! Жжжаба!! Жжжаба!!!

На какое-то время Алевтина Филипповна впала в ступор, надрывисто лоя воздух ртом, с выпяленными глазами... Наконец, трудно сглотив, рывкнула:

— Ты-ы!

И со второй попытки неловко вскочила со скорбно скрипнувшего стула.

— Негодяй! Хам! Паршивец! Пошли! Бегом! К отцу!

Русистка воинственно стиснула тонкое запястье Толика крупной тестяной ладонью.

— Пусти! — упираясь всем худеньким телом, изогнулся мальчишка. — Не имеешь права!

— Я т-те сейчас покажу права! — грубо поволокла его Полякова к двери в коридор. — Ты у меня в момент из школы вылетись! Да! А-ай! — внезапно взвела она: Толик впился зубами ей в руку пониже локтя...

— Суть конфликта мне ясна, — выслушав обе враждебные стороны и внешне сохраняя спокойствие, заявил Раскладной. — Сын, ну-ка пойдя, погуляй пока в коридоре...

— Ну, Алевтина Филипповна, и как теперь из крайней ситуации выходить?

— И вы ещё спрашиваете? Для начала пусть извинится! В присутствии всего класса! А дальше требую вынести этот вопиющий инцидент на заседание педсовета. Уж там-то живо дадут принципиальную оценку...

— Нет! Совсем не кругло выходит! — сгустил мечевидные брови Раскладной. — Как там у дедушки Крылова? «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Изначально-то ведь это вы Анатолия обозвали. И по какому праву посмели вслух перечеркнуть всё его будущее? С чего вдруг такая уверенность, что мой сын в жизни ничего не достигнет? Разумеется, личное мнение на сей счёт вам никто не запрещает иметь. Но вместе с тем держите-ка его глубоко при себе! И — повторяю и акцентирую: зачинщиком конфликта явились именно вы.

Полякова при этих словах дёрнулась на стуле и слегка подалась вперёд, но Раскладной протестующе поднял руку:

— Минуту! Само собой, я сына ни в коей мере не обеляю, однако его выпад хотя бы объясним. Он, как мог, защищался. И уж простите за эту параллель, примерно тем же макаром, как от хулигана. Затевающий бой без правил всегда рискует огрести обратно...

— По-озвольте! — в бешенстве возопила Алевтина Филипповна. — За эдакое оскорбляющее сравнение... Я на вас! В суд! Иск!

— Без возражений, — хмыкнул, согласно разведя руками, Раскладной. — Только вы также не были правомочны школьника, как преступника, за руку уцеплять и тащить волоком. Это, пардон, никому не понравится, потому вас и укусили. А что Анатолию ещё оставалось? Вы же его чувство достоинства — через коридор, на виду у всех, волоком — в пыль растереть возжелали. По справедливости, так вы первая перед моим сыном извиняться должны. Только я уверен, что на это у вас мужества неостанет... Так что вот вам моё предложение: забыть этот... м-м-м... схлест — другого слова и не подберу. Тем паче, что кроме нас троих о нём пока никто не знает. Ну а с Анатолием у меня дома состоится более чем серьёзный разговор.

— Ни за что! — воинственно провозгласила Полякова. — Исключительно через педсовет! А за травму... — русистка ещё раз продемонстрировала уже побледневшие следы укуса, — он у меня отдельно ответит. Если надо, и до районо дойду! На сей раз сына не выгородите! Да!

— Архиглупо, — отреагировал завуч. — В таком случае вынужден буду поставить вопрос перед тем же районо, допустимо ли после со-

деянного вам заниматься педагогической деятельностью.

— Вы... Вы его во всём покрываете! Используя служебное положение! Я, к примеру, специально детей в другую школу отдала. Уж меня никто не упрекнёт, что особые условия им создаю!

— Это сугубо ваше личное дело, — прокомментировал Раскладной. — А мне, знаете ли, удобнее, когда наследник под боком. На протезе-то далеко не разбежишься...

«Тайну троих» сохранить-таки не удалось. Нетривиальный схлоб выкатился за школьные стены. Однако подробности разбирательств на директорском уровне и в районе широкой публике остались неизвестны. Достоверно лишь одно: вскорости Толика перевели в параллельный класс, в котором Полякова не преподавала. И до самого выпускного бала подросток при встречах с бывшей классухой не здоровался.

Время... Непреклонное бескомпромиссное время...

В девяностом году Анатолий окончил Ярославское высшее военное финансовое училище, выслужив лейтенантские погоны, и был назначен на должность начальника финслужбы отдельного десантно-штурмового батальона.

Как раз тогда в России стартовала эпоха «горячих точек», и молодой офицер прошёл их не одну и не две, немало повидав на своём веку. В армии он получил новое прозвище: Железный Финик.

После смерти родителей — мать быстротечно съел рак, а вслед за нею в мир иной ушёл и завуч-фронтовик — Анатолий на малую родину не приезжал много лет...

Но вот однажды по весне, за несбывшимся концом света, вдова и пенсионерка со стажем Алевтина Филипповна Полякова сподобилась выйти на прогулку, заодно желая и прикупить кое-какую продуктовую мелочёвку.

Доковыляв до главного райцентровского гастронома, женщина, вес которой вплотную приблизился к полутора центнерам, приостановилась, опираясь на клюку и астматично, с хрипотцой дыша. В эту минуту из дверей магазина вышел молодой, но с густо серебриющимися висками подполковник-десантник в фуражке-«аэродроме» с высокой тульей. Остановившись неподалёку от Поляковой, он поставил на асфальт серый дипломат, достал зажигалку и пачку «Парламента»...

Алевтина Филипповна скользнула взглядом по мужской фигуре в ладно пригнанной военной форме — и вдруг углядела коричневатую-красную родинку-лентигу на лице прикуруивавшего. Присмотрелась повнимательнее... И сквозь толщу десятилетия внезапно проступил знакомый детский облик.

«Неужели он? Ведь определённо похож на отца!»

— Толя? — осторожно-полуутвердительно спросила бывшая учительница.

Подполковник в свой черёд затаенным прощупывающим взором нацелился на безобразно оплывшую сторбленную старуху с рыхлым лицом, густо-морщинистой шеей, с отёчными деформированными суставами пальцев рук и слоновьиными ногами. Глубоко, жадно затянулся. Рефлекторно дотронулся до приметной родинки. Наконец кратко, отчуждённо обронил:

— Да...

Подхватил дипломат. И стремительно зашагал прочь.

КАНАТКА

Неформальным лидером в одиннадцатом «б» считался Мишка Железуб. Настоящая-то его фамилия была Кушаров, а прозвище прилепилось из-за металлических коронок на верхних резцах: махнули подходящим колышком в уличной драке, они и обломались.

Железуб рос в ущербной семье, где мать, сторожика ПТУ, не раз в подпитии мирно внушала на-

следнику: «Есть суп-картошка да диван у окошка, а больше, извини, не нажили, и не вини». Зато отчим лупцевал Мишку, пока тому не исполнилось пятнадцать, и тогда-то, при очередной экзекуции, раздавшийся в плечах парень вырвал у пьяного мучителя «воспитательное средство» и, в свою очередь, исхлестал «родителя». Бил с наслаждением, вымещая многолетнюю обиду и непрерывно матерясь.

Потом пригрозил обмочившемуся от боли и страха мужику, что в следующий раз будет пороть, пока тот не обделается по-большому, а на закуску заставит сожрать ремень вместе с пряжкой.

После такой перемены власти в семье мать и отчим вообще махнули на сына четырьмя руками...

Среди школьников Железуб отличался тяжёлой тупостью к наукам. Неосознанно он стремился подменить свои нетвёрдые знания и низкий интеллект авторитетом первого забияки в ближайшей округе. Драться Мишка упорно учился с детства, однажды в честном, «раз на раз», бою даже сумел вырубить опытного боксёра-перворазрядника: в ответ на правый прямой резко поджал ноги, как бы упав на корточки, и разом нанёс коварный удар кулаком в пах. Скрючившегося противника добивал сложенными в замок руками и, наконец, поверженного, — пинками.

Грядущее готовило школьному неформальному лидеру незавидную планиду: алкоголизм, а может, и наркомания, уголовщина, решётка...

Свой авторитет в школе Железуб укреплял и постоянным унижением одноклассника, тихони Анатолия Костова. Сын матери-одиночки, врача, худосочный и робкий, он на лету схватывал учебный материал, но с физкультурой не дружил. И оказался объектом многолетней травли. Ещё в начальных классах Кушаров подкладывал ему кнопки на стул, срезал пуговицы с пальто, с силой хлопал измазанной мелом ладонью по спине. Не брезговал и просто щипком, толчком, подзатыльником. С годами «шутки» становились всё изощрённее: матерно расписать эрудиту учебник, прибить к полу портфель, на уроке труда намертво закрутить его в тиски, ещё и удлинив их ручку куском трубы, в школьном туалете помочиться жертве на брюки, пристроившись позади...

В классе к таким грязным выходкам относились по-разному. Кто побойчее, порой интересовались, чем именно Мосол — обидное прозвище Костову придумал тот же Кушаров — насолил последнему. Остальные вообще помалкивали в тряпочку.

Явных прихлебал, боготворивших некоронованного короля школы, было лишь трое, и за глаза их называли «Железубов хвост».

Впрочем, за годы учёбы все категории учеников одиннадцатого «б» давно привыкли к умалению достоинства одного соклассника другим. И вот ведь штука: Костов никогда и никому на Кушарова не

жаловался. А учителя стремились прилюдного конфликта «не замечать».

...Стоял погожий сентябрь. Замешкалось что-то лето; как бы собрав остаток сил, щедро посылаю нагретые солнечные лучи на маленький город. Часть тепла впитывало в себя небольшое озерцо на краю городка. В воскресенье с утра вокруг него облюбовали места многочисленные группки людей — пляжный сезон заканчивался.

— Мосол, а ну, «канатнись»! — подначивал Железуб под хохоток прихлебал. — Слабо?

Озерцо лежало промеж четырёх песчаных гор с обжитыми растительностью подножиями. С вершины одной спускался тугой стальной трос двойной свивки. Он тянулся над озерцом и другим концом прикручивался к клину, вбитому в подошву второй горы. Обильно смазанные металлические волокна пропустили сквозь обрезок водопроводной трубы с подвязанной к нему длинной просмоленной верёвкой, и кусок оцинковки легко скользил по многожильной нержавеющей канатке. Так и получилась канатка, по которой можно было прокатиться особым способом — «канатнуться».

Железуб прибуксировал кусок трубы к верхнему концу троса, крепко охватил ладонями оцинковку, решительно оттолкнулся. И гордо помчался на вытянутых руках над берегом.

— Эгей, держите, сейчас упаду! — в притворном ужасе орал он, снижаясь и смешно дрыгая ногами в воздухе. — Але-оп!

Оторвался от высотной дороги, метрах в двух от воды, сделал полусальто в воздухе. Нырнул чётко, без всплеска.

— Учись, Мосол! — выйдя из воды, покровительственно хлопнул Кушаров Костова по спине. — А-а, куда тебе... Рождённый ползать...

И тут подросток, которого от одного вида канатки передёргивало, вдруг полез на гору.

— Ну-ну! — с сарказмом заметил Мишка.

А Костов уже тянул к себе обрезок трубы.

— Ты гля! Ещё и поедет, — вырвалось у «первой трети» Железубова хвоста.

— Хрен тебе по всей морде! Чудес не бывает! — веско возразил сам неформальный лидер, временно сложив перед носом прихлебалы дулю и рубанул воздух ребром ладони.

...Сделав глубокий вдох, Костов крепко обнял ладонями обрезок трубы и в нерешительности застыл

на вершине горы. Остаться ли и дальше мальчиком для битья — сегодня он должен был выбрать. Имено сегодня и сию минуту, поскольку его унижение наблюдала первая красавица школы — Людмила Соболева из одиннадцатого «а». Да не просто видела, а ещё и презрительно скривила пухленькие губки:

— Ошибка природы, мальчик-девчоночка... Ха-ха! В юбке была б всё та же размазня. Безупрестительно! — неумело щегольнула она оригинальным словечком.

В Соболеву Костов был давно и безответно влюблён. При этом он боялся даже приблизиться к ней, опасаясь быть отвергнутым. Да, прекрасная половина человечества нередко интуитивно чувствует неудачников, а влюблённый так желал считать девушку идеалом идеалов...

Девственник в воображении своём не мог зайти дальше безобидной эротической картинки: он и любимая лежат раздетые под одеялом супружеской постели, и кумир — нагой и незащитный — раболепно готов исполнить любое желание мужчины-повелителя.

Ах, как страстно и затаённо ревновал тихоня, едва завидев избранницу оживлённо беседующей с кем-то из парней! Костов безумно боялся потерять её, не представлял, как будет жить без своего великого секрета. И сегодня, прокатившись по канатке, он должен был доказать Соболевой: он — такой же, как все, но для него подобный поступок был равен героическому.

— Слабак! Сопля! — безжалостно оценил Железуб нерешительность Костова и сочно сплюнул.

А тот, нисколько не обращая внимания на слова мучителя, выжидательно вгляделся сверху в свой идеал, и насмешливо-испытующий взгляд скрестился с боязливо-нервным.

Через несколько мгновений наблюдательница демонстративно повернулась к нему спиной. И здесь...

— Гробанётся! — воскликнул «вторая часть» Железубова хвоста.

Чёткий на фоне безоблачного неба человеческий силуэт разрезал высоту над озерцом. Но уже на первой трети воздушного пути запачканные смазкой ладони соскользнули с оцинковки — Костов замарался о трос, подтягивая по нему обрезок, — и дальше помчался по шершавому металлу на собственных руках. Увы: в эмоциональном порыве забравшись на канатку, он понятия не имел о тонкостях езды по ней — пальцами-то следовало охватывать середину

и ближний конец куска трубы, но никак не дальний.

Застывшие, как на стоп-кадре, люди на пляже разом напряглись, ожидая истошного крика и падения с большой высоты. Но судорожно цеплявшийся за маслянистый витой трос, на каждом сантиметре стирающий кожу о стальные волокна, Костов молчал.

В те ужасные секунды жизни он думал вовсе не о том, что может разбиться насмерть, но как не упасть в глазах тайно любимого человека.

«Не дотерпит до воды! Сорвётся!» — преследовала всех одна мысль.

Состояние, близкое к шоку, охватило в тот момент и Железуба. Но Кушаров испугался вовсе не реальности смерти унижаемого одноклассника, а её последствий. И ещё четко осознал, что авторитет его впредь не будет столь незыблем...

К изумлению отдыхающих, Костов молча сумел дотянуть до воды — боль перешла границы крика. Солдатиком бухнулся в озерцо метров с четырёх. Когда, хромая, выходил из воды, люди на берегу ужасались, наблюдая, как со сжатых кулаков подростка непрерывно скапывает кровь.

Он медленно, с натянувшейся на скулах кожей и стиснутыми губами, приблизился к давнему обидчику. Остановившись в метре, неожиданно вскинул-разжал руки, демонстрируя стёсанные до мяса ладони. Триумфально отчеканил:

— Повтори! Слабо? Да ведь это же элементарно!

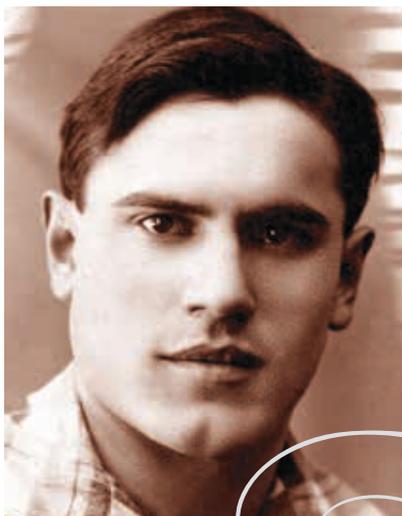
Кровь тяжело и обильно стекала с его узких израненных кистей: ниже... ниже... Казалось, предплечья сами собой тягуче облачаются в алые перчатки. И тут вдруг невдалеке раздались характерные звуки.

Какое неаппетитное зрелище! Это дико и безостановочно рвало на прибрежный песок первую красавицу школы.

Костов невольно перевёл на Соболеву победный взгляд... Перед ним предстала полупородистая хищница с пустопорожним взглядом, бесстыдно злоупотребляющая косметикой, в чересчур открытом для похотливых глаз купальнике и к тому же не к месту противно хихикнувшая после опорожнения желудка. Секундное замешательство — и, упрятав в ладонях пылающее лицо и забыв про одежду, она бросилась с пляжа.

Анатолий апатично смотрел вслед развенчанной мечте.

С того дня Железуб насупленно-уважительно обходил его стороной. ■



В сентябре исполнилось 110 лет со дня рождения известного татарского писателя, драматурга, автора рассказов для детей. В 1933 году Абдулла Алиш работал ответственным секретарём журнала «Пионер каляме» («Перо пионера»). В 1941 году был редактором татарского радиокomiteта. Находился на фронте с самого начала войны, в концлагере под Брянском встретился с Мусой Джалилем. Казнён 25 августа 1944 года в военной тюрьме Плётцензее в Берлине.

Абдулла Алиш (1908 – 1944)

в переводе Науля Ишмухаметова

«ЛЕТИТЕ, ВЕТРЫ, БЫСТРЫЕ МОИ...»

ВСТРЕЧА

(Поэма)

Похож на скovyрнутый ветром ствол,
Походкой шаткой ты навстречу шёл,
Старинный друг, душа моя болит,
Настолько безутешен был твой вид.

Куда исчез знакомый мне джигит?
Не человек, тень-облако плывёт,
Нет, не плывёт, с большим трудом ползёт,
Конечности тяжёлые влачит.

Под стать тебе, худюшему, худа
И вся одежда, сношена до дыр,
И речь, смотрю, ведёшь не без труда –
Откуда взяться силам без еды...

А в глубине черёмуховых глаз
Негромко, но горит надежды луч.
Сильна надежда и в обрывках фраз,
Душимых кашлем, что, как ёж, колюч.

Мы здесь с тобою, словно два цветка,
От жажды изнывающих в песках,
Завяли и поблекли. Злой судьбой
Заброшены сюда, мой друг, с тобой.

Хочу помочь тебе, родной, туган,
Но помогать – не по моим рукам.
Ты понимаешь, хоть и не сказал –
Я вижу это по твоим глазам.

Мы вспоминали праздники свои,
Веселье за столом в кругу семьи,
И родину далёкую, друзей,
И прочие зарубки мирных дней.

В те дни, как птицы, были мы вольны,
Пред нами настуж мир распахнут был.
Сегодня мир истаял, словно сны,
Война идёт, повсюду смерть и боль.

О, матери святые, где вы, эй,
Родившие достойных сыновей?
Эй, где вы, стайки плачущих ребят,
Что провожали нас, отцов-солдат?

Эй, где вы, наши brave деды?
Эй, девушки-красавицы, где вы?
Эй, где вы, наши сёстры и братья?
Эй, где вы, дяди, тётки, вся семья?
От вас добра изведавшие, мы
Горюем в стылых камерах тюрьмы.

Давно нет писем, умерли, видать, –
Но не спешите вы нас отпевать.
Мы боремся со смертью и в плену
Отчаянно, ведь жизни на кону.

У нас в мечтах: вернуться бы домой,
Подобно прилетающим весной
На родину скворцам, и вас обнять,
И снова погрузиться в благодать.

Друг друга утешали как могли,
От родины, от вас, родных, вдали.
Текли слова рекою без конца,
Бежали слёзы, плакали сердца...

Засохло в горле, захотелось пить,
Я вынужден был за водой сходить.
Когда вернулся с котелком в руках,
Исчез ты, где искать тебя, туган?

По лагерю я сделал спешный круг,
Куда исчез ты, мой старинный друг?
Всё обошёл – ни одного следа,
Как дорого мне обошлась вода.

Всегда мы были вместе, с детских лет,
Не расставались, в общем, никогда.
Теперь я одинокий – друга нет,
И золота дороже та вода...

Неимоверно сильным был мой друг,
Одним ударом мог порвать металл.
И пуля слепла, и снаряд не брал
Его, и трепетал от страха враг.

С утра побрёл к подножию холма –
То не земля, а куча мертвецов.
И что я вижу! Не сойти б с ума:
Средь сотен мёртвых – и твоё лицо!

От арестантов вскоре я узнал:
Произошла трагедия – обвал
Оврага, где от ветра, друг мой, ты
Укрылся, как назло, до темноты.

...Прими, земля, до срока павший лист,
Такая другу выпала судьба...
Ну а с тобою, кровный враг фашист,
Не прекратится ни на миг борьба!

МОЯ КЛЯТВА

Летите, ветры быстрые мои,
Минуйте горы, реки и леса,
Несите песни до родной земли,
Которые в тоске я написал.

Она прекрасна, родина моя,
Соломенные шляпы-крыши изб,
Народа пенье, трели соловья,
Ручья журчанье, скачущего вниз.

Весною, летом, осенью, зимой
Неотразима родина моя.
Там земляки с открытою душой,
Прекрасные подруги и друзья.

А песни, что до родины моей
Домчатся, пусть исполнит хор друзей.
А здесь, совсем один, от вас вдали,
Как буду дальше жить, друзья мои?

Когда-нибудь однажды я умру,
Взойдёт над вами солнце поутру,
То будет солнце добрых дел моих:
О родине простой, душевный стих.

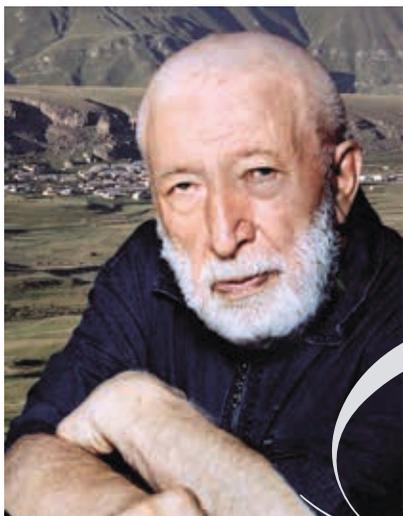
МАТЕРИНСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Ночь темна. Ни малейшего звука,
Даже ветер притих за окошком.
Спит ребёнок, ему снится в люльке
Ягод полное с горкой лукошко.

И поля, и дремучие чащи
До утра сном глубоким забылись,
И вся живность семейкою спящей
По расщелинам-норам забилась.

Одинокая мать молодая
Не смыкает ресниц, не до сна ей,
Думы тяжкие одолевают,
Отрешённо лежит и не знает,

Как ей быть, как ей жить, одинокой...
Нарушает покой вздох глубокий,
Каплют слёзы тоски на подушку,
Берегут материнскую душу.



8 сентября исполняется 95 лет со дня рождения народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. Автор сотни книг, он известен нам благодаря переводчикам, в первую очередь Науму Гребневу и Якову Козловскому, которые учились вместе с ним в Литературном институте в Москве. Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями. В 40-е годы поэт работал заведующим отделом и собственным корреспондентом аварской газеты «Большевик гор», писал острые статьи для газеты «Патриот».

Расул Гамзатов



Памятники гамзатовским журавлям в Саратове и Гунибе

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле...

Перевод Наума Гребнева

ВЕРШИНА ДАЛЁКАЯ КАЖЕТСЯ БЛИЗКОЮ...

Вершина далёкая кажется близкою.
С подножья посмотришь – рукою подать,
Но снегом глубоким, тропой каменистою
Идёшь и идёшь, а конца не видать.

И наша работа нехитрою кажется,
А станешь над словом сидеть-ворожить,
Не свяжется строчка, и легче окажется
Взойти на вершину, чем песню сложить.

Перевод Наума Гребнева

Свои стихи читать мне странно...
Какой я, чёрт возьми, поэт,
Когда в моей душе Корана
Не просиял нетленный свет?

Но если будущий историк,
Листая томик мой в тиши,
Отыщет всё ж среди риторик
Живое слово – стон души,

И удивится в ту минуту,
Готов раскрыть ему секрет:
Аллах дарил нам почему то,
Невеждам, свой волшебный свет.

Хоть мы и верили, как дети,
Свою «правдою» кичась,
Что нет тебя, Аллах, на свете,
Ты снисходил к нам в страшный час.

И мы, не ведая, что с нами,
Вдруг обретали, пусть на миг,
Родство живое с небесами
И сквозь личину – божий лик.

Пред вами, древние поэты,
Склоняюсь я, ничтожный прах:
Вы знали мудрости заветы –
Вам диктовал с небес Аллах.

Перевод Владимира Коркина

ЕСТЬ ТРИ ЗАВЕТНЫХ ПЕСНИ У ЛЮДЕЙ...

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей –
Её слагает мать над колыбелью.

Вторая – тоже песня матерей.
Рукою глядя щёки ледяные,
Её поют над гробом сыновей...
А третья песня – песни остальные.

Перевод Наума Гребнева

ПЕСНЯ ПРО СОКОЛА С БУБЕНЦАМИ

Было небо черно от лохматых овчин,
Всё клубились они в беспорядке.
И сидел вдалеке от родимых вершин
Красный сокол на белой перчатке.

Бубенцами его одарили ловцы
И кольцом с ободком золочёным.
Поднимал он крыла, и опять бубенцы
Заливались серебряным звоном.

На перчатке сидел и не ведал забот,
И кормили его, как ручного.
Только снился ему в чёрных тучах полёт
И скала у потока речного.

Он домой полетел, бубенцами звеня,
Красный сокол, рождённый для схватки,
И товарищам крикнул:
– Простите меня,
Что сидел я на белой перчатке!

Отвечали они там, где катится гром
И клубятся туманы на склонах:
– Нет у нас бубенцов, что звенят серебром,
Нет колечек у нас золочёных.

Мы вольны, и у нас бубенцы не в чести,
И другие мы ценим повадки.
Ты не свой, ты чужой, ты обратно лети
И сиди там на белой перчатке.

Перевод Якова Козловского



Нури Бурнаш (настоящее имя – Искандер Абдуллин) – казанский писатель, преподаватель, журналист. Родился в 1975 году. Закончил филфак КГУ. Автор двух поэтических книг («Двадцать одно», «Графика»), книг прозы («Чагынский словарь», «Седьмая Пятница» – готовится к печати), а также пёстрого букета публикаций в российских и зарубежных изданиях. Стихи переводились на татарский и немецкий языки. Член Союза российских писателей, участник фестивалей, победитель республиканского поэтического слэма (2015). Преподаватель русского языка и курса «Образ музыканта в современном кинематографе» в Казанской государственной консерватории имени Н.Г.Жиганова. Предлагаемая поэтическая подборка – из готовящейся к печати книги стихов «VERSES ORDINARIA».

Нури Бурнаш

VERSES ORDINARIA

РОМАНС

Чума идёт с бубён по городу пустому –
 Нам козырей её рогожей не покрыть.
 Прекрасный Вальсингам уходит прочь из дома,
 В его душе горит вольфрамовая нить.

Воздушный Вальсингам вальсирует на площадь,
 Где милосердный снег укутал мертвецов –
 Сиятельных господ и публику попроще,
 Носителей сапог, владельцев башмаков.

Проворный Вальсингам легко находит адрес:
 Дверь, на которой мелом нарисован крест.
 Он знает, что сейчас ему откроет Клара
 И скажет: мой желанный, где ты был сто лет?

Но на двери замок – возлюбленной нет дома,
 Опять у ней дела, на месте не застать,
 Но завтра он сюда, наитием ведомый,
 Вернётся ровно в два, а может, ровно в пять,

Ведь все часы стоят навытяжку, как стражи,
 А значит, смерти нет, её не нужно нам –
 Пока лежат снега, укрыв утраты наши,
 Пока хранит любовь безумный Вальсингам.

ИГОИСТ

Обиду на сугробы затаив,
 Поедем целоваться за ТАИФ,
 Где дразнит ноздри аромат оффшоров.
 Смотри, любимая, как громко, без стыда
 Нам светит путеводная орда –
 Защитница всех коммивояжёров.

Смотри, любимая, как мил наш городок,
 Когда вовсю урчит у наших ног,
 Дугою выгнув храмы, окна шурия.
 В котле бурлящем всевозможных карм
 Ему что Масленица, что байрам:
 Он всё равно, мятежный, ищет пурим.

Вдоль древних стен с призывами fuck off
 Идут на юг тумены облаков –
 То барсом, то нетерпеливой рысью.
 Хотя конечно, что ни говори,
 Здесь воля всемогущего Тенгри,
 Которому мы так бездарно снимся.

Взгляни, любимая, сколь дивен этот край:
 Что ни дворец, то форменный сарай.
 И вот тебе изгнание из сарая –
 Нукер к нам скачет в чеховском пенсне
 Вполне нетрезв и выбрит не вполне,
 В зубах пайцзою ханской ковыряя.

DE PROFUNDIS

В сугробах дворов,
в утробах домов,
в концертных хорах и возле –
ты – слово во лбах,
огонь на губах,
ребёнка упавшего восклик.

Азан отражается в колоколах,
меняя тональность. Отсюда
в десятках партит твой родной Айзенах
и сотне прелюдий.

Народ здесь не верует в разных богов,
но в случае крайнем примчатся на зов
Святой Валентин, Витт и Патрик.
И, словно на зависть шаманам седым,
из труб поднимается жертвенный дым
на капищах фабрик.

Но трубы непрошенного короля
по-прежнему властно и внятно велят
в притихнувших залах
и медленно, плавно, из самых глубин
растёт, словно вдох, торжествующий гимн
во всех мануалах.

И тем непреложней смущая умы,
царит он, как церковь святого Фомы,
над местной округой.
Его огибая, беззвучно почти,
течёт подо льдом бесконечный Итиль
размеренной фугой,

где мукой и болью – В.А.С.Н.,
внятным паролем – В.А.С.Н.,
плачем незрячего старика.

Прольётся токката, в партере дрожа,
и каждая будет согрета душа
дыханьем титана.
Как прежде молитвы твои горячи!
В татарских снегах камертоном звучи,
евангелие от Иоганна!

РЕДАКТОР

Без оптики аптеку обтеки,
Узнай по контуру окон контору,
Пройди полями два абзаца до реки,
Спроси у часового, час который.

Вот дом, в котором были вы близки,
Её подъезд, такой позавчерашний,
В нём змей в ту ночь смешал вам языки
И царством соблазнял, и снёс вам башни.

Подвал дышал, ворочаясь во сне,
И батарея скалилась щербато,
И трещина в обшарпанной стене
Кривилась, как ухмылка психопата.

И это всё, что было. Уходи.
Не медли, как подследственный на месте.
Хоть двадцать раз всю книгу перечти –
Ни знака не изменишь в этом тексте.

САД

Вот женщина тебе насмешливо
Протягивает свой айпад.
Что ты смутился, дурень? Ешь его,
Пока цветёт маркиз де Сад,

Пока бесцельно, бестолково
Ломтями режет облака
Краплённая творцом корова,
Сорвавшаяся с поводка,

Пока узоры сплетни сальной
Плетёт паук среди ветвей,
А стрекозу в исповедальню
Упрямо тащит муравей,

Пока глухарь себя не чует,
Плющ яблони сжимает ствол
И голову теряет всуе
Влюблённый в плаху богомол –

Решайся, что же ты опешил,
Другого не ищи пути:
Хватай айпад, пока он свеж и
Пока Садовник не в Сети.

KZN.tat

Повсюду Казань, Жень,
Куда ни пойдёшь, Лёш,
И даже в Париж, Миш,
Ты тащишь Казань, Ань.
Не нужно у касс час
Сто первый стоять раз
С вокзала Казань Пасс
Везут до Казань Пасс.
Спасибо скажи, что
Не до Кильдураз.

Ты можешь хотеть в Рим.
Ты можешь лететь в Крым.
Снимай, пилигрим, грим:
Не скрыться под ним.
Что в сумке твоей, гость?
Татарских молитв горсть,
Казанских дворов гроздь,
Да Зиланта кость?
Хоть вовсе не пей чай
Хоть чаянья свои чай,
Ты в этот пророс край
По самый тукай.

ЛИВЕНЬ

Адамы под навесами
торчат, окоченев:
под хлябями небесными
хрен догребёшь до ев.
Распутица, бескормица,
в Эдеме дождь стеной –
а Ной всё не торопится
Кон-Тики строить свой.
А Ной всё ждёт знамения –
и лишь отсрочке рад
угревшийся в расщелине
непарный шелкопряд.
Забыл соблазна навыки
Змей, погружённый в сон, –
И тяжелеют яблоки,
и падают в Гихон

РАЗГОВОР

– Ты снова скучаешь, любезный мой друг?
– Конечно, скучаю – ты снова не сдюжил:
Я жду не дождусь, но твой новый кунштюк
Пошлей предыдущего, проще и хуже.
Ты стал предсказуемым, как... свинопас.
– Не гневайся, Фауст! Но я возражаю:
Лишь вспомни, как ты хохотал целый час,
Когда я Елену вернул Менелаю.
– Ах это? Ну да... Было весело, но
Ты не увильнешь, прохиндей, от вопроса:
Признайся, Нечистому тоже грешно
Смеяться над старым больным рогоносцем?
– Проснись! Для тебя я топил корабли,
Из кожи лез вон, сплин развезть пытаюсь,
Но ты Сатану не на исповедь ли
Сейчас призываешь, мой пламенный Фауст?
– А хоть бы и так! Всё одно веселей,
Чем ждать, что наш пакт наконец вступит в силу.
– Всё просто, мой Фауст: ты вновь хочешь к ней!
– Опять к Маргарите? Мефисто, помилуй!
– Ты видим насквозь, точно лес в декабре,
И нынче со мной потому и недобр,
Что вновь об адамовом вспомнил ребре,
Как будто других и не видывал рёбер.
– Да, ты угадал, искуситель. Тогда
Я с нею вдвоём танцевал чудный танец...
– Да, помню, я рядом был. Ты ни черта
В такт не попадал, но старался, упрямец!
Ты хочешь вернуться к убийце? В тюрьму?
К девице, чей ужасом взгляд затуманен?
За это ты душу отдашь мне? Возьму –
И даже не дрогну, о мой христианин!
– Ну что ж, коли так, то веди, душегуб!
Ты из провокаций и хохота соткан,
Но после её упоительных губ
Я словно в бреду, значит, – всё ещё доктор...
– Постой-ка! Один благородный порыв –
Всех козней моих эффективней? Всего-то!
Так дело пойдёт – и без всяких молитв
Останется дьявол совсем без работы.

СЕТЕВОЕ

Пьёшь ты кумыс иль думаешь кумысли,
Тебя ли кто-то думает и пьёт, –
Всё ждёшь, когда сигнал, простой как выстрел,
Тебя к священной жертве призовет.

И ты бежишь, стремительный и страстный,
Рефлексом тренированным ведом, –
Туда, где брендовый кусок пластмассы
Мерцает над пустынным алтарём.

Брось, копипастор, мучить копипасту!
Твоих баянов рваные меха
Пропахли псиной лайков. Докучас твой
Прошёл, как птичий грипп у петуха.

А помнишь, в келье ты мусолил стилос
И каменела в сумраке рука.
Ведь это ты был там, мне не приснилось, –
Доныне перст чернее клобука.

Теперь же, выпив кофе спозаранку,
Говя над очередным постом,
Висишь в сетях как снулая таранька,
Но мимо мема не вильнёшь хвостом.

Ты перепутал с отраженьем небо,
Но это мелочи. Смотри, мой персонаж:
Вон чьё-то слово бьётся по хэштегам –
Как Ева, выходящая в тираж.

РАССУЖДЕНИЕ

Мужчина – настоящий – никогда
не попадёт в расставленные сети.
Конечно, от него возможны дети,
но это разве сети, господа?
Мужчина – натуральный – ни за что
не станет жертвой женских провокаций.
Он может биться головой об стол,
стрелять в друзей и немощи бояться,
но он не дрогнет. Может – как статуи
стоять, в пространство вперья неподвижно.
Чист его разум, словно поцелуй.
Инсульт-другой, а в целом – как обычно.
Во всём, что грешную тревожит плоть,
какая б ни случилась чертовщина,
за женщиной мужчина не идёт.
А если не идёт, то не мужчина.

КАЗАНСКАЯ СКАЗКА

*Горе тебе, город Казань!
Едет толпа удальцов...
Лермонтов*

Слушай сказочку, она совсем проста.
Стоя спят и умирают города.
По ночам, как музыка веков,
переключка призрачных домов,
парков, площадей едва слышна.
Вспомни их простые имена,
различи сквозь дребезг автострад
перепевы улиц и оград,
сквозь бравурный марш кирпичных дач –
дерева резного тихий плач.
Новодела оглушающ визг –
но тем чётче сны столетних изб:
простынёй знамёна во дворе
поперёк заборного каре.
Ты познай утраченный язык
некогда булыжных мостовых
и прочтёшь зашифрованный сюжет
каблуков, копыт, телег, карет.
Вот опять на Кремль идёт отряд,
но не различить ни лиц, ни дат:
белочехи? русские? орда?
кто они? зачем пришли сюда?
Времени пыльцу, мгновений зыбь
замариновал дагерротип.
Что на нём? По улице бредёт
навсегда безвестный пешеход –
в сапогах, потёртом армяке
в сторону Булака належке.
Вот исчез, зашёл за поворот,
без себя оставив натюрморт.
Этот город жил. Шумел. Дышал.
Говорят, он был. Но перестал.
Нет, его не тронул Чингисхан,
нет, его не выжег царь Иван,
нет, не уничтожил Емельян:
под чугунной бабой,
под чиновной лапой
без единой пули
пал Иске Казан.
А на старом месте пришлецы
строят земледелия дворцы.
О, как гордо пришлецам у стен
свежеслепленных татнефтьарен!

Дайте срок: здесь скоро, как грибы,
вырастут Богатые Сабы!
Но – пощёчиной – гостей слова:
«город ваш хорош – почти Москва!»
Псевдопитер. Недохохерсонес.
Типовой застройки образец.

Стоя спят и умирают города.
Будто их и не бывало никогда.

Тонко-тонко, тихо-тихо
у окна строчит пичуга;
зверь паук плетёт интригу;
спит беспечная округа.
Зарастают паутиной
звёзд бессмысленные гроздья;
гости в комнате гостиной
завелись и не уходят.
Над столом парит спиртное
и окуроч в грязной чашке;
чей-то муж с ничьей женою
мне расскажут на ночь сказку,
увлекательную повесть
о живых и тех, кто помер, –
вот ведь как бывает! –
то есть,
обо всём на свете, кроме.
Будет он шутить нескладно,
а она смотреть устало.
Грянет полночь и кантата
для нетрезвого вокала.
После будет гость неправ, но
буду я великодушен.
А потом я стану плавным
и засну под тёплым душем.
И дождя аплодисменты
шелестеть начнут негромко
да пружины петь за стенкой –
тихо-тихо. Тонко-тонко.

ШАМБАЛА

Мы, жители Шамбалы, тайной страны,
мельчаем в панельных ашрамах, но сны
нас делают выше;
мы сами себе не рабы, не цари,
а царь наш – Сучандра, как мы говорим,
пока он не слышит.
В часы медитаций уйдя далеко,
брахманы постигли, что нет ничего
прекрасней свободы –
и, видя с мигалкой кортеж колесниц,
мы так же по-прежнему падаем ниц –
но дерзко и гордо.
Нам, неприкасаемым, знать застит взор.
Надсадно Сансары скрипит колесо,
вращаясь на месте.
Репризой не вытянуть старый сюжет,
ведь ставит до боли родной шамбалет
наш шамбалетмейстер.
Давно уже черви проели закон –
одну кама-сутру мы помним с пелён,
зато досканально.
Когда же нас ночью теснит пустота,
целительный чай отверзает врата
и гонит печаль, но
едва ли поможет священный отвар,
когда на заборе поверх старых мантр
лишь новые мантры.
Утрачено всеу искусство письма:
искусственным мозгом забиты дома
по самые чакры.
Луч солнечный редко доходит сюда
и часто такие стоят холода,
что ёжатся йоги.
К нам путь переменчив и скользок, как ложка,
а если случайно ты нас и найдёшь –
не вспомнишь дороги.



Дмитрий Валерьевич Туманов родился в Казани в 1964 году. Закончил отделение журналистики на филфаке КГУ, работал в различных СМИ города – газетах «Молодёжь Татарстана», «Вечерняя Казань», «Известия Татарстана», журнале «Татарстан». Кандидат филологических наук, долгие годы преподаёт в родной Alma-Mater, доцент кафедры национальной и глобальной журналистики. Первое своё стихотворение сочинил в семилетнем возрасте, с тех пор пишет для себя и для друзей. Изредка публикуется.

Дмитрий Туманов

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АКВАРЕЛЬ

Поэтический цикл

*Геннадию Васильевичу Жиркову –
дорогому для меня человеку –
этот Петербургский цикл*



х х х

Высокое небо пронзил Петропавловский шпиль,
Нева растворилась навеки в величье неброском...
Наверное, так: я отправлю все мысли в утиль,
Чтоб строить свой город по Вашим, Учитель, наброскам.

Немного эстет Вы. Но разве же это порок?
Органом звучит в этом городе архитектура.
«Отечества не унести на подошвах сапог»...
Но это Отечество – Ваша вторая натура.

Нас что-то роднит. Может, этот Казанский собор?
А может быть сад, где склоняются липы тенисто?
Вы знаете, я ведь немного эстет и отчасти поэт,
Заснувший над книгою, где-нибудь у букиниста.

Я вечный романтик, приехавший в эти края
Ходить к равелину, гранита рукою касаться...
Простите, Учитель, такая уж доля моя.
Я вжился в свой сон. Я уже не хочу просыпаться...

х х х

На Невский трезубец наколотый город
Меня поманил, и – сдержаться не в силах –
Накину свой плащ, подниму выше ворот:
Сегодня он ждёт там, где время застыло.

Безлюдно и тихо ещё спозаранку.
Сквозь лёгкую дымку Исакий чуть видно.
Пройдусь по Гороховой я, по Казанской,
На Невский сверну и на Думскую выйду...

Мне город знаком. Провожатых не нужно.
Гостинный, пожалуй, пройду стороною.
Вот видится банка подкова-окружность,
Пойду по Садовой на встречу с Сенною.

Где женщину били когда-то кнутами –
Стоит гауптвахта и ватер-клозеты...
Вперёд по Садовой, пока не устану:
Там ждёт Вознесенский, никем не воспетый.

И снова направо – до «Сашкина сада».
Мне купол Исакия дарит сиянье.
Не надо спешить, торопиться не надо,
Сэр Питер любитель неспешных гуляний.

В любую погоду – хоть ведро, хоть слякоть –
Вершу кругосветку. Мне путь этот дорог.
Люблю – и от счастья мне хочется плакать! –
На Невский трезубец наколотый город.

х х х

Город львов – город хищных царей,
Колыбель революций и смуты,
Вместо виселиц – ряд фонарей,
И расправы – мгновенны и круты...

Почему ж я люблю этот мир,
Где так сумрачно, сыро как в трюмах,
Где коня вздыбив, Медный кумир
На Коллегии смотрит угрюмо?

Потому, что под рокот Невы
И под шелест стареющих клёнов
Он со мною почтенно на Вы –
Этот город невежд и учёных...

х х х

Когда-нибудь, под бой часов, полночный ангел вострубит,
Заветный свиток будет вновь рукою вечности развит,
К раззолочённому крыльцу опять подкатит экипаж,
И исполины на руках поднимут Новый Эрмитаж.

Когда-нибудь, под звон копыт, очнутся чахлые сады,
Вновь оторвутся стаи птиц белёсым паром от воды,
С залива ветер налетит, но вспять Нева не потечёт,
И снова бронзовый поэт стихи надрывные прочтёт.

Когда-нибудь, под рокот волн, мосты взовьются к небесам,
И будет трудно на земле стоять задумчивым лесам,
Тогда мы двинемся вперёд, хоть будет труден каждый шаг,
Поднимет ввысь Мальтийский крест над Инженерным замком флаг.

х х х

Двенадцать месяцев – двенадцать мальчиков,
И млеют клавиши от нежных пальчиков,
А струны сердятся, ворчат неласково:
«Двенадцать месяцев – сюжет затасканный».

Вот в камельке огонь, внезапно вспыхнувший
Под Петербургскими седыми крышами,
Волшебным отблеском прогнал ночную хмарь, –
И добрым мальчиком сошёл с небес январь.

Он круговерти дней, он в неба просини,
Под цвет подснежника, под промельк осени,
И в хороводе нот прошли-растаяли
Двенадцать месяцев – творенья малые.

Ещё рояль раскрыт в сиянье ночи, но
Двенадцать пьес уже давно закончены,
А струны ластанятся, мурлычут искренне:
«Двенадцать месяцев – сюжет изысканный».

Умолкли критики, их словно срезали.
А «пустячки» всегда сродни поэзии,
Они по-доброму улыбкой светятся:
Двенадцать мальчиков – двенадцать месяцев...

х х х

Этот город – лишь сон, этот город – Zero,
Этот город – придуманный замок.
И по линиям улиц волшебных его
Где-то бродит Прекрасная Дама.

Этот город – в мечтах, этот город – в любви
И в сплетениях тени и света,
Этот город – стальные его корабли,
Этот город – виденье Поэта.

Этот город – как плач, этот город – как стон,
Моя вечная боль и награда,
Государевых тюрем сырой бастион
И холодные ночи Блокады.

Он под просинью неба, где речки изгиб,
Золотится игрушечной главкой,
Но ночами слышней в Инженерном шаги
И рыдания над Зимней канавкой.

х х х

Я вдоль Зимнего шёл с головой непокрытой,
Продираясь сквозь ветра ноябрьского вой,
И опять за спиной грохотали копыта,
Искры сыпались в небо над тёмной Невой.

Снова Медный кумир над взбешённой стихией
Рвал поводья – и конь поднимался во фронт.
А Нева бушевала подобно России:
Беспощадный, безумный, бессмысленный бунт.

На добро бы кому-то был город задуман, –
Нет! Надменным соседям он строил назло.
Так над топью болот, всё в оградах чугунных,
Петербурга гранитное чрево взросло.

Не пытаюсь гадать – это грех ли, не грех ли –
Медный Всадник летел, чуть дрожала рука...
Догорела луна своим медным доспехом,
И кровавой зарёй истекли над Невой облака.

х х х

В глухую полночь на исходе марта
Предчувствие томительно и жгуче:
На кон легла моя шальная карта,
Которую поднимет подпоручик.

Мучительна от пристани дорога,
И лунный свет – тяжёлый груз на плечи.
Что ждёт? Марьяж? Ах, крапом вверх так долго
Понтирует судьба на чёт и нечет.

Здесь тишина. Но вот беда – усну ли?
Не суждена мне скорая расплата:
Та партия закончится в июле
Под сводами сырого каземата.

Понтёр зарвётся, козыри положит,
Чужой игры, увы, не замечая.
И по могиле – как мороз по коже –
Сиреневые волны Иван-чая.

Дрожат зигзаги дальнего созвездья,
Стряхнув дурман тюремного недуга,
И луч луны, как высшее возмездье,
Пронзает в полночь стены Шлиссельбурга.

х х х

Я уезжаю, так тайны не вызнав
Этих проспектов, расчерченных строго.
Если и есть геометрия жизни,
То, вероятно, она не от Бога.

Город, как Молох людей пожирая,
Тысячи тел превращает в фундамент.
Если и есть здесь хоть что-то от Рая,
Это молитва погибнувших. Amen.

Кто архитектор твой? Строю догадки.
В линиях улиц легко заблудиться.
Белые ночи обманчиво кратки.
Чёрные дни обещают продлиться.



Рисунок Константина Куземы

х х х

Я забуду, наверное, город,
Его улиц прямых паутину.
Я уеду отсюда. Но скоро
Без него в одиночестве сгину.

Не оставить мне сердце без тела,
Не оставить мне душу без Бога,
Мой магнит – эта серая стела
И на Чёрную речку дорога...

Моя кровь – эти гроздья рябины,
Этот снег по-весеннему рыхлый...
Петербург я едва ли покину
До тех пор, пока боль не утихла,

Пока рана ещё кровоточит,
Сердце в рёбра колотится бойко,
И покуда под пологом ночи
Стынут толпы у дома на Мойке.

х х х

Облака, словно снов вереницу,
В город ветер июньский принёс,
И не спрятаться мне, и не скрыться
От Её белокурых волос.

И от глаз Её ясно-лучистых
Мне уже никуда не уйти.
И предчувствие – что-то случится –
Щемит радостью сердце в груди.

Когда подвечер вспыхнут зарницы
И навеки сожгут небеса,
Я увижу – трепещут ресницы
Той Незримой, чьё имя – Краса.

Очарованный вечною тайной,
Я забудусь, но чуть погодя
Её губ ощушу я дыханье
В жарком воздухе, полном дождя.

А затеплится месяц лампадкой,
То под отблеск Ростральной свечи
Встречу я над Лебяжьей канавкой –
Незнакомку, что плачет в ночи.

х х х

Бьёт о гранит Нева устало,
Промчится как мгновенье год.
Скорбеть об этом не пристало:
Спешу, куда судьба ведёт,
Пока не примет смерть в объятья,
Закрыв уста своей печатью, –
«В опасный путь средь бурных вод».

Пока мне кто-то в казино
Коварно Даму Пик не вынет,
Хочу пригубить, как вино,
Для россиян святое имя
И повторить призыв простой:
«Красуйся, град Петров, и стой...»
Ан, не стоит! Несётся мимо!

Ему весь мир – одна потеха...
И этой скачкой опьянён,
Живу, пытаюсь без успеха
Гасить в груди своей огонь
И наблюдать: над кромкой леса
Взошла луна – экслибрис беса.
«Куда ты скачешь, гордый конь?»

х х х

На офортах – гранит и ограды,
Истуканы стоят как литые,
И решётка у Летнего сада,
И над Смольным кресты золотые.

Сеть ветвей в обрамлении неба,
Грязно-жёлтого, словно холстина...
И малюет Господь на потребу
Петербурга скупые картины.

Как отрава бесплодных хотений
Эти тусклые белые ночи,
И скользят над офортами тени,
И тревога уняться не хочет.

х х х

Серебристых тучек стая,
Воздух приторно-густой,
В хмуром мареве растаял
Золотой кораблик твой.

Острова спешат укрыться
В клейкой зелени садов.
В город шествует царица
Голубых весенних снов.

Сердцу стало так тоскливо –
Прочь от Питерской земли!
В дымке Финского залива
Чуть заметны корабли.

За весенней этой ломкой –
То ли промельк, то ли тень:
Чу! Прекрасной Незнакомкой
Улыбнётся новый день.

х х х

На Смоленском кладбище лютуют:
Чертят символ с ветхостью пророчеств...
Над Невой всё жёстче ветры дуют,
Всё длинней тоскующие ночи.

С просинью февральские метели,
Только в них прожить совсем не просто
О душе страдающей – не о теле,
Подвизаясь в подвиге юродства.

Заметает землю злая вьюга,
Но своей молитвою нас греет
Первая святая Петербурга –
Ксения под именем Андрея.

И в своём служении неброском,
Чтоб сберечь нам в сердце человека,
Всё приходит в мужниных обносках
К нам из восемнадцатого века.

Может быть, весною снег растает,
И в часовню отворятся двери...
А чудес на свете не бывает
Потому, что в них теперь не верят...



Родился 29 декабря 1952 году в Ростове-на-Дону. Окончил Пятигорский лингвистический университет, факультет испанского и английского языков. Публиковался в журналах «Дон», «Идель», «Москва», «Литературное обозрение», «Истоки», в зарубежных изданиях Непала, Гонконга, Болгарии, Великобритании, Польши. Автор более 10 книг стихов, в т.ч. книг переводов югославского писателя Джордже Катича и ингушского поэта Магомеда Вышегурова. Лауреат Всероссийского конкурса в рамках 67-го Всемирного конгресса ПЕН-клуба под эгидой ЮНЕСКО (2000, Москва). Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, португальский языки. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись». Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы, член Международного союза литераторов и журналистов АРПА.

Игорь Елисеев



«Переводы Игоря Елисеева получили признание литературной общественности России и зарубежья. Так, например, в 2014 году переводчик был награждён почётным дипломом в связи с празднованием 200-летнего юбилея Бханубхакты Ачарьи и за активное участие в переводе непальских стихотворных форм и издание двуязычного сборника стихов «Мост Сваргадвари». В 2015 году литературная деятельность поэта и переводчика была высоко оценена памятной золотой медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову». ...В переводах Игоря Елисеева современная татарская поэзия предстаёт в широком тематическом и жанровом диапазоне... Переводчика привлекла глубокая лирика Газинура Мурата, драматизм любовных переживаний, а также присущая татарскому народу сдержанность во внешнем проявлении чувств; стихи гражданской и патриотической тематики Ахмеда Адиля; идея преемственности поколений в стихах Рустема Сультеева; лиричность и задушевность женской поэзии Эльмиры Шарифуллиной, героиня которой любит и любима, душа её не терпит фальши, очень ранима... В стихах Джаудата Дарзаманова раскрывается разноцветный мир детства, а в описании маленьких героев присутствует добрый юмор...»

*Альфия Галимуллина, поэт, переводчик, лауреат
Республиканской премии имени Гавриила Державина (2016),
член Союза писателей Республики Татарстан,
из статьи «Современная татарская поэзия в зеркале
переводов Игоря Елисеева».*

Газинур Мурат

В ПОЕЗДЕ

К замёрзшим окнам прислонясь
и за столбами следом
вертя головкой, мальчуган
куда-то едет с дедом.

Устал... И всё же: «Скоро, дед?»
твердит он по-татарски.
А поезд мчится. Позади
дома остались Арска.

Но мальчик всё не отстаёт:
«Скажи, а ждёт нас мама?»
– Присядь, сынок. Давай играть.
Представь, что ты – Харламов.

Стучат горошины о стол.
Хоккей – не место драме...
В сиротском поезде судьбы
мальчишка едет к маме.

ТЕБЯ РЕШИЛ Я БОЛЬШЕ НЕ ЛЮБИТЬ

Тебя решил я больше не любить,
Былое ворошить я перестану.
Пусть ласк моих не сможешь ты забыть,
И это будет – соль тебе на рану.

Пусть будет для тебя на рану соль –
Слеза твоя, смочившая мне губы.
По-своему ты любишь? Что ж, изволь,
А мне совсем иное в жизни люблю.

Меня из сердца выкинь – вышел срок,
Я не вернусь, не жди меня, не надо.
Чтоб жить в разлуке, словно Сак и Сок,
Пусть Бог тебе терпенье даст в награду.

Я по тебе тоску прогнать сумел,
Повергнуть в прах кумира был я в силе!
Отходную своей любви я спел,
Кто с ней проститься явится к могиле?

Я знаю, кто на проводы придёт,
Я знаю, кто появится с лопатой.
Но я тебя избавил от забот –
Любовь погрёб я в сердце без возврата.

* * *

Что ж не кинулась стремглав
К ней, цветы к груди прижав?
Ты же видела, что мимо
Юность шла, тоской гонима.

Босоногой, в платье белом
Шла по городу несмело.
Сбилась, может быть, с пути,
Дом желая твой найти?

Но опять, свернув за угол,
Замечала только туго
Заплетённые в узлы
Судьбы, улицы, углы...

Ей встречавшихся прохожих
Странный вид её тревожил.
Только дальше был простёрт
Путь её – в аэропорт.

Что ж не кинулась стремглав
К ней, цветы к груди прижав?
Ты же видела, что мимо
Юность шла, тоской гонима.

Джаудат Дарзаманов

НАЗА ХОДИТ ПО САДУ

Солнце село, а Наза
ходит всё ещё по саду,
воду носит и поёт:
«Мне полить цветочки надо.

Пусть растут они! Для пчёл
будет радости немало.
Всё я сделаю сама,
чтобы мама отдыхала».

На весёлые цветы
льются ласковые струи
так, что кажется – они
кверху тянутся, танцуют.

МЕНЯ ПОЙМАЛА РЫБА

Я над речкой с удочкой сижу,
дёргаю, забрасываю снова
и за ней внимательно слежу,
чтоб не прозевать начало клёва.

Вдруг смотрю – клюёт! От поплавка
по воде круги пошли. И всё же
я терплю и не тяну пока,
знаю: хитроумна рыба тоже.

А теперь – пора тащить. А ну!
Не хватает сил, какая жалость!
Я с таким трудом её тяну, –
видно, рыба крупная попалась.

Но рванулась вдруг она – и вот
бью руками в речке как попало.
Получилось всё наоборот –
рыбина меня сама поймала.

Ахмед Адиль

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

Солнце скрыл в своих объятьях мрак.
В край, где ночь царит, умчался ветер.
Не могу уснуть лишь я никак,
может, я один сейчас на свете.

Кто навстречу выйдет мне во мгле?
Болен кто грядущими веками?
И кого ещё на всей Земле
мучает содеянное нами?

Я брожу по улицам... Одной
думой полон я. Вокруг потёмки...
Смогут ли по свежести ночной
так же вот бродить мои потомки?

Или в дымной копоти, в лучах
всё испепеляющего взрыва
мои внуки обратятся в прах,
как леса, и города, и нивы?

Или будут о простой воде
умолять с протянутой рукою,
на Земле отравленной нигде
для себя не находя покоя?

Современник! О тебе грустя
думаю. И у тебя есть дети!
Ночь. Уснуло солнце, как дитя...
Совесьть ждёт. Мы перед ней в ответе.

СПАСИБО, ЖИЗНЬ

Солнце закатилось – потемнела высь.
Окна, словно чувства светлые, зажглись.
Толпы насекомых над землёй взвились.
Жизнь – прекрасный праздник, радость бытия!

Молодёжь не может в этот вечер спать.
На поляне танцы в сумерках опять.
Злу не место в душах, всюду – благодать.
Жизнь – прекрасный праздник, радость бытия!

И в ночном ауле – множество забав,
убегают черти от людей стремглав.
Девушки надежды спрятали в рукав.
Жизнь – прекрасный праздник, радость бытия!

Жизнь, тебе спасибо! Довелось и нам
приводить красавиц юных на байрам,
и они внимали сладостным словам.
Жизнь – прекрасный праздник, радость бытия!

И на них гляжу я нынче в стороне.
Ох, попали вожжи в рученьки жене.
Что ж, и ей спасибо! Счастлив я вполне.
Жизнь – прекрасный праздник, радость бытия!

Рустем Сульдеев

ПЕРЕМЕНА

«Звезда стремглав упала – прервалась
жизнь человека». Но иначе бабушка,
на бабочек печально засмотрясь,
сказала как-то: «Души мёртвых – бабочки».

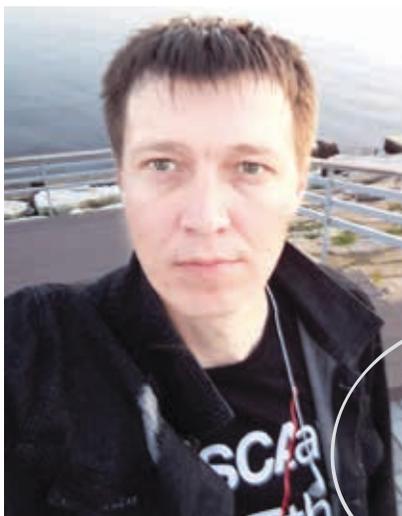
И каждый раз молилась перед сном:
«Дай, Господи, грехов им отпущение,
прости, Всевышний, если мать с отцом
когда-то совершили прегрешение.

У человека краток век земной.
Как бабочку, его сметёт безжалостно,
И если знаешь ты грехи за мной,
прости, Аллах, прости их все, пожалуйста!»

Грехи?! О нет! Чиста, белым-бела
твоя сейчас летит над миром бабочка...
Как много стало их... А ночь пришла –
всё чаще звёзды падают... Но, бабушка,

не все о них способны боль хранить.
О памяти и говорить-то нечего.
Слова твои хочу я объяснить,
но слушают мальчишки недоверчиво.

Да, жизнь у человека коротка...
Случилось что-то с этим миром, бабушка...
И бабочки летят, как облака.
Как облака, летят над нами бабочки.



Родился в 1976 году в городе Нижнекамск. Закончил Елабужский государственный педагогический институт по специальности «филология» (1998). Педагогический стаж как учителя – 8 лет. Более 10 лет – педагог дополнительного образования в Управлении по делам молодёжи и спорту, руководитель шахматного и шашечного кружков. Автор двух книг стихов. Публиковался в российских изданиях «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Новая реальность», «Белый ворон», «Литературные известия», «Сетевая словесность», «Textura.club». Член «Союза писателей XXI века». В качестве журналиста брал интервью у московского поэта и критика Бориса Кутенкова, публиковал статьи в нижнекамской газете.

Евгений Морозов

«ГОЛОС, ВПЛЕТЁННЫЙ В НАТРУЖЕННЫЙ ХОР...»

ЗВУК

Уходя из дома, где тесно зверю,
а в углу гитара да вещи-сны,
я так страшно хлопнул входною дверью,
что оставил в воздухе звук струны.

И пока маячил, стесняясь выпасть
из обоймы, в будничном наяву,
этот звук держался, крутясь и слышась
по безлюдной комнате, на плаву.

Прописной покой наугад нарушив,
он недолго длился наедине,
он ослаб и, ставши всё глуше, глуше,
утонул в нахлынувшей тишине.

Но, наверно, было всё так недаром:
я вернулся, полон колючих чувств,
и заметил тотчас – молчит гитара,
остывают вещи, а воздух – пуст.

И научен светом его распада,
ни межзвёздной ночью, ни местным днём
я не в курсе, кто он, что было надо,
но с тех пор в тревоге, узнав о нём.

Совестливый нахлебник, единственный сын
из числа, ангелок молодой,
как храбрили тебя средь испуганных спин,
баловали пахучей бедой.

Рослый выкормыш века, крещенская связь
молока и молебной травы,
как ты верил, что люди из теста родясь
и добры и однажды правы.

На рассерженность всхлипа и лёгкость смешка
пробивали тебя и толкли
недотёпу, кровинушку, недурака,
пассажира последней Земли.

Гнули, гнали, сношали, давали расчёт,
но сквозь всю эту хмарь на краю
видел ты нечто большее, нечто ещё,
чем цепную обиду свою...

Это было, как если б, сгорев на корню,
кто-то запросто, без ворожбы
произносит стыдливое имя «люблю»,
а по сути-то кляtvу судьбы,

и услышавший, видя, как не изменить,
понимает, что жизнь на меже,
для кого ему плакать, смеяться и быть,
и иначе не может уже.

Только рассядется всё по-домашнему,
с кровом придуманным, трудными пашнями,
буднями-львами, гульбой на гульбе –
гулкое, зоркое, гордое, страшное –
тут начинается прямо в тебе.

Тут принимается, и чем отчётливей,
не помещаясь, роднее всего –
из одиночества долгий приход его
и безымянное всё вещество.

Это, куда ни прибежешь, наверное,
всё, чем я был до прочтения на свет,
это дыхание, чёрное, первое,
самое прежнее, этого – нет.

Из чистогана имён позаброшенных,
изо всего, что уже сожжено,
рыжего времени, звёздного крошева
будущий ткач ворожит полотно.

И средь былого рассеянный гроздьями,
вдруг собираемый в честный узор,
так появляешься ласкою позднею,
голос, вплетённый в натруженный хор.

Песню песнь, припасённый за теменем,
ищешь от тёмного леса ключи –
почвы под разумом, памяти, имени –
в правду разверстую жадно звучи...

А что тут делать с лесной поговоркою,
тишью домашней и радостью горькою,
жизнью, с которою впредь суждено, –
гордое, страшное, гулкое, зоркое,
самое прошлое – знает одно.

Татьяне Евлентьевой

У тебя дитя. Да и ты – дитя,
не по виду, так по нутру,
над зевластой жизнью крылом светя,
как бельём на лихом ветру.

Ангелок непуганый и рябой,
чей оранжевый вздор всерьёз,
чья забота – ласки наперебой,
чтоб ребёнок роднел и рос.

На твоих затверженных коготках –
лак просохнул, а блеск промок,
а в тоске о будущем, в облаках, –
запряжённый единорог.

А дитя сквозь радость и страх во сне,
сквозь слюнявые кружева
выдыхает «мама», уже вполне
постигая свои слова.

Из каких поджилок, пойми поди,
из души, где мороз косил,
из привычных сказок в твоей груди –
столько времени, столько сил?

Хоть в чернике взгляда пути лесны,
в тихой ведьме меж слов и строк –
невезучий голос ещё весны,
несогретый, ещё цветок.

Ради снов младенчества, солнца лет,
сообщаемого тепла –
позабыла ты, как ловила свет,
как картины писать могла.

Предлагала мне на большом листе
хор фигур и титанов дня.
Из теней. Из линий. И лучше те,
что навывлет прошли меня.

И состав мой будничный, мёртв и груб,
всколыхнулся весь, как дыша,
от живучей трели из детских губ,
от нажима карандаша...

Та дорога с гулким небом,
по какой спешил пешком
в магазин за чёрным хлебом
и за белым молоком,

в пору вести голубиной,
в эру детства и родства –
ты такой казалась длинной
и понятною едва.

И скучал, и уставал я
от тебя, терпя пока,
а когда подрос, то стала
уж не та, уж коротка.

За какие-то минуты
ностальгической ходьбы
прохожу тебя я, будто
вылетаю из трубы.

Вижу – стены и балконы,
лица, ветви, провода;
всё про то, что неуклонно
на глазах и навсегда...

Знаю: нет возврата в корни,
в край не начатых скорбей,
где трава всего зелёной
и на небе голубей.

Ты лишь здесь, где надо Бога,
где как вспомним – так рискнём,
где за хлебушком дорога
всё молочней с каждым днём.

Галиасгар КАМАЛ



САЙАР



Чего мы
еще не знаем о

ПАТЯРСКОМ
театре?

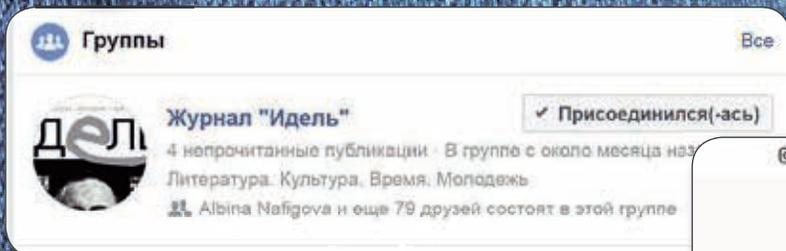
☞ Читайте в октябре



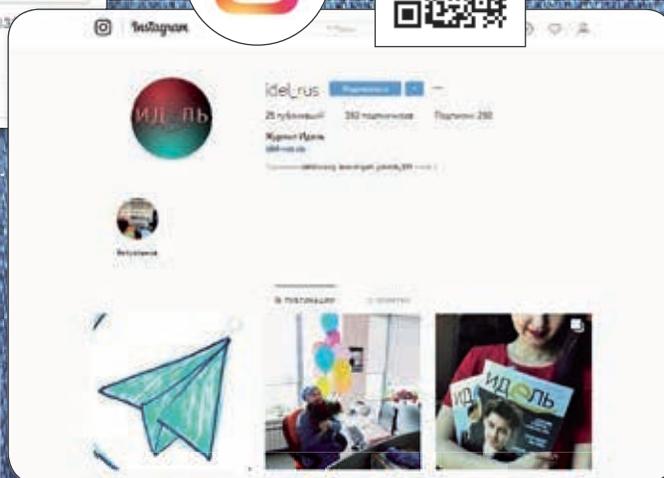
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
на нас в социальных сетях!



ВЛИЯЙТЕ
на контент журнала!



УЧАСТВУЙТЕ
в конкурсах!



ВЫИГРЫВАЙТЕ
призы!



НА СВЯЗИ!